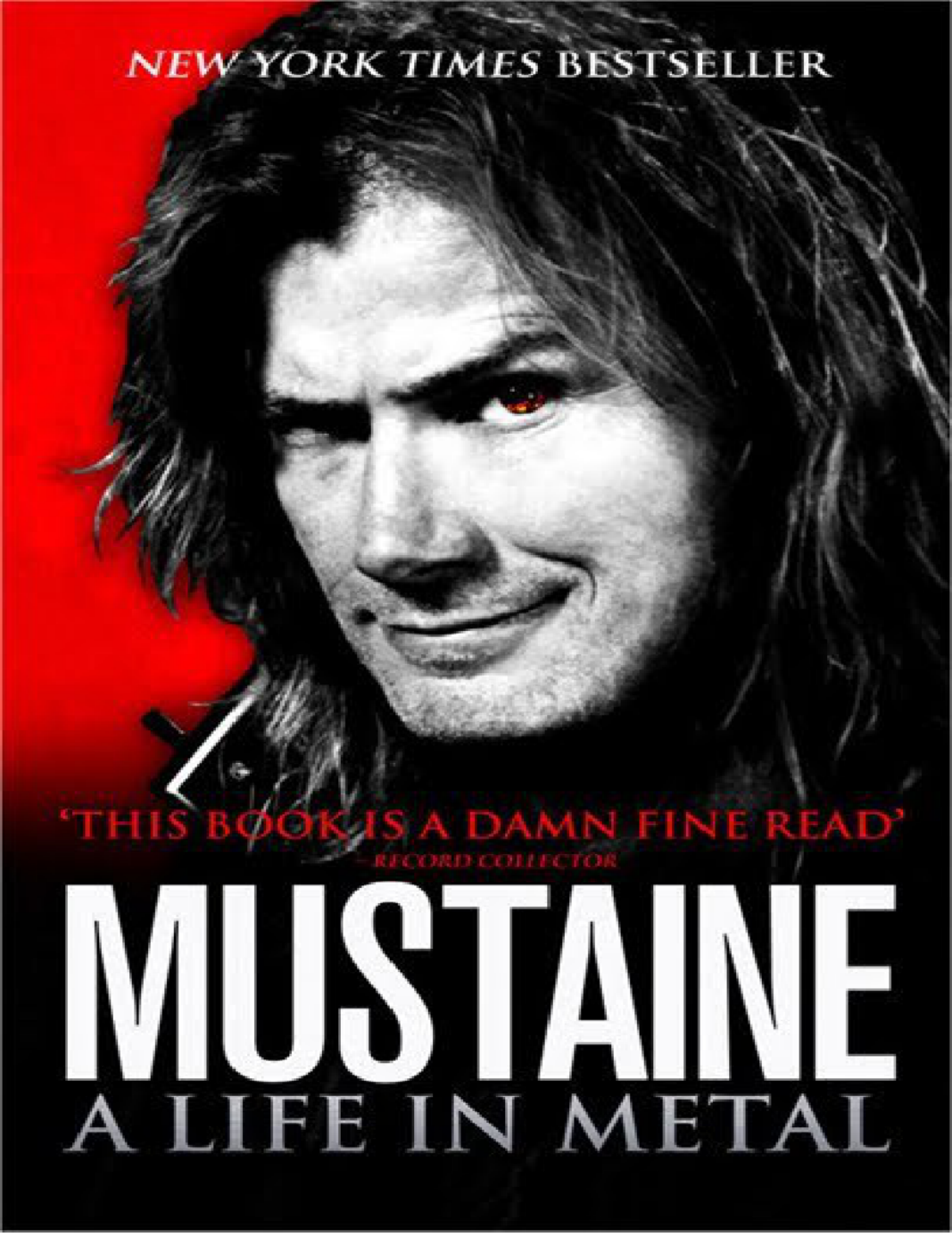
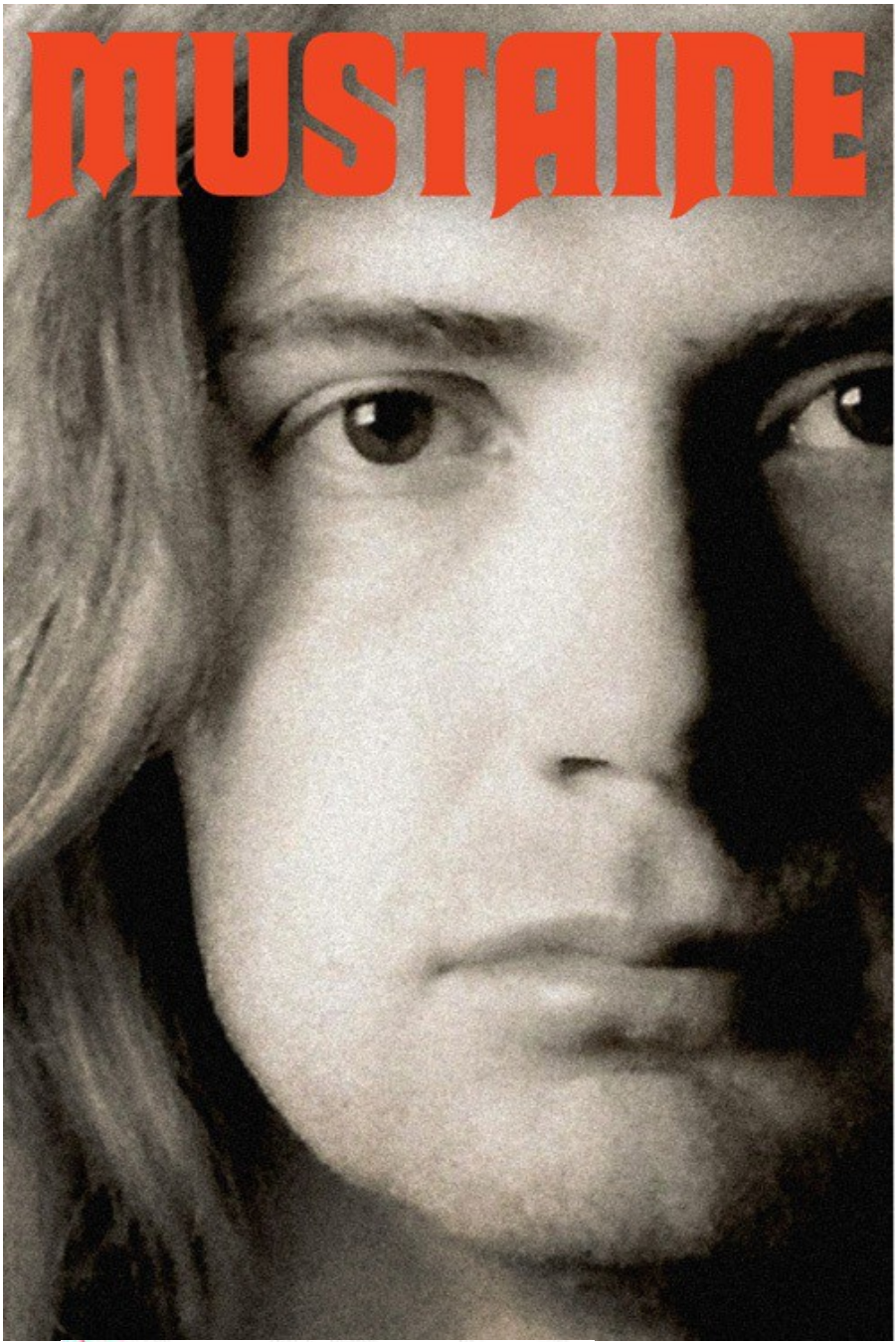

NEW YORK TIMES BESTSELLER
'THIS BOOK IS A DAMN FINE READ'
RECORD COLLECTOR
MUSTAINE
A LIFE IN METAL

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бывший гитарист Metallica и основатель Megadeth, Дейв Мастейн впервые рассказывает о своей жизни в рок-н-ролле, наконец повествуя о внутренней истории двух самых влиятельных хэви-метал групп в мире. В настоящей книге, впервые за все время, Дейв Мастейн рассказывает историю двух крупнейших метал-групп в истории, истории, которая будет рассказана о жизни группы изнутри. Пионер движения трэш-метал, Metallica достигла международной известности в 1980-х, продав более 90 миллионов пластинок по всему миру, что делает их наиболее успешной трэш-метал группой вообще. И Megadeth, вторая наиболее успешная трэш-метал группа в мире, продали более 20 миллионов альбомов по всему миру, включая шесть следующих друг за другом платиновых альбомов. Но несмотря на их огромный совместный успех, между Дейвом и Metallica сложились плохие отношения. В апреле 1983 года, отчасти из-за пристрастия к алкоголю и отчасти из-за личностных конфликтов с основателями Хэтфилдом и Ульрихом, он был уволен и бесцеремонно высажен на станции Грейхаунд в Рочестере, штат Нью-Йорк, с обратным билетом до Лос-Анджелеса. Теперь, он наконец расскажет свою версию событий. Начиная с ранних, сумасшедших деньков с Metallica, до его разрыва с группой и управления Megadeth, Дейв видел и испытал все это. И теперь он рассказывает все это в поразительно откровенной, провокационной автобиографии.

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-



HarperCollins e-books

Дэвид Скотт Мастейн: автобиография в стиле хэви-метал

(Внимание! В переводе присутствует нецензурная лексика)

Авторы: Дейв Мастейн при участии Джо Лейдена

Переводчик: Дмитрий Семёнов (http://vk.com/atheistd; atheistd@gmail.com)

Информационная поддержка: megadeth.ru, metbash.ru, vk.com/megadeth_ru

Оригинал текста:

Эпиграф

Эта книга посвящается родителям, которым я обещал, что буду хорошо себя вести.

И всем тем, кто утверждал, что не буду…

Иди, иди, иди ко мне, моя маленькая други.
Только я не могу понять всего этого.
Старые дни мертвы, они канули в Лету.
За то, что было совершено мною в прошлом,
Я понес наказание. Я излечился.
— Алекс, «Заводной Апельсин»

Сожаления, не много их было…
— Сид Вишес, Sex Pistols

Примечание автора и переводчика

Некоторые имена и идентификационные данные были изменены с целью защитить конфиденциальность отдельных лиц. Фотография на странице 2 сделана Робом Шеем. Все фотографии

в книге и вкладки иллюстраций любезно предоставлены данным автором, если не указано иное.

Переводчик оставляет за собой право распространять перевод на электронных ресурсах по своему усмотрению и разрешает копирование перевода сторонними ресурсами только в случае полного сохранения оригинального текста. Ресурсы, к которым обратился автор с просьбой удалить свой перевод, должны незамедлительно это сделать.

Пролог: С подковой в заднице

Фотография Дэниэла Гонзалеса Торисо

Хант, Техас, январь 2002

Если хотите добраться до самой сути, кажется, это книга — лучший источник из возможных, хотя я буду первым, кто согласится с тем, что суть всегда служила меняющейся целью в моей мрачной и извилистой, спид-металлической версии диккенсовской жизни.

Нищее, мимолетное детство? Да.

Жестокий отец-алкоголик? Да.

Мозговыносящие религиозные сумасшествия (в моем случае крайности Свидетелей Иеговы и Сатанизм)? Да.

Алкоголизм, наркомания, бездомность? Да, да, да.

Душераздирающие профессиональные и музыкальные неудачи? Да.

Реабилитация? Да (семнадцать раз, хотите — верьте, хотите — нет).

Балансирование на краю жизни и смерти? Да, и это тоже.

Джеймс Хэтфилд, который был одним из моих лучших друзей, близкий мне как брат, однажды отметил с некоторым скептицизмом, что должно быть я родился с подковой в заднице. Вот таким счастливым я был. И еще больше я счастлив тому, что до сих пор дышу после стольких звоночков. И должен признать, что в некотором роде он прав. Я был счастливым. Я был одаренным. Но вот какое дело с застрявшей в прямой кишке подковой: она еще и причиняет чертовскую боль. И вы никогда не забудете, что она там находится.

Так что вот он я, проходящий очередной период реабилитации, в местечке под названием Ла Хасиенда, в сердце девственного Техас-Хилл-Кантри. Оно находится всего в двухстах милях или около того от Форт-Уэрт, но разница огромная со всем его животноводческим хозяйством и летним лагерем для соседей. Ты концентрируешься на излечении…на том, чтобы тебе стало лучше. Физически, духовно, эмоционально. Как обычно, я выразил лишь умеренные ожидания и энтузиазм от этого. В конце концов, это не первое мое родео.

Видите ли, я узнал о том, как заливать глаза, о том, как принимать наркотики, как смешивать напитки, и о том, как уложить в постель противоположный пол в обществе Анонимных Алкоголиков в большей степени, чем в любом другом месте на земле.

Анонимные Алкоголики, и это справедливо в отношении большинства реабилитационных программ и центров реабилитации, это братство, и как все братья, входящие в состав братства, мы любим обмениваться историями. Это забавная возможность прославить свой опыт: нарко- и алкодиалоги, как они это называют. Одна из тех вещей, которые всегда беспокоили меня больше всего, это непрекращающееся стремление продемонстрировать свое превосходство. Ты рассказываешь свою историю, иногда обнажая свою душу, а парень рядом с тобой ухмыляется и говорит: “Эй, чувак, да я пролил больше, чем ты когда-либо принял”.

“Да неужели?”

“Черт возьми, да”.

“Ну, я принял немало, в таком случае ты должен быть придурком, едва передвигающим ноги”.

По некоторым причинам взаимодействие такого рода никогда мне особо не помогало. Я никогда не чувствовал, что мне становится лучше, или что я становлюсь лучше как человек. Иногда мне становилось еще хуже. По иронии судьбы именно на собрании Анонимных Алкоголиков я впервые узнал о простоте получения обезболивающих через Интернет. В то время у меня не

было особой необходимости в обезболивающих, однако одна женщина, рассказывавшая свою историю, упоминала о них, как о хорошем средстве для получения кайфа. Вскоре упаковки стали приходить ко мне домой, и я пробудил еще один наркотический ад. К тому времени я был всемирно известной рок-звездой, основателем, фронтменом, вокалистом, композитором и гитаристом (и де-факто главным руководителем) Мегадэт, одной из самых популярных групп в мире. У меня была жена и двое прекрасных детей, великолепный дом, машины, больше денег, чем я когда-либо мечтал. И я был готов бросить все это. Видите ли, реальность была иной: я был чертовски несчастен — я устал от дороги, споров с членами группы, непомерных требований менеджмента и руководителей звукозаписывающих компаний, одиночества в одурманенной наркотиками жизни. И, как всегда, я был неспособен понять, что то, чем я владел, было намного важнее того, чего у меня не было.

Удовольствие от написания песен и возможность играть музыку, поддерживавшие мое существование столько голодных лет, мало-помалу иссякли. Теперь я просто чувствовал себя опустошенным.

Поэтому я отправился в Хант, штат Техас, надеясь, что на этот раз смена обстановки пойдет мне на пользу. Или не надеясь. Не заботясь ни о чем. Не думая ни о чем, за исключением того, что мне требовалась помощь, чтобы избавиться от болеутоляющих. А что до длительного изменения поведения? Ну, это было не на первом месте в моем списке приоритетов.

А дальше произошло вот что. В самом начале своего пребывания я бродил, пытаясь отдохнуть. Помню, как упал на стул, забросив свою левую руку за спину, пытаясь свернуться калачиком и уснуть. Следующее, что знаю — я просыпаюсь, вытаскивая себя из двадцатиминутной дремы, и когда я пытаюсь встать на ноги, что-то тянет меня назад, как будто я пристегнут к креслу или что-то вроде того. Затем я понимаю, что произошло на самом деле: моя рука застыла, и она до сих пор висит на спинке стула. Я смеюсь и снова пытаюсь поднять свою руку.

Ничего не происходит.

Еще раз.

Опять ничего.

Я повторяю это движение (или попытки движения) еще несколько раз, пока, наконец, не прибегаю к помощи своей правой руки, чтобы поднять свою левую руку со стула. В тот момент, когда я ее отпускаю, она падает набок, бесполезно болтаясь, и я ощущаю покалывание от плеча до кончиков пальцев. После пары минут некоторые ощущения возвращаются к моему

плечу, и затем и к части моего предплечья. Но рука остается мертвой, будто полностью обколотая Новокаином. Я продолжаю трясти ее, растирать ее, хлопать по ней, пока она лежит на стуле. Но рука немая. Проходит десять минут. Пятнадцать. Я пытаюсь сжать ее в кулак, но пальцы не слушаются. Я выбегаю из двери, бегу по коридору. Мое дыхание затруднено, отчасти потому что я под кайфом и нахожусь не в форме, но еще и потому, что до усрачки напуган. Я врываюсь в комнату медицинских сестер, прижимая левую руку правой. Я кричу что-то о том, что заснул и не чувствую руку. Медсестра пытается меня успокоить. Она предполагает, и небезосновательно, что это всего лишь часть процесса выздоровления — беспокойство и дискомфорт — обычное явление в реабилитации. Но на сей раз это не так.

Это нечто иное.

Через двадцать четыре часа я буду далеко от Ла Хасиенда, сидя в офисе хирурга-ортопеда, который будет проводить рукой по моим бицепсам и вниз по предплечью, тщательно прослеживая путь нерва и объясняя, что нерв был чудовищно зажат, словно соломинка, прижатая гранью стакана. Когда циркуляция крови нарушена таким образом, объясняет он, нерв повреждается, иногда он просто теряет свою силу и прекращает свою работу.

“Сколько потребуется времени, чтобы ко мне вернулась чувствительность руки?” спрашиваю я.

“У вас около 80 % в течение пары месяцев…возможно четырех-шести”.

“А что с остальными 20-ю?”

Он пожимает плечами. Мужчина типичный техасец, весь в движении.

“Тяжело сказать” — говорит он, растягивая слова.

Наступает пауза. Еще раз, нервно, я пытаюсь сжать свои пальцы в кулак, но пальцы не слушаются. Это моя левая рука, та, что бегает по всему грифу. Та рука, которая делает всю тяжелую творческую работу. Манимейкер, как мы говорим в музыкальном бизнесе.

“А как насчет того, чтобы играть на гитаре?” спрашиваю я, не особенно желая услышать его ответ.

Док делает глубокий вдох, и медленно выдыхает. “О…не думаю, что вам стоит на это рассчитывать”.

“До какого времени?”

Он смотрит на меня пристальным взглядом. Прицеливается. Затем попадает в яблочко. “Ну…никогда”.

Вот так все и было. Смертельный выстрел. Я не могу дышать, не могу собраться с мыслями. Но каким-то образом в моем мозгу возникает громкое и ясное сообщение: это конец Мегадэт…

Конец моей карьеры…конец музыки.
Конец жизни в моем понимании.

Глава 1: Дорогой папочка

“Чтобы больше этого дерьма в моем доме не было! Ты понял?”

Моя первая фотография с отцом и сестрой Дебби

Пролистайте стопку школьных фотоальбомов моего детства или юности, и зачастую вы найдете один из тех серых силуэтов или, быть может, большой вопросительный знак или большой алый знак на фотоальбомах, там, где должно располагаться мое фото. Как и многие дети, переходящие из одной школы в другую, из города в город, я часто отсутствовал на занятиях и таким образом стал кем-то вроде фантома, угрюмой, рыжеволосой тайны, как для своих одноклассников, так и для учителей.

Путешествие по стране началось в Ла-Меса, штат Калифорния, летом 1961 года. Именно там я родился, хотя возможно я был задуман в Техасе, где мои родители жили в течение последних стадий своего бурного брака. На самом деле существовали две семьи: моим сестрам Мишель и Сьюзен было восемнадцать и пятнадцать лет соответственно, к тому времени как я появился на свет (я всегда считал их скорее своими тетями, чем сестрами); моей сестре Дебби было три года. Не знаю точно, что случилось спустя все эти годы между двумя группами детей. Я знаю точно, что жизнь развалилась во многих отношениях, и в конце концов моей матери пришлось самой себя обеспечивать, а мой отец стал в некотором роде призрачной фигурой.

Исключительно из практической точки зрения Джон Мастейн исчез из моей жизни к тому времени, как мне исполнилось четыре года, когда мои родители окончательно развелись. Отец, насколько я это понимаю, однажды был очень умным и успешным человеком, дружил с головой и руки у него росли откуда нужно, и эти навыки помогли ему достичь позиции руководителя филиала Банка Америки. Оттуда он переехал в корпорацию NCR (National Cash Register), и когда NCR перешла от механической к электрической технологии, папа остался не у дел. Поскольку сфера его деятельности сузилась, то и его доход естественно упал. Я не могу сказать точно, касались ли его неудачи увеличившихся проблем с алкоголем или алкоголь стал причиной его профессиональных неудачи. Ясно было одно: человек, управлявший хозяйством в 1961 году, был не тем человеком, который женился на моей матери. Многое из того, что я знаю об отце, было передано мне в виде страшилок моими старшими

Дэвид Скотт Мастейн, родился 13 сентября 1961

сестрами — историй о жестокости и общем безумном характере совершавшихся поступков под пеленой алкоголизма. Я склонен верить, что многие их утверждения не соответствуют действительности. Существуют снимки, кроющиеся в глубине моего сознания, воспоминания о том, как я сидел на колене у отца, смотря телевизор, чувствуя щетину на его щеках, запах алкоголя в его дыхании. У меня нет воспоминаний, чтобы он не пил, знаете, а, например, играл со мной в мяч на заднем дворе, учил меня ездить на велосипеде или что-нибудь в этом роде. Однако не сохранилось у меня и особо жестоких его образов.

Хотя, постойте, есть один — однажды я гулял по улице, играя со своим соседом, и по какой-то причине отец пошел прогуляться по проезжей части, чтобы забрать меня домой. Он был зол, он кричал, хотя я не помню точных слов, которые он использовал.

Что-то о том, что я опоздал. Что я хорошо помню, так это вид пассатижей в его руке. Пассатижи похожи на плоскогубцы, только большего размера, и по какой-то причине я думаю, моему отцу показалось, что они были нужны ему, чтобы загнать домой своего четырехлетнего сына. Или, может быть, он работал над чем-то в гараже и забыл отложить их в сторону перед тем, как отправиться на поиски меня. Независимо от причины, пассатижи вскоре отхватывали большой кусочек от раковины моего уха. Помню, как я кричал, а отец, казалось, не замечал этого. Он тащил меня вниз по улице, не ослабевая свою хватку, даже когда я споткнулся и упал, а потом поднялся на ноги, стараясь идти с ним в ногу, надеясь, что мое ухо не выскочит из своего гнезда. (У ушей есть гнезда? Я был маленьким ребенком, откуда мне было знать?)

На протяжении многих лет я защищал имя своего отца от обвинений в насилии, которыми швырялись в него мои сестры. Но должен признать, этот конкретный случай не служит ему оправданием. Он не отражает действий трезвого, любящего папочки, не так ли? Но «трезвый» это важное слово в данном высказывании. Мне лучше знать, чем другим, что люди под влиянием алкоголя способны к невыразимо дурному поведению.

Мой отец был алкоголиком; я склонен верить, что алкоголь не делал его злым. Скорее, слабым человеком, который совершал плохие поступки. Но у меня есть и другие воспоминания. Воспоминания о добром человеке, курящим трубку, читающим газету и зовущим меня, чтобы поцеловать его на ночь.

Мой отец, Джон Джефферсон Мастейн

Тем не менее, после развода, мой отец стал монстром. Ну, не в буквальном смысле этого слова, конечно, а в том смысле, что всеми в моей семье он стал считаться тем, кого боялись и презирали. Он даже стал оружием, которое использовали против меня для послушания. Если я плохо себя вел, моя мама кричала:

“Прекрати или я отправлю тебя жить к отцу!”

“О, нет! Пожалуйста…нет! Не отправляй меня к отцу!”

Периодически случались примирения, но они никогда не длились долго, и по большей части мы были семьей в движении, постоянно пытавшейся быть на шаг впереди моего отца, который, по-видимому, решил посвятить всю свою жизнь двум вещам: алкоголю и преследованию своей бывшей жены и детей. Опять же, я не могу сказать, было ли это так, но именно в этом виде мне все это демонстрировалось, когда я рос. Мы селились в арендованном доме или квартире, и первое, что мы делали, это спускались к пирсу № 1 и брали второсортную бумагу для контактного копирования, чтобы превратить кухонную дыру в нечто более удобоваримое. Некоторое время все было тихо. Я присоединялся к команде Малой лиги, пытался с кем-то подружиться, а затем вдруг мама говорила нам, что отец узнал, где мы живем. Фургон для перевозки мебели появлялся в середине ночи, мы паковали свои скудные пожитки, и словно беглые преступники бежали прочь.

Моя мама работала горничной, и мы жили на ее зарплату наряду с серией талонов на питание и медицинскую помощь и другие формы государственной помощи. И щедрость друзей и родственников. В некоторых случаях я мог бы прожить и с меньшим вмешательством в свою жизнь. Например, как это было в течение короткого промежутка времени, когда мы жили у одной из моих теток, набожной свидетельницы Иеговы.

Довольно быстро это занятие стало центром нашей жизни. И поверьте мне, это была не очень хорошая вещь, особенно для маленького мальчика. Внезапно мы стали проводить все наше время со Свидетелями Иеговы: церковь в среду по вечерам и по воскресным утрам, семинары читателей журнала Сторожевой Башни, приглашенные ораторы по выходным, домашнее изучение Библии. Тогда я пошел в школу, и пока все стояли с поднятыми над сердцем руками во время произнесения клятвы верности, мне приходилось спокойно стоять с руками по швам. Когда другие дети пели “С Днем Рождения Тебя” и задували свечи, я стоял молча. Новичку довольно трудно заводить друзей в школе, но если при этом ты еще и урод из общества Свидетелей Иеговы… забудь об этом. Я был изгоем, которого постоянно дразнили и шлепали, и это по правде говоря закалило меня.

Я помню, как однажды пошел на работу со своей мамой, в очень богатый район под названием Остров Линды в Ньюпорт-Бич. Там была небольшая песочная яма рядом с лодочным доком, и группа парней гоняли футбол и играли в игру, которую еще иногда

Терпеть не могу котов. Этот, вне всякого сомнения, был на пути к дробилке для древесных отходов

называют “Убей Парня с Мячом”, хотя в политически некорректном мире мальчиков-подростков начала 1970-х она была более известна под названием “Победи педика”. Эти парни были больше меня, и им доставляло большое удовольствие выбивать из меня дерьмо, но мне было все равно, я ничего не боялся. Почему? Возможно, к тому времени я привык к тому, что надо мной издевались в школе, наказаниям теток и дядек, и преследованиям со стороны различных родственников. Я считал почти все это виной Свидетелей Иеговы. Я хочу сказать, иметь свояка или дядю, который шлепает меня, потому что я якобы нарушил некоторые непонятные правила Свидетелей, это чертово безумие. И все это были вещи, происходившие под прикрытием религии — на службе у якобы любящего Бога.

Какое-то время, по крайней мере, я старался влиться к Свидетелям, хотя с самого начала это напоминало некую гигантскую, многоуровневую маркетинговую схему: ты продаешь книги и журналы, от двери до двери, и чем больше продаешь, тем выше твое звание. Полная херня. Мне было восемь, девять, десять лет, и я желал, чтобы конец света поскорее наступил! По сей день у меня остались душевные травмы, оставленные Свидетелями Иеговы. Я не слишком радуюсь приближению Рождества, потому что мне до сих пор трудно поверить во все, что сопровождает этот праздник (и я говорю как человек, который теперь считает себя христианином). Я хочу. Я люблю своих детей, люблю свою жену, и я хочу с ними праздновать. Но где-то глубоко внутри во мне сидят сомнения и скептицизм; Свидетели все это мне испортили.

Чем вам заняться, если вы одинокий ребенок, мальчик, окруженный женщинами, растущий без отца или человека его заменяющего? Ты занимаешься ерундой, создаешь свою

собственную вселенную. Я играл со множеством пластиковых моделей, миниатюрными копиями Джека Демпси и Джина Танни, чье соперничество было воссоздано ночью на полу моей спальни; крошечными американскими солдатами, штурмовавшими пляж в Нормандии и вторгшимися на остров Иводзима. Звучит странно, не так ли? Да, это особый мир, мир в моей голове, был самым безопасным местом, которое можно найти. Я не хочу, чтобы мои слова звучали так, будто я жертва, потому что я никогда себя таковым не считал. Я думаю о себе как о выжившем. Но на самом деле, каждый выживший переживает какое-нибудь дерьмо, и я не был исключением.

Спорт дал мне небольшой проблеск надежды. Боб Уикли, начальник полиции в Стэнтоне, штат Калифорния, был женат на моей сестре Сьюзен. Боб был огромным, спортивным парнем (около шести футов четырех дюймов ростом и две сотни фунтов весом), бывший игрок низшей бейсбольной лиги, и он был некоторое время для меня своего рода героем. Он был также моим первым тренером по бейсболу в низшей лиге.

Пасынок Боба, Майк (мой племянник, не кажется странным?) был лучшим подающим команды; я был начинающим принимающим. Я любил бейсбол с самого рождения. Любил надевать униформу, управляя действиями из-за своей пластины, и защищая свою полоску дерна так, будто моя жизнь зависела от этого. Другие дети пытались забить, а я не давал им этого сделать. Я не делал ничего противозаконного, я просто вселял в них божий страх, когда они пытались пройти мимо меня. И я мог ударить по мячу, став лидером лиги по хоумранам в первом сезоне.

Я не хочу сказать, что мне было суждено добиться великих результатов в бейсболе, но думаю, я мог стать спортсменов, если бы того пожелал. К сожалению, в моей жизни не было стабильности, и какими бы внеклассными мероприятиями я бы ни выбрал заниматься, я делал это в значительной степени без посторонней помощи. Некоторое время мы жили вместе с Сьюзен до того, как нас снова не нашел отец, и тогда нам пришлось двигаться дальше самостоятельно, пока у нас не кончились деньги и нас выселили, тогда мы въезжали в дом к Мишель или тете Фриде. Это был беспрерывный цикл. Одно движение за другим, один дом за другим.

Я не был ленивым. На самом деле я был далек от этого. Я занялся работой по ежедневной доставке газет, чтобы платить за свое бейсбольное оборудование и регистрационные сборы, после чего я добавил второй маршрут доставки, так у меня появились дополнительные деньги на еду и все, что мне могло

понадобиться. В течение этого периода мы переехали из Гарден Гроув в Коста-Меса; оба моих маршрута по распространению газет находились на территории Коста-Меса, но моя бейсбольная команда находилась в Гарден Гроув. Так что я обычно проводил день на своем велосипеде, доставляя газеты, а затем рулил в Гарден Гроув, на расстоянии около десяти миль, на тренировку по бейсболу. После тренировки я возвращался на велосипеде домой и ложился спать. Конец этого безумия произошел почти под конец сезона, когда наш тренер, исчерпав все варианты подающих в течение одной дерьмовой игры, указал мне на место подающего.

“Но я не подающий” — возразил я.

“Теперь да”.

Я не пытался быть высокомерным уродом или что-то вроде того. Просто я был измучен и не в настроении играть на новой позиции; я не хотел иметь дело с кривой обучения или трудностями, после чего мне приходилось крутить педали всю дорогу до дома в подавленном и разозленном состоянии.

Так я продолжал играть, и мне удалось получить несколько перебежек. И это, как оказалось, была одна из моих последних бейсбольных игр.

Музыка всегда была со мной рядом, иногда в виде фона, иногда выдвигаясь вперед.

Мишель вышла замуж за парня по имени Стэн, которого я считал одним из самых клеевых парней в мире. Он тоже был копом (как Боб Уилки), только на мотоцикле и работал на калифорнийский дорожный патруль. Стэн вставал утром, и можно было слышать скрип его кожи, звон его гестаповских ботинок по полу, он садился на свой Харлей, включал зажигание, и от его рева громыхали все окрестности. Разумеется, никто и не думал жаловаться на него. Что им оставалось делать — звонить в полицию? Мне очень нравился Стэн, не только из-за Харлея и того факта, что он был определенно не тем парнем, с кем стоило ссориться, но также потому, что он был действительно достойным человеком с огромной любовью к музыке. Каждый раз, когда я приходил к Стэну домой, его стереосистема ревела, наполняя воздух звуками великих эстрадных певцов 60-х:

Фрэнки Вали, Гэри Пукетта, the Righteous Brothers, Энгельберта Хампердинка. Я любил слушать всех этих ребят, и если это вам кажется странным для будущего хэви-метал воина, что ж, подумайте еще раз. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что чувство мелодии, наполнившее музыку Мегадэт, берет свое начало из дома Стэна, не считая некоторых других мест.

Даже будучи десятилетним ребенком, я практиковал смущение людей своим взглядом, как на этом снимке после победы своей команды из низшей лиги

Моя сестра Дебби, к примеру, имела огромную коллекцию пластинок, в основном напичканную поп-звездами того времени: Кэтом Стивенсом, Элтоном Джоном, и, само собой, Битлз. Эта музыка звучала постоянно, впитываясь в мою кожу, и когда мама подарила мне дешевую акустическую гитару в подарок на окончание начальной школы, я не мог дождаться, чтобы начать на ней играть. У Дебби валялись нотные книжки, вскоре я выучил некоторые элементарные последовательности аккордов. Ничего великого, разумеется, но весьма неплохо для того, чтобы песни стали узнаваемыми.

Долгое время Дебби была моим лучшим другом, с которым я проводил большую часть жизни. Она приходила из школы, и мы тусовались вместе, смотрели телевизор, играли музыку (Дебби на фортепиано, а я на гитаре). Мы опирались друг на друга, когда было тяжело; мы также дрались, как это происходит у многих братьев и сестер, и Дебби, как правило, превосходила меня в наших разногласиях. Она могла становиться отвратительным бойцом, когда дело касалось драк, используя все, что попадалось под руку в качестве оружия уничтожения. В конце одного особенно страшного боя, я помню, как она воткнула свои ногти в мое предплечье, отрывая с мясом кожу. Затем она опустошила тюбик Вазелина на мои волосы, и когда я пытался его отчистить, Дебби схватила гитару и разбила ее о мою голову, это была своего рода музыкальная версия линчевания (обмазывание дегтем и обваливание в перьях).

Когда Дебби выросла и начала встречаться с парнями, и в конце концов влюбилась в парня по имени Майк Балли, я остался не у дел. Ей было семнадцать лет, когда они поженились. Я знал даже в то время, что их брак не продлится долго, и разумеется,

так и случилось. Каждый, кто встречал Майк и видел его с Дебби, знал, что эти отношения обречены на провал. Какой бы ни была их страсть, когда она быстро испарилась, они остались с неуравновешенным союзом, ожидавшим своего конца. Дебби была сильной и доминирующей; в основном отношениями руководила она, будучи своего рода Большой Мамочкой.

Мой лучший друг и старшая сестра Дебора К. Мастейн

Однако у Майка были положительные качества, особенно для меня как для четырнадцатилетнего начинающего гитариста. С одной стороны, его мама была каким-то образом связана с Джеком Лордом, который в то время был звездой популярного телевизионного шоу под названием Hawaii Five-O. В 1974 году оно не стало намного хуже, чем у Стива МакГарретта, и Майк не чурался упоминать имя этого парня по случаю: “Чувак, шоу МакГарретта похоже на шоу моего троюродного брата или что-то в этом роде!” Не могу сказать, что виню его за это. Я бы поступил так же. В основном же, что мне нравилось в Майке, так это то, что он играл на электрогитаре, и был не прочь поиграть вместе со мной. Правда стоит сказать, его гитара была полным куском дерьма; она звукоснимателями, но выполняла свою роль. На мой все еще безграмотный слух он казался весьма приличным музыкантом.

Младший брат Майка, Марк, также был музыкантом. Он играл на басу в группе с парнем по имени Джон Вурхис (который позже добился успеха с довольно успешной группой Stryper). Марк и Джон услышали, как я играю, и спросили, не хотел ли бы я присоединиться к ним.

“Безусловно” — ответил я. “Есть только одна проблема”.

“Что такое?”

“У меня нет гитары”.

“Нет проблем” — сказал Марк. Он предложил мне взять его акустическую. Я действительно не знал, что делаю. Я лишь знал,

что мне нравилось ощущение, когда держишь гитару в руках, создавая музыку, становясь частью…чего-то. Я был умным ребенком, но довольно равнодушным учеником, даже во время учебы в начальной школе.

Я попадал в неприятности за то, что валял дурака или не делал домашние задания, и иногда мне приходилось оставаться в школе после уроков. Честно говоря, я находил это несколько неловким. Но я знал в сердце, что был прилежным учеником, особенно если это был предмет, который меня интересовал.

Вроде музыки.

Мне нравилось иметь это секретное оружие, эту связь, когда сидишь вместе с другим музыкантом, и начинаешь говорить, а все остальные за столом тут же обращают на вас внимание, потому что вы говорите на языке, который они даже не понимают, и не надеются понять. Это все равно, что если бы они полагали, что это пустой разговор, хотя это было не так. Это просто…нечто иное. И если вы не играете музыку (в противоположность тому, чтобы просто слушать ее), вы едва ли сможете понять, о чем я говорю. Так что решение присоединиться к группе, я полагаю, по сути, сводилось скорее к идее братства, чем к чему-либо еще.

И противоположному полу, разумеется. В конце концов, когда дело касается рок-н-ролла, это всегда касается противоположного пола.

Однажды днем, когда мне было около тринадцати лет, мы пошли домой к Марку порепетировать. Там было несколько тусовавшихся подростков, включая одного из приятелей Марка, который жил через улицу напротив, и его девушки, которую звали Линда. Когда я зашел в дом, Линда заметила меня. Я не был музыкантом в прямом смысле этого слова, даже по самым высоким стандартам подростка, но я сразу заметил, что Линда обратила на меня внимание. Она зависала со всеми вместе, пока мы немного джеммовали, а потом, увидев, что я был новым соло-гитаристом, она представилась мне.

Спустя пару дней она бросила своего парня ради меня. Почему? Не из-за моего внешности или динамичной натуры, а просто потому, что я играл на гитаре. И я вспоминаю, как Линда робко подошла ко мне и взяла мою руку в свои, и я подумал тогда: “Ммм…мне это нравится”.

Брать в руки гитару вследствие притока гормонов — шаблон; кроме того, он по сути верен, это действие так же искренне и честно, как и любая другая муза. И ничего не изменится, даже когда вы из долговязого половозрелого подростка превратитесь во взрослого зрелого мужчину. Это была одна из тех вещей, которые удивляли меня больше всего в музыкальном бизнесе: ты

слышишь все это дерьмо о сексе, наркотиках и рок-н-ролле…и отшучиваешься от всего этого. А затем заглядываешь за кулисы, и угадайте что? Это действительно так! Ты едешь в Солт-Лейк-Сити, самую неиспорченную столицу среди самых честных штатов, и обнаруживаешь, что недаром это место рок-звезды называют Солт-Лик-Сити (от англ. lick — лизать). Понимаешь, что эта избитая фраза основана на правде. Это абсолютная правда, и очень скоро ты пытаешься решить, каким из пресловутых быков ты хочешь быть: тем, который полным ходом бежит вниз по холму и трахает первую попавшуюся корову или тем, который неспешно прогуливается у подножия холма и трахает их всех одну за одной.

Дом Марка стал местом вдохновения и экспериментов. Одной из первых песен, что я научился играть, была 'Panic In Detroit' Дэвида Боуи, следом за ‘All The Young Dudes’ группы Mott The Hoople. Один торговец марихуаной, живший вверх по улице, познакомил нас с различной великой музыкой (в большей степени, чем кто-либо): Джонни Уинтер, Эмерсон, Лейк и Палмер, Triumvirate, и, разумеется, Led Zeppelin. Я хочу сказать, если ты играл на гитаре, тебе хотелось стать Джимми Пейджем, так? А если ты пел в рок-н-ролльной группе, тебе хотелось стать Робертом Плантом. Все пытались выучить 'Stairway To Heaven', которую я довольно быстро разучил. Но знаете, на что я действительно подсел? KISS.

Чувак, я реально втянулся в музыку KISS, не только в музыкальном плане, но и в стилистическом. Хотя я и не был поклонником Джина Симмонса; мне больше нравился Эйс Фрейли, потому что он был соло-гитаристом. Мне нравилась вся эта звездность, и, казалось, KISS возвели ее на новый уровень. Так же, как Аксель Роуз заставил людей ненавидеть рок-звезд, Джин Симмонс и Пол Стэнли заставили рок-звезд выглядеть унылыми и страдающими манией величия, что было не так уж плохо, насколько я могу судить. KISS были одной из первых групп, которых я видел живьем, и не могу не заметить, что невообразимое число их поклонниц выглядели как болельщики Dallas Cowboys: они все носили светлые волосы и топы, и казалось, они просто набрасывались на группу. И если группа была вне зоны доступа, тогда этим занимался какой-нибудь парень, оказавшийся рядом с ними в зрительном зале.

Моя любовь к музыке, и особенно мое увлечение потенциальным образом жизни, было скептически воспринято некоторыми членами моей большой семьи. Моя мама, разумеется, была всегда против: с одной стороны я знал, что она любит меня и поддерживает, и хочет видеть меня счастливым и успешным человеком. С другой стороны, не было никакой связи с

алкоголизмом и наркоманией и дьявольской музыкой ее сына и принципами Свидетелей Иеговы: они принципиально несовместимы.

Аналогично, мой свояк Боб Уилки все больше разочаровывался моим меняющимся интересам. Я нравился ему, когда был игроком в бейсбол или начинающим мастером боевых искусств (некоторое время я брал уроки в YMCA (Young Men's Christian Association) в Стэнтоне, расположенной прямо через дорогу напротив полицейского управления Боба). Были профессии, которые он мог принять. Но играть в группе? Слушать хэви-метал? Ни за что.

Однажды, когда мне было почти пятнадцать лет, Боб вернулся домой и обнаружил меня, зависающим у него дома и слушающим альбом Judad Priest «Sad Wings Of Destiny».

Он вошел в переднюю дверь, подошел к проигрывателю и убавил звук.

"Что это, черт подери?" — сказал он, размахивая с отвращением конвертом альбома.

"Judas Priest" — ответил я, немного робко.

"Чье это?"

Я пожал плечами. "Это мое".

При этих словах Боб бросил конверт альбома, сделал два больших шага в моем направлении и ударил меня кулаком в лицо.

"Чтобы больше этого дерьма в моем доме не было! Ты понял?"

Я стоял, оглушенный и потрясенный, держась рукой за щеку и сдерживая слезы.

"Да, сэр".

А что мне еще оставалось делать? Я слишком уважал Боба, чтобы сопротивляться.

Он бы в любом случае надрал мне зад. Я хочу сказать, этот парень был профессиональным спортсменом, и к тому же полицейским! И кроме того, Боб вошел в нашу семью, мою жизнь как хороший парень. Он женился на Сьюзен, усыновил ее сына, и в целом вел себя в старомодной, рыцарской манере. Подобный поступок был совершенно не свойственен его характеру.

Но отступив на кухню, чтобы взять немного льда из морозильника и приложить к своей опухшей челюсти, мне пришлось задаться парой вопросов: "*Кто, черт возьми, бьет пятнадцатилетнего парня?* "

И еще…

Какого хера он имеет против Judas Priest?

Глава 2: «Травяное безумие»

“Он любит полить мою киску соусом A1 перед тем, как делать мне кунилингус”.

Фотография сделана Гаральдом Ойменом

Мне было тринадцать лет, когда я впервые словил кайф от наркотиков. В то время мы жили в Гарден Гроув, и друг, живший вниз по улице, познакомил меня с волшебным миром марихуаны. Этот парень был одним из тех находчивых маленьких пиздюков, которые, если бы им удалось направить свою энергию и интеллект в правильное русло, могли бы получить где-нибудь докторскую степень. На самом деле, оказалось, что он хорош главным образом лишь в нахождении способов курить травку.

Однажды мы зависали у него дома после школы, и он предложил пойти покурить травки. Но не тем способом, которые я знал. Вместо того, чтобы скрутить сигаретку с травкой, этот парень зашел к себе в комнату и вернулся с самодельным кальяном для курения марихуаны, сделанным из-под жестяной банки чипсов Pringles!

“Что мне с этим делать?” — спросил я, когда он с гордостью продемонстрировал мне трубку.

Затем он показал, как это действует. Полчаса спустя я шел, шатаясь вниз по улице, красноглазый и хихикающий, полностью обгашенный. Так все и было. Игра началась.

Мне понравилось курить марихуану, понравилось те

ощущение, которое мне давало ее курение, и тогда я начал с этим экспериментировать. С этого момента я естественно расширил свои пристрастия к алкоголю и другим наркотикам, и вскоре стал пропускать школу, убивая целые дни дома у своих друзей и обсасывая банку Pringles. Мои оценки быстро пошли на убыль, и я начинал понимать, как общение не с теми людьми может привести к плохим решениям, и очень скоро твоя жизнь по спирали выходит из-под контроля. Не то, чтобы мне было не пофиг. Я всего лишь говорю об осознании и о том факте, что как взрослый и как родитель, я могу теперь взглянуть в прошлое и увидеть, с чего все начиналось. Но тебе придется запомнить одну вещь: не было никаких серьезных последствий, ничто из этого для меня не имело значения. Регулярное пребывание под кайфом не сделало мою жизнь заметно хуже. Фактически, это сделало мою жизнь более приемлемой.

Больше, чем что бы то ни было еще (и я полагаю, это справедливо в отношении большинства подростков) я хотел чувствовать себя частью чего-то. Я хотел принадлежать к чему-нибудь. И музыка помогала мне в этом. Как и курение травы. Каждый раз, когда мы переезжали в новый дом, новый город, новую школу, я постигал новый период обучения. Я научился тому, как справляться с этим различными способами, в первую очередь при помощи спорта, затем с помощью музыки и вечеринок, и наконец, освобождению от Свидетелей Иеговы. Не было большего клейма странности, чем быть связанным со Свидетелями Иеговы, и для того, чтобы избежать этого пятна позора, я сознательно вел себя таким образом, который не согласовался с учениями этой церкви.

Моя мама, тети и все остальные Свидетели предупреждали меня, что мне суждено гореть в аду, если я не раскаюсь в своих деяниях, но честно говоря, мне было все равно. Я всего лишь хотел убраться от них подальше. Я хотел какое-то подобие нормальной жизни, что бы это ни означало.

Бывали времена, когда я чувствовал себя печальным героем некой сказки. Ну, вы знаете, там, где дети остаются на попечении злой мачехи или отчима, или некого другого опекуна, которому на самом деле глубоко похуй на благополучие детей. И печальные обстоятельства моей жизни казались менее привлекательными, чем уход в какой-нибудь выдуманный мир, в котором все, что мне остается делать, это курить траву, играть музыку, тусоваться с бездельниками-единомышленниками, и время от времени пытаться с кем-нибудь потрахаться. Музыка, в частности, была моим путем спасения, все остальное лишь шло вместе с ней.

Однако, была одна серьезная проблема, связанная с

развитием нездорового аппетита к наркотикам и алкоголю.

Денежный поток.

К тому времени, как мне исполнилось пятнадцать, мы переехали в квартиру в местечко под названием Хермоза Виллидж (которая на самом деле расположена не в Хермозе или Хермоза-Бич, а неподалеку от Хантингтон-Бич), через дорогу от колледжа Голден Уэст, куда я в конечном итоге стал ходить на уроки. Когда мы переехали туда, я потерял несколько друзей и вместе с этим легкий доступ к траве, таким образом мне пришлось подумать над тем, как сохранить рост травы, так сказать. В то время трава стоила примерно десять баксов за унцию. Таким образом, не учитывая последствия или моральные дилеммы, я брал в долг десять баксов у своей сестры, покупал унцию травки, и приступал к работе. Я скатывал сорок косячков с марихуаной и быстро развернулся, продав их по 50 центов за штуку. В работе на несколько часов я удвоил свои деньги.

Теперь, я был далеким от экономики волшебником, но разбирался в этом. С этого момента я был в бизнесе: низкобюджетный продавец травки, который зарабатывал достаточно денег, чтобы оставаться под кайфом и набить едой свой живот, когда холодильник был пуст, что случалось гораздо чаще, чем вы можете себе представить.

Вскоре цена за косячок достигла 75 центов. Затем доллара. После чего мексиканская трава уступила более мощной и дорогой колумбийской, которая в свою очередь уступила таблеткам и тайской. Общество принимало курение травы с возрастающим удовольствием, что было хорошо для моего кошелька и возможно не так уж великолепно для моей головы. Меня это особо не волновало. Я был дома. Все, что мне требовалось, так это немного марихуаны, музыка, и парочка приятелей, с которыми можно потусить вместе.

Помню, как видел фильм «Травяное безумие» в старом Стэнтом Пикче Пэлэс, кинотеатре, находившимся в юрисдикции моего свояка. В 1970-х практически не существовало никаких правил; ты мог пить и курить столько травы, сколько было душе угодно. И когда приходили копы, владелец мог обратиться к зрителям по системе оповещения и сообщить: “Дамы и господа, чтобы не нарушать технику пожарной безопасности, пожалуйста, немедленно погасите все курительные вещества”. Затем запускались вентиляторы и очищали дым в помещении, и когда копы уходили, все снова закуривали. Какое великолепное место! Я там еще видел «Приключения кота Фрица», и «Grimme Shelter». У меня была маленькая двухдолларовая трубка и мешочек травы, и я сидел часами в конце зала, смотря фильмы. Это была моя

культура. Моя жизнь.

Мама естественно ничего этого не одобряла, и я не могу сказать, что виню ее в этом. Не раз и не два я собирался уйти из дома, чтобы потусоваться с приятелями или поиграть музыку, и мне приходилось предупреждать маму о возможности доставки посылки.

“Эээ. мама?”

“Да?”

“Вполне вероятно, что этот чувак придет около трех. Он заберет пакет. Он находится в моей комнате. Просто отдай его ему. И скажи, что я прошу за него 25 баксов”.

Мама смотрела на меня, как на сумасшедшего.

“Что в этом пакете, Дэвид?”

“Неважно, мам. Просто отдай его ему. Не о чем беспокоиться. Все клёво”.

Довольно примечательно, что она смирилась с этим. По крайней мере, на некоторое время. Думаю, трудно не любить своих детей, даже если они делают вашу жизнь несчастной. В конце концов, с мамы было довольно. Не в силах увязать мое поведение со своими собственными религиозными убеждениями (и, несомненно, опасаясь того дня, когда копы сломают нашу дверь и арестуют всех нас за незаконный оборот наркотиков), мама съехала с квартиры. Меня не пригласили последовать за ней.

Мне было 15 лет, и фактически остался сам по себе. Освобожденный от родительской опеки несовершеннолетний подросток.

К счастью, два парня, которые управляли жилым комплексом, были моими постоянными клиентами. Поэтому, если у меня было мало денег, когда подходило время платить за квартиру, все, что мне требовалось, так это заключить с ними сделку.

Несколько косячков здесь и там обычно решали данный вопрос, оставив всех счастливыми и под кайфом. К тому времени, я больше не был просто любителем в этой сфере; в моем распоряжении было достаточно значительное количество травы. И у меня не было с этим никаких проблем. Истина заключается вот в чем: когда ты голодный пятнадцатилетний парень без каких-либо существенных средств дохода и у тебя нет родительской поддержки или надзора, у тебя не слишком много вариантов. Тебе недостаточно лет, чтобы найти настоящую работу, поэтому придется стать более… творческим. Мой предпринимательский дух наполнило отчаяние и осознание того, что если я не продам траву, другим способом заработать деньги мне останется только продать самого себя. Торговать своей

задницей. Я знал достаточно детей, которые пошли по этому пути, или по меньшей мере слышал о них, видел, как они работают на улицах и ни за какой хер я бы не позволил этому случиться.

Тем не менее, при определенных условиях я не возражал против обмена секса на наркотики или наркотиков за секс, или как-нибудь еще. Вот, например, девушка по имени Уиллоу, работавшая в музыкальном магазине в Вестминстер Молл. Мы познакомились во время моих частых визитов в магазин, в течение которых я часами бродил по магазину, листывая конверты виниловых пластинок, пытаясь понять, что я хочу послушать дальше, каким бы ни был способ совершенствования моих знаний. Я был травокуром и торговцем марихуаной, но я действительно любил музыку, и хотел стать великолепным гитаристом, у меня просто не было представлений, как этого добиться. В конце концов, я завязал дружбу с Уиллоу, которая была на год или два старше меня, и наша дружба переросла в нечто большее. В обмен на бесплатную травку, Уиллоу бесплатно давала мне пластинки. Мы курили траву и слушали пластинки, занимаясь сексом в моей квартире. Не слишком страшное сотрудничество, учитывая все обстоятельства. В конце концов, именно Уиллоу подарила мне мой первый альбом AC/DC, подарок, долгие годы не перестающий радовать меня, даже спустя немало времени после того, как мы перестали заниматься сексом или даже перестали случайно видеться друг с другом.

Я никогда не питал иллюзий, что я был чем-то большим, чем просто развлечением для Уиллоу, будучи тем, кто разделял ее вкусы в музыке и не возражал менять траву на секс. Но даже в этом возрасте у меня были мало-мальские нормы, которые выплыли на поверхность в интимном разговоре однажды днем после совокупления.

“Знаешь, моему парню нравится, когда я брею волосы на лобке в форме сердечка” — сказала Уиллоу.

“Да, я заметил. Клёво”.

“А знаешь, что еще ему нравится?”

“Что?”

Она наклонилась, и обняв меня, прошептала на ухо. “Он любит полить мою киску соусом A1 перед тем, как сделать мне кунилингус”.

“Эй…”

Так все и случилось. Даже перспективы получения бесконечного множества записей было недостаточно, чтобы стереть из моего мозга неизгладимый образ Уиллоу, ее парня и большой бутылки жидкого A1. Больше мы не занимались сексом.

Когда бизнес снижал обороты и мой живот начинал урчать, передо мной оставалось чрезвычайно мало возможностей. Я не мог вернуться к матери, наши отношения были слишком надломлены, и ее связи со Свидетелями Иеговы исключали принятие моего в большей степени упаднического образа жизни. Спасение, между тем, лежало на севере. Если говорить точнее, в небольшом городке неподалеку от Покателло, штат Айдахо. Моя сестра Мишель переехала туда вместе со Стэном, который помимо того, что был мотополицейским, также был умелым плотником. Когда туристический и сопутствующий бумы на рынке недвижимости ударили по региону, работа для парней вроде Стэна стала в цене; он бросил свой значок и униформу и отправился зарабатывать серьезные деньги. Устав от попыток прокормить себя, и устав от жизни, которую вел дома, я позвонил Мишель и спросил, не могу ли я приехать и пожить у нее какое-то время. Она любезно согласилась, тем не менее, передо мной были поставлены строгие условия.

Во-первых, мне требовалось вернуть свою задницу обратно в школу. Я также согласился устроиться на работу на неполный рабочий день. Мишель помогла мне найти работу уборщика грязной посуды в ресторане, где она работала, в местечке под названием Окс Бау Инн. Мой племянник Стиви (сын Мишель) также работал здесь в качестве помощника официанта, так что это было отчасти семейным делом. Стиви, однако, оказался реальной болью в заднице. Он хотел создать группу, но у него не было денег для покупки необходимого оборудования. Тогда он “позаимствовал” некоторое оборудование у группы, игравшей в Окс Бау. Я не имел ничего общего с этой маленькой авантюрой, но, как и следовало ожидать, стал главным объектом последующего разбирательства.

Хотя это было ничто по сравнению с бедами, которые принес мне Стиви в школе. Еще до того, как я приехал в город, он распространил слухи о скором прибытии своего дяди Дейва, 'мастера кунг-фу из Калифорнии'. Само собой разумеется, что я не был мастером кунг-фу; фактически я вообще не обучался кунг-фу. Я брал уроки по боевым искусствам около трех лет и дошел до точки, когда я мог постоять за себя в бою, если это требовалось. Но я не был обладателем черного пояса или что-то вроде того, и, само собой, не хвастался об этом. Изучение боевых искусств было важной частью моей жизни, в духовном и физическом смысле, и является таковым уже на протяжении почти четырех десятилетий, но тогда я был никем иным как новичком, бравшим уроки для повышения собственной самооценки и воспитания чувства дисциплины в хаотичной жизни.

Стиви смотрел на это иначе, как и все остальные. К тому времени, как дошел туда, пол-школы были готовы подраться со мной просто ради спортивного интереса. В первый же день в новой школе какой-то чувак подошел ко мне рядом с моим шкафчиком и двинул локтем в живот. Я пытался отдышаться, когда он посмотрел на меня и сказал с отвратительной, беззубой улыбкой: “Ты и я, парень? Организуем бой сегодня после школы”.

“Кто ты, черт тебя дери?”

Он не ответил, просто пошел прочь, посмеиваясь, с отрядом дружков.

Оказалось, что его зовут Уилбур. Держу пари, вы не имеете понятия, что он был сыном свиного фермера, что фактически дало ему относительно важное место в этом социальном слое захолустья. У меня не было выхода. Мне нужно было сесть на автобус до дома, и к тому времени, как я поднялся на его борт, все знали, что состоится бой между мастером кунг-фу и свиным фермером. Теперь путь со школы и обратно в сельском Айдахо включал в себя многочисленные пересадки и долгие часы езды на автобусе. Моя встреча с Уилбуром состоялась на одной из таких пересадок, во время ожидания второго автобуса, который должен был отвезти меня в передвижной дом, где жили Стэн и Мишель. Через несколько секунд после выхода из автобуса Уилбур и я обнаружили себя в центре большого, тяжело дышащего круга голодных до крови подростков.

Черт побери, я не хотел, чтобы это случилось.

Уилбур поднял руки, как боец с голыми кулаками, и уверенно улыбнулся.

“Давай, ублюдок” — закричал он. “Ударь меня! Урони меня или что там”.

По какой-то причине, когда я услышал *“Ударь меня! Урони меня…”* , мне подумалось, что это звучит, как название панковской песни. Спокойствие захлестнуло меня. Все это казалось смешным, как я стою в середине кучи странных, кричащих детей, готовясь вступить в бой с этим огромным сыном свиного фермера из Айдахо. Я подумал, что уехал из Калифорнии, чтобы избегать опасных ситуаций. Как тогда, черт возьми, это произошло?

“Давай, парень! Ты покажешь мне свой удар карате или что?! Кунг-фу педик!”

Ничья. Уилбур не хотел ударять меня первым, потому что был больше; я отказался бить его, потому что сенсей учил меня использовать удары только в целях самозащиты.

Так и продолжалось, мы оба неуклюже танцевали, пока не приехал автобус. Мы зашли на его борт без происшествий, и

автобус отъехал.

Кризис миновал.

Или я так думал, пока мы не доехали до остановки Уилбура. Выходя из автобуса, он вскинул руку и ударил меня в затылок локтем. Теперь я сразу понял, что облажался, и не потому, что я теперь был вынужден вступить в бой с Уилбуром, скорее из-за того, что я жевал во рту довольно большой кусочек жевательного табака, большая часть которого теперь скользила по моему горлу. Если вы когда-нибудь случайно проглатывали то, что жуете, вы знаете, что случится следом. Через несколько секунд я был выведен из строя; к тому времени, как я попал домой, меня тошнило с ног до головы.

В ответ на это я сделал то, что сделал бы любой в моей ситуации: я наслал на него порчу.

Ну, возможно, не любой, но каждый, чья сестра сильно интересовалась колдовством и черной магией. В самом деле, для меня это было началом очень длительного и тревожного заигрывания с оккультизмом, эффекты которого годами преследовали меня. В то время, как бы то ни было, оккультизм казался просто удобным инструментом, имевшимся в моем распоряжении. Будучи крещеным лютеранином и доведенным до оцепенения Свидетелями Иеговы, к своим годам я был пустым сосудом в том, что касалось религии. Вопреки распространенному мнению, в то время, когда я читал Сатанинскую Библию, я никогда не был фактически сатанистом, вся концепция казалась глупой, если быть откровенным, но я занимался темными искусствами и ни секунды не сомневался, что они затрахали мою голову до практически невообразимой степени.

Я верил в оккультизм, и некоторые говорили: “Как ты можешь верить в оккультизм и практиковать черную магию и не быть при этом сатанистом?” Ну, есть разница. Спроси любого, кто занимается оккультизмом, и тебе скажут, что существует множество различных групп в различных видов магии. И как в любых областях, в оккультизме есть хорошие и плохие стороны.

Я лишь знаю, что и колдовство и Свидетели Иеговы долгие годы причиняли мне боль. Разумеется, это разные вещи. Боль от занятий колдовством остаточная. Боль, полученная от религиозности Свидетелей Иеговы, причинная. Это все равно, что когда говорят: “Эй, ты сидишь на наркоте, значит ваши взаимоотношения дерьмовые”, а ты отвечаешь на это: “Нет, у меня дерьмовые взаимоотношения, именно поэтому я и сижу на наркоте”. В любом случае, ты просто находишься в заднице.

Но в тот день, когда я пытался успокоить свой бушующий живот, колдовство казалось вполне разумным механизмом

решения проблем. Поскольку Мишель отказалась дать мне свои книги, я украл у нее парочку; после пары дней изучения, я занялся работой, смастерив куклу из хлебного теста, используя семена мака, чтобы выложить на ней слово У-И-Л-Б-У-Р и связать петлю, сделанную из струны на шее куклы.

Затем я прочел проклятье из книги заклинаний. Наконец, в самом конце я взял куклу и с треском отломил одну из ее ног.

Сработало ли это?

Нельзя сказать наверняка, но знаю точно, что через некоторое время Уилбур попал в автомобильную аварию и сломал ногу. Учитывая характер жизни в этой части мира, то, как сильно люди пили и садились за руль, не думая о последствиях, и учитывая, что Уилбур придурком-имбецилом, предполагаю, что нечто подобное неизбежно бы случилось.

А затем снова…

Жутковато, а?

После своего пробела в Айдахо, я вернулся Оранж Каунти и спокойно продолжил преследование рок-н-ролльного образа жизни. Поскольку мне нравились машины и я немного знал о том, как они работают, я устроился на временную работу в авторемонтную мастерскую; это помогло мне поправить свое финансовое положение, пока я не нашел достаточно клиентов, чтобы воскресить свой бизнес по продаже травки. Я ходил в вечернюю школу в надежде получить диплом об окончании средней школы и нашел компаньона в лице девушки по имени Мойра, ставшей моим первым серьезным любовным увлечением.

В музыкальном плане я был губкой, поглощавшей все, до чего могли добраться руки, пытаясь выучить любимые музыкальные фрагменты и подражая любимым гитаристам. Днем я тусовался на пляже со своим лучшим корешем, Майком Джорданом, и парочкой других худощавых друзей североевропейского происхождения, распивая спиртное и стараясь не поджариться на солнце. Ночью мы бродили от квартала к кварталу, от одной пивной вечеринки к другой, иногда устраивая потасовки, но обычно просто выпивая, куря травку или смеясь над любительскими группами, принимаемыми за “увеселительное зрелище”.

Даже худшим из них, тем не менее, удалось сыграть что-то примитивное и достичь незначительного уровня известности, со всеми вытекающими бонусами. Помню, как слышал о парне по имени Пэт Ноулз, гитаристе из нашего района, считавшимся высококлассным музыкантом. Затем я впервые увидел его вживую. Какое разочарование!

Этот парень был худощавым маленьким ублюдком, похожим

на Питера Пэна, ванильный десерт какой-то. Очень мягкий ребенок. Но Господи…как он играл! А еще был Джон Талл, который был практически полной противоположностью Пэту Ноулзу. Джон был похож на лесоруба с его толстыми руками и шлакоблочным черепом. Знаете, говорят, что у обычного взрослого мужчины лоб имеет ширину четырех пальцев? Так вот, у Джона он был шириной в пять. Может, даже в шесть. У него был черный Лес Пол с тремя звукоснимателями, и он играл песни, как никто из тех, что я видел. Не в местном масштабе, разумеется. И хорошие песни он тоже играл, песни, которые я слушал по радио и на восьмом треке, когда я видел, как он играет, я не мог не быть впечатлен.

Чувак…этот парень реально хорош.

У Майкла Шенкера (на тот момент он играл в UFO) во вдохновенной позе на домашнем концерте Panic

Это была лишь половина. Когда группа завершила выступление, и Джон положил свою гитару, телки преследовали его. И имейте в виду, Мистер Пятипальцевый Лоб не был самым привлекательным парнем в комнате. Но это не имело значения, именно гитара и магия музыки сделали Джона привлекательным для противоположного пола. Я хотел быть похожим на него, и быть таким, как Пэт Ноулз. Только лучше, чем они.

Все началось в возрасте семнадцати лет, с парнем по имени Дейв Хармон, ударником из Хантингтон-Бич, чья домашняя жизнь казалось полной противоположностью моей. Дейв происходил из стабильной семьи, с матерью и отцом, поддерживавшими все, чего он хотел, включая желание стать музыкантом. Они понимали, что я по большему счету был сам по себе, и поэтому сжалились надо мной, открыли свой дом для меня и относились ко мне с добротой и пониманием. Для меня это было все равно, что выиграть лотерею. Я жил своей жизнью, пил низкосортное пиво, ел лапшу быстрого приготовления и макароны с сыром так,

словно они выходили из моды.

Затем я встретил этого парня с клевыми родителями и холодильником, полным еды.

Мы с Дейвом начали говорить о том, чтобы играть вместе и возможно создать настоящую группу, такую, чтобы выбила дурь, которую мы видели на местных вечеринках. В качестве гитариста Дейв пригласил своего друга по имени Рик Солис, у которого была прекрасная Gibson Flying V. Как и я, Рик обучался боевым искусствам, поэтому мы сразу нашли общий язык. Рик был также первым начинающим рокером из тех, что я видел, и отчасти был на него похож, он был чем-то средним между Винни Винсентом и Полом Стэнли. Это было не случайно. Рик был одним из парней с врожденным пониманием имиджа — он обожал футболки без рукавов, длинные волосы и странные коллекции ювелирных изделий рок-звезд. У него также был огромный нос и темная кожа, что придавало ему экзотическую средиземноморскую внешность, и он был одним из самых волосатых парней, что я когда-либо встречал. Он сочетал хорошее с плохим — волосяной покров на груди, похожий на шерсть медведя (эй, в 70-х это считалось вершиной мужественности) и сросшиеся брови, простиравшиеся с одной стороны головы до другой.

Рик был первым парнем, из тех, что я встречал, который был полон решимости хорошо играть и стать рок-звездой. Мы обучили друг друга нескольким песням, начиная от 'Fire' Джимми Хендрикса до композиций из каталога Judas Priest и всего остального, что звучало по-нашему мнению интересно. Как и я, Рик все еще развивал свой вкус к музыке. Вскоре он вел себя в манере, которую можно было назвать странной и неприемлемой, что привело не только к его исключению из группы, но, насколько я могу предполагать, к преждевременной смерти (Рик часто ездил, будучи пьяным в хлам, и погиб, разбившись на мотоцикле спустя несколько лет).

После смерти Рика Дейв и я занялись созданием новой группы. Первым к нам присоединился гитарист по имени Том Квеке, мой друг из вечерней школы. Том происходил из семьи с тремя братьями. Старший работал на правительство в сфере национальной безопасности; здоровенный, крепкий парень. О среднем брате я не слишком много слышал, он был белой вороной в семье. Ну и последним братом был Том, который был белой вороной, последовавшей по правильному пути. По крайней мере, пытавшейся. По правде говоря, он был немного посредственным гитаристом, но нам больше и не требовалось, потому что он играл на ритм-гитаре; я взял на себя партии соло.

Следующим в состав вошел Боб Эванс, бас-гитарист,

напомнивший персонажа Джуниора из деревенского телешоу Нее Haw. Он был грузный, с короткой стрижкой и челкой, и все время носил комбинезон. Бобби выглядел… как простачок. Но, по правде говоря, он был сообразительным ребенком. Как и его отец, который был опытным звукорежиссером, построившим невероятные звуковые кабинеты для дома. Эти вещи были не просто басовыми кабинетами; они были похожи на басовые корпуса из Королевского Альберт-Холла или что-то вроде того. Мы играли с этим чуваком, и у меня были маленькие кабинеты, а Бобби заводил эти огромные кабинеты в восемь футов высотой и ударял первую басовую ноту *“БУАУУУУУУУ”* и выносил всю округу. У Бобби имелись деньги и машина, поэтому, естественно, мы были счастливы иметь его в своей группе.

В тот момент все, что нам было нужно, так это вокалист — я еще не рассмотрел возможность, что я могу сам справиться с микрофоном, и тогда мы нашли одного вокалиста в лице Пэта Волкеса. Пэт был худым и мускулистым, с длинными прямыми волосами, он был похож на певца. Он также был на несколько лет нас старше, немножко более зрелый, чуть умнее в практической стороне создания группы. Мы построили репетиционную студию в гараже Пэта и собирались на репетиции так часто, как это было возможно. Однако у всех у нас была собственная жизнь. Моя крутилась вокруг незаконного оборота веществ. К тому времени я отошел от продажи травы к продаже всего, что попадало в мои руки: гашиш, ЛСД, куаалюд, кокаин.

Я не говорю это с гордостью. Просто именно так все и было. Мне требовались наличные, и это был самый простой и самый эффективный способ их заработать. Более того, следует принять во внимание культурную и политическую обстановку того времени.

Говоря об отношениях, конец 70-х был довольно либеральным временем. Я не вижу ничего особенно опасного или аморального в употреблении или распространении наркотиков. Учитывая мое происхождение и семейную историю, это неудивительно.

Мы назвали группу Panic. Я даже толком не помню, почему, возможно просто потому, что это звучало круто, дико и анархично. Наше первое выступление состоялось в Дана-Пойнт, на вечеринке, устроенной моим кузеном Джоном. Это было нечто вроде импровизированного выступления. Дейв Хармон не смог сыграть тем вечером, поэтому мы взяли ему на замену барабанщика по имени Майк Лефтвич. Мы неплохо отыграли, и понравились публике. Сет-лист был случайным набором песен, которые я слышал на различных пивных вечеринках — Def

Leppard, Scorpions, Judas Priest, вместе с некоторыми малоизвестными вещами, которые мне нравились, вроде Budgie и Сэмми Хагара (в качестве сольного исполнителя). Все разошлись не на шутку, и к концу вечера квартира стала напоминать атмосферу оргии, с пьяными девушками, избавлявшимися от одежды и занимавшимися сексом с парнями из группы.

Я не мог быть более счастливым.

Тем не менее, следующий день принес ужасные новости. После вечеринки все члены группы разбрелись кто куда. Майк уехал с другом по имени Джо, великодушным, скромным парнем, который на концерте выступал в роли нашего звуковика. По пути домой, на шоссе Пацифик Кост, к югу от пирса Хантингтон-Бич, Майк и Джо попали в страшную аварию. Я получил эти новости от Тома Квеке, проступившие сквозь дымку утреннего похмелья. “Джо заснул за рулем” — сказал он, его голос дрожал. “Они оба мертвы”.

В семнадцать лет ты не проводишь мгновенно причинно-следственные связи между алкоголем и смертью, но я начал понимать, что у образа жизни, который я вел, и временами любил вести, были свои последствия. С одной стороны, когда я пил, я, как правило, становился действительно жестоким. Трава обладала успокаивающим, почти снотворным действием. Однако алкоголь вызывал гнев. Мне было примерно шестнадцать, когда я впервые допился до потери сознания. И это было не в последний раз. Неизменно мое настроение становилось мрачным в таких случаях. У меня никогда не было намерений сделать кому-нибудь больно. Это было не так, будто я вскакивал, открывал первое попавшееся пиво с целью подраться с кем-нибудь к концу вечера. Моя мотивация была гораздо проще: чувствовать себя хорошо и найти кого-то, кто хотел откровенно посочувствовать мне. Как правило, этим планам было не суждено сбыться.

Скажем так: я не попадал в неприятности каждый раз, когда пил, но каждый раз, когда я попадал в неприятности, я был пьян. Это уж точно. Курение травы было абсолютно иным опытом. Я просыпался утром, скуривал косячок, смотрел MTV, пел вместе с Битлз, играл немного на гитаре, дремал и просыпался днем. И никакого ущерба.

Все это было постоянно-расширяющимся действием: музыка, образ жизни, наркотики, секс. Долгое время я был неспособен признать даже малейшую вероятность того, что у меня могут возникнуть проблемы со злоупотреблением психоактивными веществами. Я смотрел в зеркало и видел типичную рок-звезду. Отчасти животное. Лишь спустя много лет я взглянул на это и увидел нечто иное: *“О, Господи. Я не Кит Ричардс. Я Отис из*

Мейберри! Чертов алкаш!”

На это потребовалось время. Трава была по большей части социально принятым наркотиком в 70-х; в меньшей степени так было и с кокаином, хотя я избегал его поначалу, потому что он был связан с моей точки зрения с дискотечным движением, а также с музыкой хаус и техно. Кокаин был для поклонников Village People и Донны Саммер, или кисок, которых можно было увидеть на концерте Flock of Seagulls. Для любителей металла, особенно для металлистов, существовала выпивка и наркотики.

Жесткие штуки.

Через несколько дней после аварии Дейв Хармон и я подошли к дому Майка и попытались поговорить с его семьей. Мы неловко выразили свои соболезнования, и они любезно их приняли, но это была болезненная встреча. Я предполагаю, в какой-то степени они обвиняли нас за то, что произошло с Майком, если не по какой-либо другой причине, то из-за его связи с группой. Кто-то же должен быть виноват, правильно? Разве не такими обычно бывают последствия трагедий?

Мы попытались реанимировать группу, даже отыграли несколько концертов в Дана-Пойнт, Хантингтон-Бич, и прилегающих районах в ближайшие пару месяцев. Но дух группы был утрачен; слишком большой груз лежал на наших плечах, слишком многое напоминало о том, что случилось. Слишком большая вина, может быть. Я могу лишь говорить за себя, и на мой взгляд все было не так. Родство, которое движет группой в годы становления, было утрачено. Мы недостаточно нравились друг другу, и не сильно этого хотели.

Употребление наркотиков в Panic было обычным явлением. Я принимал наркотики с членами группы, предлагая людям музыку, находясь под кайфом из собственных запасов…двигаясь по спирали вниз по пути наркотиков и алкоголизма. Даже величайший из бонусов — случайный, беспорядочный секс, начал терять свой блеск. Однажды я сказал Мойре, что у меня есть мечта заняться сексом втроем с ней и одной из ее лучших подружек (кстати, это было правдой); в тот день, когда я пришел домой с репетиции, Мойра и Пэтти стояли у моего крыльца, голые и улыбающиеся, ожидающие моего прибытия. Можно разумно утверждать, что подобное приветствие повысило бы настроение любому здоровому американскому мужчине. Так и было…некоторое время.

Но чего-то не хватало. Я просто не знал, чего именно.

Я занялся рок-н-роллом из-за его образа жизни, не потому что я стремился к великой музыкальности. Я не сидел, ожидая, что ко мне придут люди и скажут: “Черт, Дейв, твое арпеджио так

красиво!” Нет, все было совсем не так. Я был рок-н-ролл бунтарем. Моя гитара висела у меня за спиной, нож находился за поясом, а усмешка гуляла по моему лицу. Вот и все. Этого было достаточно.

Или мне так казалось.

Примерно в то же самое время я на короткое время возобновил связь с отцом. Был июнь 1978; мне было семнадцать лет, и по какой-то причине у меня появилось жгучее желание разыскать его. Мама и отец так долго находились в разводе, и он был такой призрачной фигурой в моей жизни, что мне просто требовалось самому увидеть, все ли рассказанное мне было правдой. Так холодны были воспоминания, что им трудно было верить, я больше не мог верить зловещим историям насилия, извергаемым моими сестрами или матерью.

Чтобы найти его не потребовалось много времени, и когда я позвонил ему и предложил встретиться, он казался искренне воодушевленным.

“Я бы с радостью, да. Когда?”

“Как насчет следующей недели?”

Мы встретились у него на квартире, темному, скудно меблированному маленькому местечку с обшарпанными обоями и арендуемой мебелью. В тот праздновался День отца, но это практически не имело значения. Я не чувствовал себя его сыном, и я не могу сказать, чувствовал ли он себя моим отцом. На самом деле мы были просто двумя чужаками, пытающимися найти связь друг с другом. Какие бы эмоции я ни ожидал увидеть — гнев, радость, гордость, я был ошеломлен печалью его жалкой жизни. Мой отец не был похож на призрака из моих кошмаров; не похож он был и на успешного банкира, которым он был когда-то. Он всего лишь выглядел…старым. Какое-то время спустя я открыл холодильник в поисках чего-нибудь выпить, и был поражен его пустотой. В дверце находилась небольшая банка майонеза, с коркой на ободке. На средней полке лежала буханка хлеба, открытая и выпавшая из своего пакета. Несколько различных бутылок пива валялись в холодильнике.

Вот так все и было.

Я не знал, что сказать, поэтому просто захлопнул дверь и занял место за кухонным столом. Я точно и не помню, как долго длился визит. Я помню, как извинялся за то, что был ужасным сыном. После этого признания у него на глаза навернулись слезы, и он небрежно махнул рукой. Когда я ушел, мы обнялись и договорились приложить усилия, чтобы видеться чаще.

Этого не случилось. В следующий раз я увидел своего отца около недели спустя, он находился на больничной койке, на

жизнеобеспечении. Его работа в то время едва ли была эффектной — обслуживание кассовых аппаратов в NCR. Очевидно, как я понимаю (хотя есть некие споры, касающиеся событий, приведших к его смерти), отец находился в баре, когда неожиданно соскользнул со стула и ударился головой. Я бы хотел думать, что в тот момент он работал над кассовым аппаратом, чтобы его смерть была хотя бы в незначительной степени благородной. Но вероятность этого мала. Это все равно, что парень, пойманный в публичном доме, говорит: “Э-э…я просто смотрел”. Мой отец был алкоголиком, и в баре с ним случилось кровоизлияние в мозг. Трудно представить, что он был трезв, когда это произошло. Трагедия состоит в том, что его можно было спасти, но к тому времени, как доктора нашли кого-то, кто мог дать им разрешение вскрыть его череп и сбросить давление, он уже впал в кому. Просто представьте. У вас есть бывшая жена и четверо детей, которые живут в том же районе, что и вы. Несколько братьев и сестер. Внуки. Но однажды, когда с вами случается ужасное происшествие, некому позвонить, никому до вас нет никакого дела. Когда я получил звонок от своей сестры Сьюзен, я встревожился не на шутку.

“Отец в больнице” — сказала она. “Тебе лучше приехать сюда прямо сейчас”.

“Что случилось?”

“Просто поторопись”.

Первое, что я сделал, первую сраную вещь, схватил пол-литровую бутылку виски Old-Grand-Dad. Я сунул ее в карман, затем выбежал на улицу, сел на мопед и поехал вниз по улице Голденуэст в сторону шоссе Пацифик Кост. Самое смешное, что я терпеть не мог виски; это даже была не моя бутылка, просто чье-то дерьмо, оставленное после вечеринки, вне всяких сомнений. Но я увидел ее и понял, что хочу причинить кому-нибудь боль, и осознал, что виски поможет сделать это.

Путешествие до больницы в Коста-Меса было тем, что я мог проделать во сне, даже притом, что я никогда не бывал там раньше. Я знал дороги целого региона, потому что я был как блоха, прыгающая с собаки на собаку по Оранж Каунти, Риверсайд Каунти, Лос-Анджелесу и Сан-Диего. Я мчался по шоссе, выпивая из бутылки, которую держал в одной руке, открывая дроссель другой. Когда я попал в больничную палату, мой отец находился в положении эмбриона, провода извивались по его телу к различным мониторам и системам жизнеобеспечения. Мои сестры уже были там, выстроившись у подножия кровати, как Три Мудрых Обезьянки. Никто не говорил ни слова, пока, наконец, Сьюзен не приблизилась ко мне, учуяв

запах ликера в моем дыхании, увидела мои налитые кровью глаза и почти пустую бутылку Old-Grand-Dad, торчащую из кармана рубашки.

“Знаешь что?” — сказала она, ее голос сочился презрением.

“Что?”

“Ты закончишь как он”.

Она выделила последнее слово “он”, так, что я не был уверен, который из нас, я или мой отец был истинным объектом ее презрения. Я лишь знал, что нахожусь в ярости. Я был зол, что мой отец умирал тогда, когда я только начал его узнавать. Я был зол, что моя сестра увидела во мне те же черты характера, что привели моего отца к такому жалкому концу. Тем не менее, больше всего я был зол на себя самого. Я боялся в сердце, что она окажется права. Возможно, я закончу как свой отец, свернувшись калачиком на больничной койке, а мой мозг будет тонуть в собственных соках, в окружении мрачных людей, которым, по всей видимости, нет никакого дела до того, жив ли я еще или уже мертв.

Глава 3: Ларс и я, или Во что я себя втягиваю?

“Ты принят на работу”

Святая троица Металлика по мнению некоторых: я, Джеймс и

Клифф в Олд Уолдорф в Сан-Франциско. Фотография Уильяма Хейла

Panic скорее не распалась, а исчезла, в результате отсутствия заинтересованности и химии/взаимопонимания между членами группы (американцы в разговорной речи называют “химией”взаимопонимание между людьми). Одно из наших последних шоу, в конце 1981, было также одним из самых запоминающихся. Это был благотворительный концерт в память об усопшем байкере. Теперь, я составлял сет-лист для группы байкеров и я говорю о серьезных байкерах, а не о тех парнях, что торгуют своими Бимерами для Харлеев по выходным, что было для нас своего рода вызовом. Мои собственные вкусы были отчасти эклектичны. Мне действительно нравилось много музыки отдельных групп, которые я открыл для себя, просто прислушиваясь к различным музыкальным веяниям.

К примеру, была одна малоизвестная группа под названием Gamma, созданная как последователь сольного проекта Ронни Монтроуза. Мне нравились Montrose, нравилось, как они звучали и что пропагандировали. Они были действительно крепкой рок-группой.

Большинство групп, которые можно было увидеть на заднем дворе вечеринок в то время, играли одну и ту же музыку: Robin Trower, Rush, Тед Ньюджент, Пэт Трэверс, Led Zeppelin, KISS. Некоторые из них мне нравились больше, чем остальные, но я слушал их всех и понимал, что это именно то, что люди хотели услышать. Таким образом, я мог составить довольно удовлетворительный сет-лист. Но осознавать, что хотят услышать дети из пригорода немного легче, чем оправдать ожидания банды пьяных байкеров.

Поэтому одной из песен, разучиваемых нами специально для этого шоу, была 'Bad Motor Scooter' Сэмми Хагара. Если остальное не прокатило, мы хотя бы сделали домашнюю заготовку.

Выступление состоялось в захолустье, в большом кемпинге на территории природного заповедника. И я должен признать, это было восхитительно — возможно, самая энергичная ночь, какую знала группа Panic, и будет знать, как потом оказалось. Там присутствовали преданные байкеры. Члены банд. Теперь, когда я просмотрел Gimme Shelter, документальный фильм 1970 года о печально известном и трагическом выступлении Rolling Stones, во время которого безопасность, обеспечиваемая Ангелами Ада, привела к убийству и нанесению увечий, у меня были некоторые представления о том, чего ожидать. Был ли я напуган? Черт возьми, нет! Я думал лишь о том, что настал час успеха.

Однако ночь выдалась длиннее, чем я ожидал. Два различных

аромата наполняли воздух в течение вечера: травка и соус чили. Все верно — чили. Чаны этого соуса, результат кулинарного конкурса по чили, о чем мне было мне неизвестно, были довольно распространенны в подобного рода мероприятиях. В центре строения стояли тринадцать бочонков пива, я точно помню это число из-за его символизма (удача, неудача, как получится). Мы просто тусовались, курили траву, ели чили, пили пиво с этими парнями, пока один из них не закричал: “Начинайте играть!”, что мы и сделали.

Мы оцепили территорию в центре сооружения и настроили свое оборудование. Это было время, когда беспроводное оборудование было все еще относительно редким (и часто слишком дорогим). Но я установил беспроводной передатчик, используя стерео Radio Shack, усилитель и устройство, известное как беспроводная система Nady. Я был одним из первых парней, насколько я знаю, кто использовал беспроводной передатчик, и могу сказать, что это поразило байкеров, которые видели, как мы играем той ночью. Ты практически видел, как они говорят друг другу: *“Как, черт возьми, он играет на этой штуке без проводов?”*.

В любом случае, мы прошлись по всем композициям, играя быстро и безупречно. Тонны энергии, никаких ошибок (во всяком случае, ни одной заметной). Мы завершили выступление убойной версией 'Bad Motor Scooter', поблагодарили зрителей за поддержку и начали собираться. Вот тогда-то все и стало дерьмово. Ответственный человек подошел к сцене.

“Какого черта ты делаешь?”

Сначала я ничего не ответил, что было очевидно самым умным решением. Я подумал о том, чтобы дать ему прямо в морду. Я хочу сказать, я был наркоторговцем, так? Я понимал правила маркетинга и справедливой торговли. Нам заплатили, чтобы мы сыграли. Мы сыграли. Как они смеют не выполнять условия нашего контракта? Ну, конечно, они были байкерами. Они делали то, что хотели. И что они сейчас хотели, так это еще музыки. К счастью, среди нас был дипломат: Пэт Вулкис, который, как я уже говорил, был самым старшим членом группы и по правде самым зрелым, когда дело касалось общения с другими людьми. Пэт вел с ними переговоры несколько минут, затем вернулся с новым контрактом. Условия были таковы: мы отыграем еще раз, они не заплатят нам ни копейки. Однако, они согласились отдать нам мешок галлюциногенных грибов. По рукам!

Саундчек Металлика на концерте в Сан-Франциско, март 1983 года.

Фотография сделана Брайаном Лью

Так что мы отыграли еще один сет, поели магические грибочки, и у нас естественно поехала крыша, в результате чего это стало одним из худших времяпрепровождений в нашей профессиональной жизни. Каждый говорил вещи, которые не собирался говорить, разглашал секреты, которые следовало хранить. К тому времени, когда мы вернулись домой, все наше братство было уничтожено. И добраться до дома было непростой задачей. У нашего обычного средства передвижения — Фольксвагена Рэббит, принадлежащего Тому, полетело сцепление на обратном пути. Поначалу мы пытались подтолкнуть машину до дома, ну и видок должно быть у нас был: парочка тощих, вялых подростков, пытающихся столкнуть с места несколько тысяч фунтов неохотно двигающейся стали. Это было безнадежным занятием, так что все закончилось тем, что мы проспали всю ночь в задней части грузовика, который мы использовали для транспортировки оборудования. С нами в тот вечер были двое приятелей, помогавшие мне в торговле наркотиками, в основном они просто следили за моим домом, пока я путешествовал с группой или работал в автомастерской. Эти парни были, что называется, Тупой и еще Тупее, хотя в большинстве случаев они вели себя в рамках разумного. К сожалению, их минимальные умственные способности были преуменьшены этими грибочками, и в какой-то момент они подумали, что украсть бочонок пива у байкеров это хорошая идея.

Разумеется, это оказалось плохой идеей. Бочонок выскочил у них из рук и покатился по холму, лязгая и грохоча, ударяясь о камни и пробуждая ото сна всех, кто спал в кемпинге. Наконец, бочонок прекратил двигаться, упав в речку. *Твою мать…*

Внезапно наше маленькое приключение превратилось в Пятницу, 13-ое. Преступники (Тупой и еще Тупее) остались на свободе, пытаясь общаться с нами при помощи криков и свиста птиц, пока все остальные были загнаны байкерами в угол и находились в плену в задней части кузова. В конце концов, было достигнуто соглашение (мы отыграли еще один концерт), бочонок был возвращен на место, и так мы пережили эту ночь. К тому времени, как мы вернулись домой, что-то все же изменилось. Это было похоже на ту сцену в фильме «Почти Знаменит», где группа пережила ужасный приступ турбулентности во время полета на концерт в заключительной части гастролей, и все чувствовали себя плохо и истощенно, было понятно, что конец не за горами.

Точно так же тогда чувствовал и я. Я больше ничего не мог дать Panic. И Panic ничего не могло дать мне взамен. Несколько недель спустя я листал альтернативную газету под названием Recycler, когда наткнулся на рекламное объявление одной еще безымянной группы, искавшей гитариста. В этом объявлении не было ничего необычного, Recycler еженедельно переполняли подобные объявления; они были обязательны к прочтению каждому начинающему музыканту в Южной Калифорнии. Одно из них вызвало у меня интерес, в основном из-за того, что у меня не было желания быть наемным работником в чужой группе. Я знал, что был довольно хорошим гитаристом; я также начал приходить к выводу, что мне нравилось управлять кем-то. Я не был хорош в принятии решений.

Данное объявление привлекло мое внимание, поскольку в нем содержались ссылки не на одну или две, а на целые три мои любимые группы. Первой была Iron Maiden. Ничего особенного в этом не было — ты не мог играть метал и не ценить Iron Maiden. Следующей была Motorhead. В этом также не было ничего особенного. Тем не менее, третьей была упомянута Budgie. Просто увидев это название печатными буквами, мое сердце забилось сильнее. Я познакомился с творчеством Budgie, новаторской группы из Уэйлса, фактически они считались в некоторых кругах первой хэви-металлической группой — однажды ночью несколькими годами ранее, во время путешествия автостопом по PCH. Водитель работал на радиостанции в Лос-Анджелесе3. Он был довольно приятным парнем. Поделился куаалюдом, врубил музыку на всю катушку, и в какой-то момент, узнав, что я играю на гитаре, он улыбнулся и сказал: “Чувак, ты должен послушать этих парней”. Затем он вставил кассету Budgie в магнитофон.

Я был немедленно сражен наповал. Скорость и мощь музыки, без отказа от мелодий, это было не похоже ни на что из того, что я слышал ранее. А теперь вот он я, читающий Recycler, и

задающийся вопросом, что станет следующим этапом в моей жизни, это было будто я получил некое послание. *Budgie!*

На следующий день я позвонил по номеру, указанному в объявлении.

“Привет, чувак, мне нужен Ларс”.

“Это я”. У парня был странный акцент, и я все никак не мог определить, откуда он. Кроме того у него был совсем юный голос.

“Я звоню по поводу твоего объявления. Ну, о том, что вам нужен гитарист”.

“Так…”

“Ну, я знаю Motorhead и Iron Maiden” — сказал я. “Кроме того, я обожаю Budgie”. На секунду воцарилась тишина.

“Твою мать, чувак! Ты знаешь долбанных Budgie?!”

Вот так все и произошло. Видите ли, Ларс Ульрих, подросток (и, да, он был просто подростком, как я позже узнал) на другом конце линии, был страстным коллекционером музыки Новой Волны Британского Хэви-Метал (NWOBHM). И когда я произнес название группы, стоявшей во главе этого движения, я был принят за своего. Дело в том, что я даже не понимал (осознание пришло чуть позже), что Budgie занимали такое важное место в его мире; мне просто нравилась их музыка. И Ларс уважал это, что в свою очередь демонстрирует, что в глубине души, очень много времени назад мы действительно были родственными душами.

Мы встретились с ним пару дней спустя в квартире Ларса в Ньюпорт-Бич. Вообще-то это был дом его родителей, о чем я не подозревал, пока не приехал. Дорога к нему напоминала путешествие по закоулкам воспоминаний, поскольку Ларс жил в районе недалеко от того места, где моя мама работала горничной, когда я был еще ребенком. В какой-то момент, покидая шоссе Пацифик Кост, я подъехал к стоп-сигналу и понял, что если повернул не туда, то еду сейчас на остров Линды, где моя мама убирала туалеты у богатых людей. Повернув, я вспомнил, как однажды, много лет назад, когда я надевал маленький галстук-бабочку и белую работу, чтобы выручить ее, пока мама работала на фирму-поставщика продуктов на частной вечеринке в том же районе.

За кулисами с Ларсом Ульрихом и своим давним другом Джоном Стреднански.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Можете себе представить, о чем я думал, въезжая на дорогу на своей старой Mazda RX-7, чей проржавевший глушитель гремел так сильно, что я подумал у автомобиля треснут стекла:

“*Сраное отродье фирмы Силвер Спун…*”

Отец Ларса, Торбен Ульрих, бывший профессиональный игрок в теннис, пользовался некоторой известностью. Его мать была домохозяйкой; я никогда много не знал о ней. Ларс родился в Дании. Неудивительно, что он начал играть в теннис в очень юном возрасте, и был своего рода вундеркиндом. Предполагалось, что он переедет в Штаты ради дальнейшей карьеры в теннисе, однако вскоре его настоящая страсть взяла верх: музыка, в частности, игра на ударных. Я не знал ничего этого, когда мы впервые увидели друг друга. Все, что я знал, когда он подошел к двери тем утром, так это то, что он был очень юн (мне было двадцать лет; Ларсу еще не было и восемнадцати) и очевидно он происходил из несколько иного мира, чем тот, что я знал.

У меня не было больших ожиданий относительно этой первой встречи. Во многих отношениях я все еще был очень молод. У меня была травка, и я понимал, что если ничего хорошего не выйдет, я могу просто потусоваться с этим пацаном, накуриться, и послушать его планы по завоеванию музыкального мира. Мы обменялись рукопожатиями и поднялись прямо в его спальню, вероятно чтобы приступить к делу (что бы это ни означало). Первое, что я заметил, когда вошел в его комнату, это его

коллекцию всякого интересного дерьма на стенах: фотографии групп, обложки журналов. Прямо у входа висел огромный постер Фила-Грязного Животного, барабанщика Motorhead, орудовавшего за невероятной барабанной установкой, покрытия которой украшали, как это позже оказалось, раскрытые пасти акул.

"Очень клево" — подумал я.

Немного сбивающей с толку была гигантская стопка датского порно на тумбочке. Я не ханжа. К тому времени я пережил свою долю фантазий, вызванных Пентхаусом. Но это дерьмо было странным. Это были не те вещи, что можно увидеть в ведущих американских эротических журналах, а жесткие европейские странности: девушки, которых трахают бейсбольными битами и бутылками из-под молока, вещи такого рода.

"Чувак, это немного странно, тебе не кажется?"

Ларс пожал плечами. Отчасти это было, по-моему, из-за того, что он был слишком юн. Он мог бы сойти за тринадцатилетнего или четырнадцатилетнего, казалось несколько странным тусоваться с ним, перелистывая датское порно и говорить об основании группы. И курение травки, само собой, было следующим, чем мы занялись. У Ларса был бамбуковый кальян для курения марихуаны прямо под открытым небом (его родители, по-видимому, использовали для воспитания нечто иное, чем железный кулак), само собой, разговор зашел о наркотиках. Мы немного обменялись военными историями, и Ларс рассказал мне о своем любимом методе курения гашиша. Он вырывал ямку в земле, закапывал туда гашиш, пока он горел, затем выкапывал небольшой туннель и вдыхал дым через сито с другой стороны. Я попытался представить себе эту картину: этот маленький подросток лежит лицом в земле, вдыхая дым гашиша в легкие. Я не мог представить, как делаю то же самое, и я не понимал, какое преимущество этот метод имел над более традиционными способами курения…однако, должен отметить, этот способ был изобретательным.

Так мы поговорили некоторое время, раскайфовались, и, в конце концов, я спросил Ларса, есть ли у него записи группы, которую он пытался сформировать. В составе было уже три человека, как он сообщил мне: вокалист по имени Джеймс Хэтфилд (Джеймс тогда еще не делал упор на игре на гитаре), бас-гитарист по имени Рон МакГовни, и сам Ларс, барабанщик. Им требовался гитарист, действительно классный музыкант, чтобы состав был полностью укомплектован. По правде говоря, группа все еще находилась на стадии зарождения. У нее не было имени, не имелось истории выступлений. Что у нее было, по-

видимому (хотя я не знал об этом в то время), так это соглашение между Ларсом и продюсером по имени Брайан Слэгел, чей новый лейбл «Метал Блейд», готовился к выпуску сборника композиций в стиле хэви-метал под названием «Metal Massacre». Один трек был зарезервирован для начинаний Ларса; все, что ему требовалось, так это сочинить композицию, создать группу и сделать запись.

“Послушай это” — сказал Ларс. Он вставил кассету в свое стерео и включил сырую демозапись композиции под названием 'Hit The Lights', написанную Джеймсом и одним из его приятелей из предыдущей группы. Гитарная работа была проделана парнем по имени Ллойд Грант, игравшим с Ларсом и Джеймсом некоторое время до моего прихода.

Песня была неплоха; игра была равномерно небрежной, качество звука было еще хуже, у вокалиста были проблемы с взятием нот, и не чувствовалось харизмы. Однако на пленке чувствовалась энергия. И стиль. Когда завершилась песня, Ларс улыбнулся.

“Что скажешь?”

“Вам определенно нужно больше гитарных соло, это точно”.

Ларс кивнул. Он не казался обиженным. Думаю, он хотел услышать мое искреннее мнение. Ларс искал гитариста, который соответствовал его музыкальному вкусу, и я, возможно, отвечал всем его критериям. Сырая, как была, пленка напомнила мне о музыке Новой Волны Британского Хэви-Метал, которую я слушал. Я понял, что эти парни играли на гитаре с риффовой точки зрения. Здесь дело было не столько в бренчании аккордов или арпеджио — переходам с одной части гитарного грифа к другой, это было похоже на извлечение звука на одной и той же струне снова и снова, до точки, когда звучание практически полностью становилось монотонным. Таким образом, риффу требовалось нести на себе тяжесть целой песни. Если эти слова звучат слишком просто, то на деле это не так. Это невероятно сложно, потому что гитарист полагается на такой небольшой музыкальный размер. Эффект, при должном исполнении, достигается почти гипнотический.

Я ушел с этой встречи с минимальными ожиданиями. Ларс был болезненно спокойным. Кроме того, как я уже сказал, он был просто слишком юн, тяжело представить, что у него имелся какой-либо грандиозный план по созданию того, что в конечном счете станет крупнейшей хэви-метал группой в мире. Как и многие дети с нечетко определенными рок-н-ролльными мечтами, он практически ковылял по этому пути. Я и сам находился на этом пути.

День завершился рукопожатием и обещанием оставаться на связи, затем я поехал обратно в Хантингтон-Бич, с мутными глазами и под кайфом. Я не знал, услышу ли я что-то Ларса снова. Однако он позвонил несколько дней спустя, желая знать, смогу ли я встретиться с ним и остальными ребятами из Норуолка, где жил МакГовни.

Классическая поза Мастейн / Хэтфилд. Мы были обречены на успех, правда, не вместе. Фотография сделана Брайаном Лью

“Для чего? На прослушивание?”

“Да, что-то вроде того” — сказал Ларс.

Я сказал, хорошо, вновь понимая, что мне нечего терять. Мне оставалось или доигрывать это дело до своего логического завершения, посмотрев, есть ли у этих парней вообще потенциал, или вернуться в Panic, что было явным тупиком.

МакГовни находился для меня под знаком вопроса. Я ничего не знал о нем. Не больше я знал и о Джеймсе, который, как оказалось, жил у Рона. Они оба были приятелями со времен средней школы и теперь делили квартиру на двух этажах (с внутренней лестницей), принадлежащую родителям Рона. Фактически им принадлежали несколько строений в районе, и одно из них было предоставлено Рону в полное распоряжение, а также было разрешено переоборудовать гаражное помещение под студию. Едва ли это можно было назвать жизнью на широкую на ногу — у всех соседей было дерьмовое отношение к этому, однако по сравнению с тем, как жил я (продавал травку, чтобы иметь хоть что-то из еды на столе), Рон держал жизнь за яйца. Как и Ларс.

Рон не произвел огромного впечатления при первой встрече. Я был немного крутым, уличным ребенком, и подозревал (и возможно немного завидовал) тем, кому, по-видимому, был предоставлен более легкий путь в жизни. В то время Рон работал,

или по меньшей мере подрабатывал, в качестве рок-фотографа, с особым интересом к хэви-металу. Он постоянно делал фотографии других групп, прежде всего Motley Crue. По какой-то причине Рон был большим поклонником Crue, и я думаю, он полагал, что если показать людям фотографии Винса Нила, окрашивающего свои волосы или одевающего сценическую одежду, это произведет на них огромное впечатление. Я не понимал этого, и до сих пор не понимаю. Еще больше я не понимал то, как Рон был одет в первый же день встречи, в своих сапогах гоу-гоу, доходящих до колена; в стиле Остина Пауэрса, плотно облегающих джинсах; шипованном поясе; и тщательно отглаженной футболке Motorhead.

Металлист-яппи. Такой у него был вид.

Помню, что был довольно тихим в тот день. Это было похоже на то, что я стрелок, который принялся за дело с соответствующей долей серьезности. Имейте в виду, я никогда раньше не бывал на прослушиваниях. В какой бы группе я ни играл, это всегда была моя группа. Не было никаких “проб” в чью-то группу. К черту это! Я был лидером, а не последователем. Играть второстепенную роль в чью-то пользу мне было не слишком приятно, и на самом деле ввело меня в несколько дурное настроение.

Я склонен часто дразниться. Вот подтверждение моим словам. Я, прикалывающийся за сценой. Фотография сделана Уильямом Хейлом

Просто согласившись съездить в Норуолк и пройти процесс оценки и интервью, я пошел на уступки своей неприкосновенности и своим принципам. Вот так я взирал на все

это, как бы то ни было. Что сказать? Да, я был высокомерен. И зол. Но мне пришлось проглотить свою гордость. Я устал от распространения наркотиков и игры с неудачной группой. Возможно, представившаяся возможность стоила того.

Странное чувство появилось у меня с того момента, как я приехал к Рону. Кроме Ларса, Рона и Джеймса там тусовалось еще несколько людей, включая девушку Рона и парня по имени Дейв Маррс, друга Рона, который позже непродолжительное время работал в качестве роуди у Металлика. Я не уверен в том, чего они ожидали от меня. Я был довольно честен с Ларсом о том, как я провел тот день. Я рассказал ему, что играл музыку и к тому же продавал травку; по правде, конечно, я продавал травку и в дополнение к этому играл музыку. Несмотря на разницу, похоже его это не особо волновало. Как и остальных.

Ларс представил меня каждому, пока я выгружал оборудование из своей машины и переносил его в гараж. Когда я все настроил, все остальные зашли в другую комнату, что мне показалось несколько странным. Казалось никто не испытывал никакого волнения перед тем, чем мы занимались. И насколько я могу судить, я был единственным человеком, претендовавшим на эту работу.

Я подключил свой усилитель и спокойно приступил к разогреву. После чего я еще немного разогрелся. Я продолжал играть, быстрее и громче, понимая, что в конце концов кто-то зашел в комнату и начал джеммовать со мной вместе; и по меньшей мере я думал, что все участники группы зайдут в комнату и послушают меня, зададут пару вопросов. Но они этого не сделали. Они просто оставили меня там играть в свое удовольствие. Наконец, после получаса или около того я положил свою гитару и открыл дверь дома. Вся группа сидела там вместе, выпивая и кайфуя, смотря телевизор. Я заметил, кстати, что Джеймс и Ларс пили мятный шнапс, что было почти комично. Я не знал никого, кто пил шнапс, это был напиток для старых леди.

“Эй, мы будем играть или что?” — спросил я.

Ларс изобразил подобие улыбки и махнул рукой. “Нет, чувак… ты принят на работу”.

Что??

Я оглядел комнату. Действительно ли все оказалось так просто? Я не знал, обижаться мне или радоваться. Мой ответ колебался между облегчением и замешательством. Им было все равно? Были ли они настолько впечатлены моим разогревом, что им оставалось только принять меня в группу? (Я знал, что был довольно хорош, но я не знал, что был настолько хорош). Вспоминая об этом спустя все эти годы, возможно, им не хотелось

устраивать настоящее прослушивание, когда играют все вместе, потому что это бы дало мне возможность оценить их уровень мастерства и музыкальности. Сейчас это вызывает у меня некоторую долю иронии, учитывая порой язвительную природу наших отношений на протяжении многих лет, и тот факт, что меня часто изображали как того, кто был счастлив оказаться в нужном месте в нужное время, заполнив временную брешь в составе Металлика.

Но в то время я не знал об этом ничего. В физическом плане и в том, как одевался, Ларс выглядел как иностранец, каким он был в день нашего знакомства, но я соотношу это в основном с его европейским воспитанием. Рон занимался своим делом, а Джеймс… ну, Джеймс был худым как палка, в черных штанах-спандекс, заправленных в ботинки и в футболке с гепардом. На запястье был широкий кожаный браслет с явной заплаткой посередине, похожий на те, что носят квортербеки5 в день игры с расписанием игр, написанных на нем. Джеймс, можно сказать, очень старался выглядеть как рок-звезда. У него были длинные волосы, уложенные в развевавшуюся прическу, так что он напоминал Руди Сарзо, бас-гитариста группы Оззи Осборна. Я старался не засмеяться от его вида.

О, Боже. Во что я себя втягиваю?

быстрая, громкая, неуправляемая

“Продолжай говорить в том же духе, и я ударю тебя кулаком по ебалу”

Юная метал-атака всегда к месту; я, все еще ребенок в Металлика.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

В самом начале все касалось стиля так же, как и наркотических веществ. Я помню, как однажды ходил за покупками с Ларсом и удивлялся тому, что он провел большую часть дня, пытаясь научить меня тонкостям приобретения кроссовок с высоким верхом. Очевидно, это было что-то из области науки, и мы с Ларсом просто не сошлись в формуле. Взгляните на ранние снимки Металлика и увидите, что я ношу блестящие белые кожаные Converse All-Stars с красными звездами по бокам. Это был мой выбор, но не Ларса. По какой-то неведомой мне причине у него было мнение, что рок-звезды носят классические Chuck Taylors.

“К черту их!” — сказал я. “Они похожи на те, что носят дети на Fat Albert. Я не стану носить это дерьмо”. Я мог ошибаться, но я точно помню этот случай как свое первое разногласие с Ларсом. Быть может, я рассказываю слишком детально, но считаю, что это наглядно указывает на неизбежность распада Металлика, даже когда группа находилась в зачаточном состоянии. Слишком много поваров на кухне. Я был лидером группы. Как и Ларс. Безусловно, невозможность прийти к общему мнению или принять конкретные роли в рамках группы. Я наблюдал это снова и снова. Столкновение различных эго, выход из себя вспыльчивых личностей. Вероятность преодоления подобных препятствий, не говоря уже о финансовых, художественных и управленческих задачах, астрономически ничтожна.

И все же, оглядываясь назад, я понимаю, чего добивался Ларс, потому что я сам занимался тем же: он пытался сформировать имидж, равно как и музыкальную сущность. Его сердце, я полагаю, находилось в нужном месте. На мой взгляд, именно его вкус был ошибочным. Однажды он вытащил фотографию Diamond Head, британской хэви-метал группы, которой восхищался до одержимости, он даже шел по их следам на уровне безбилетного пассажира в их европейском турне, состоявшимся год назад.

“Посмотри на них” — сказал он. “Эти парни выглядят как рок-звезды”.

Я просто уставился на фотографию с отвалившейся челюстью. В Diamond Head было что любить, но их стиль определенно не был на вершине этого списка. Я взглянул на этот снимок, увидел

весь этот черный спандекс, белые кроссовки, длинные, вьющиеся рубашки, расстегнутые до пояса и связанные в нижней части в узел, обнажая волосатый пупок вокалиста, и мне захотелось рассмеяться.

“Ларс, я даже не могу поверить, что парень может так одеваться. Он выглядит как "телка”.Видите, это были разграничивающие линии, которые не могли быть размыты. Тебе приходилось решить, в каком стиле музыке ты будешь играть, и твой внешний вид должен был точно соответствовать этой музыке. В этом смысле Diamond Head никогда не были моим идеалом. Многие группы были похожи на них. Коснемся важности волос. В те дни у каждого были длинные волосы, за исключением панк-групп. В хард-роке и металле традиционно носились длинные волосы, от тебя требовалось лишь принять решение в рамках этой традиции: волосы были либо были собраны кверху, либо распущены. Вы выглядели либо как Пейдж и Плант (с распущенными волосами и таким образом круто) или вы были похожи на KISS, Motley Crue и многих других подражателей (волосы собраны кверху, то есть не так клево). Мои волосы были распущены. Всегда были и всегда будут.

Затем настало время выбирать название. У каждой группы должно быть великолепное название, не так ли? Мы обсуждали варианты и отбросили несколько в сторону, включая Leather Charm, служившее названием одной недолго просуществовавшей группе, в которой играли Джеймс и Рон. Это было одно из тех названий, которые казались мне невероятно провальными. Leather Charm (Привлекательность натурной кожи)? Ну, и к чему вы стремитесь? Кто ваши слушатели? Это название звучало несколько сомнительно в рамках формирования представления о правильном времяпрепровождении, если вы понимаете, о чем я.

Именно Ларс предложил название “Металлика”, и оно бесспорно было отличным названием. Логотип нарисовал Джеймс. Первый раз, когда я увидел логотип Металлика, и все вокруг восторгались тем, насколько клевым он был, помню, как подумал, *ничего себе, он действительно хорош*.

Не могу сказать, был ли у Металлика какой-нибудь реальный шанс на успех. Я знаю точно лишь то, что когда я впервые увидел, как играет Ларс на барабанах, я был шокирован его посредственным уровнем. Тем не менее, его упорство стоило восхищения. Парень любил музыку (и хорошую музыку, надо сказать), и хотел стать рок-звездой. А то, что он в конечном итоге стал циником, как сегодня…ну, я не был свидетелем этого изменение.

Как и следует полагать, у нас было не слишком много

материала, когда мы начали вместе репетировать. Сет-листы в самом начале преимущественно состояли из кавер-версий, а также песен, написанных Джеймсом и его бывшим коллегой по группе, Хью Таннером. Основная часть нового материала, который имелся у нас в распоряжении, был написан мною.

Мастейн за работой. Я был так молод, что тогда у меня даже не было волос на груди

Флаер раннего концерта.
Фотография сделана Брайаном Лью

Зимой 1982 года Металлика впервые отправилась в студию. Мы не виделись долгое время, но так или иначе мы завершили в небольшом местечке в Оранж Каунти запись 'Hit The Lights'. Когда наступило время гитарного соло, я отлично его запилил, и все начали восхищаться тем, каким крутым оно получилось. Тем не

менее, по какой-то причине, когда первая версия демозаписи появилась на Metal Massacre спустя несколько месяцев, она также включала в себя некоторую гитарную работу Ллойда Гранта. Это потрясло меня как нечто странное и сделанное совершенно не в духе братства, который питает группу, но у меня не было времени переделывать ее. Все происходило достаточно быстро, и я был рад быть частью этого процесса.

Наше первое выступление на сцене состоялось 14 марта 1982 года на Radio City в Анахайме, штат Калифорния. Оно получилось сырым, неотшлифованным, но чрезвычайно энергичным представлением перед около двумя сотнями металлистов, многие из которых являлись нашими друзьями. Все же, почтенная публика для неизвестной группы, играющей свое первое шоу. Чтобы дать вам представление о том, какую музыкальную нишу мы занимали в то время, скажу, что половину нашего девятипесенного сет-листа составляли кавер-версии Diamond Head. Мы также сыграли 'Hit The Lights'. Единственной песней, которая могла справедливо считаться оригинальной композицией Металлика в то время, была песня, написанная исключительно одним из членов группы — 'Jump In The Fire'. Ее автором был я.

Очевидно, что общение с публикой не будучи фронтментом выглядит с моей стороны несколько комично во время пребывания в Металлика. Фотография сделана Уильямом Хейлом

Я обращаю на это внимание просто чтобы показать, что моя роль в Металлика была на самом деле довольно важной. Я был соло-гитаристом и одним из основных композиторов группы. Роль члена группы не могла быть более важной, чем эта. Не то, чтобы я был особенно обеспокоен вопросом значимости в то время. Мы просто веселились, играли музыку, тусовались как сумасшедшие, пытаясь прогрессировать с каждым выступлением. Мы все были движимы одной целью, по крайней мере, какое-то время.

У всех у нас есть свои сильные и слабые стороны, и

интересно оглянуться в прошлое и посмотреть, какой выглядела Металлика в те ранние деньки. Имея намерение играть роль фронтмена и вокалиста, Джеймс не брал в руки гитару ни в ту ночь в Анахайме, ни некоторое время спустя. Но была некоторая сложность: Джеймс не был по натуре общительным человеком, особенно на сцене. На одном из ранних шоу я помню, как он стоял у микрофона, парализованный, не в состоянии произнести ни слова. Я не имею в виду в течение песни — у Джеймса не было проблем с пением и выступлениями, когда он начал играть на гитаре, он зарекомендовал себя также как надежный гитарист. Но сценическая болтовня? Это было трудно для него. В какой-то момент, почувствовав его замешательство, я подошел к микрофону и начал говорить. Это было начало легенды обо мне как о необычайно провокационном и говорливом гитаристе. Иными словами, сраный бунтарь. Традиция, разумеется, говорит, что гитаристы обычно выполняют свою работу молча. Они могут прыгать вверх и вниз, срывать с себя одежду, могут даже предавать свои музыкальные инструменты огню. Но они не должны говорить. Эта роль возложена на вокалиста. Всем известно, что именно так все и должно работать. Мне было плевать. Я делал то, что казалось для меня естественным.

Две недели спустя мы совершили огромный прорыв, отыграв несколько шоу ночью в клубе Whisky в Голливуде, открывая выступления Saxon. Скорее всего, это была заслуга Рона, поскольку именно его связи с Motley Crue помогли открыть нам двери в этот мир.

Рон передал наше трехпесенное демо клубу, надеясь на прослушивание у клубного менеджера. Находясь там, он столкнулся с ребятами из Motley Crue и рассказал им о своем плане, и они предложили ему свою помощь. Если это звучало круто, то реальность оказалось суровее. Motley Crue первоначально должны были открывать выступление Saxon, но в какой-то момент они или их менеджмент решили, что они теперь слишком крупная группа, чтобы открывать чьи-то выступления; они хотели выступать в роли хедлайнеров. И поскольку мы были готовы, желали этого и были в состоянии выступить, имея в распоряжении крепкую демозапись в качестве визитной карточки, лучшего времени для выступления и быть не могло.

Опять-таки, во время обоих концертов мы в основном играли кавер-версии. Тем не менее, на этот раз мы сыграли две мои вещи — 'Jump In The Fire' и 'Metal Militia'. И хотя мы стали играть плотнее и сделали меньше ошибок, чем в Анахайме, мы определенно были далеки от совершенства. Я помню, как снова взял у Джеймса микрофон и молотил по всей сцене, играя на

гитаре.

Задолго до того, как на концертах Металлика потребовались заграждения.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

В последующие дни мы вызвали значительный переполох, хотя ведущая рок-пресса поначалу была не впечатлена нами. Действительно, первая рецензия на наше творчество была язвительным ударом, направленным практически на все, что касалось Металлика. С одним заметным исключением.

“Saxon могли бы принять быстрого, яркого гитариста наподобие Эдди Ван Халена. У открывающего квартета Металлика был один похожий, правда, несколько иного типа. Местная группа нуждается в значительном развитии, чтобы преодолеть всепроникающую неповоротливость”.

Ай!

Я не помню, чтобы получил какое-либо удовольствие будучи выделенным в качестве яркого музыканта в чьем-то неудачном шоу. (И уверен, что встал на защиту своих коллег по группе). Мы пережили кризис роста не сильно отличающийся от того, что испытали все великие группы. Истина в том, что мы занимались чем-то более радикальным. Мы были быстрыми, громкими и опасными, на передовой хэви-металла. В сущности, трэш начался с ранней Металлика, как по форме, так и по отношению.

Ближайшие несколько месяцев принесли калейдоскопические очертания репетиций, написания и исполнения нового материала, и вечеринок. Все происходило так быстро. Было четырехтрековое демо (как правило, называемое 'The Power Demo’ в каталоге Металлика), записанное нами в гараже Рона МакГовни. На этой

пленке были включены две мои композиции — 'Jump In The Fire' и 'The Mechanix', наряду с 'Hit The Lights' и 'Motorbreath', принадлежащих перу Джеймса (хотя я склонен полагать, что в своей начальной стадии эта вещь, по крайней мере, отчасти принадлежала бывшему коллеге Джеймса по группе Leather Charm — Хью Таннеру).

Не могу дать четкий ответ, как нам удалось успеть сделать столько, сколько мы сделали, учитывая образ жизни, который мы вели — все это траханье и драки, наркоту, пьянство и рвоту. Но у нас получилось. Наш музыкальный репертуар расширился, выступления улучшились. Очень скоро мы осознали, что для достижения тяжести, которая нам была необходима, нам требовался еще один гитарист. Поскольку Джеймс все еще не был заинтересован ни в чем, кроме пения, мы наняли парня по имени Брэд Паркер. В первый же день репетиции он заявился в полосатой футболке с короткими рукавами — нечто подобное носят русские моряки. Он использовал подводку для глаз и серьги белого цвета со вставками из перьев. Я взглянул на этого парня и начал смеяться.

Чувак, подумал я, если ты протянешь хотя бы день в этой группе, я буду шокирован. По правде говоря, он протянул несколько дней, может даже недель, но не слишком много, чтобы это имело значение. Он отыграл с нами одно выступление в местечке под названием Мьюзик Фэктори в Коста Меса. Перед выходом на сцену он повернулся ко мне и сказал: "Слушай, когда мы выйдем на сцену, называй меня Дэмиэн, хорошо?"

"Как?"

"Дэмиэн…Дэмиэн Филлипс" — сказал он.

"Кто, черт подери, этот Дэмиэн Филипс?"

Он улыбнулся.

"Это я. Мой сценический псевдоним".

Это был первый и единственный раз, когда Брэд Паркер и/или Дэмиэн Филлипс играли с Металлика. Наше следующее выступление состоялось месяц спустя, незадолго до Дня Поминовения в 1982 году, когда Джеймс уже играл на ритм-гитаре и солировал. К тому времени мы решили обойтись без позеров и, отказавшись от бесконечных поисков следующего гитариста, решили убедить Джеймса самому справиться с этой задачей; как оказалось впоследствии, он оказался внушительным музыкантом.

За лето наш гастрольный график стал более плотным, как и наша репутация. Мы играли по меньшей мере по одному концерту в неделю на различных площадках по Южной Калифорнии: клубе The Troubadour и Whisky в Голливуде, The

Woodstock в Анахайме, и бесчисленном множестве вечеринок и концертов в местах, о которых вы никогда и слыхом не слыхивали. Первая часть Metal Massacre была выпущена в июне, и в течение месяца мы вновь оказались в студии, работая с руководителем записывающей компании, Кенни Кейном. Этот парень возглавлял панк-лейбл и очевидно у него сложилось впечатление, что Металлика может каким-то образом соотноситься к подписанными на его лейбл группами, поэтому он предложил нам записать мини-альбом. Услышав записи, я полагаю, он не был в восторге, поскольку (очевидно) Металлика не являлись панк-группой. Он отменил сделку и оставил нам запись.

Получившееся демо под названием 'No Life 'Til Leather', содержало семь композиций: 'Hit The Lights', 'Mechanix', 'Phantom Lord', 'Jump In The Fire', 'Motorbreath', 'Seek And Destroy' и 'Metal Militia'.

Я был основным автором четырех композиций: 'Mechanix', ‘Phantom Lord’, ‘Jump In The Fire’ и ‘Metal Milita’. Не желая казаться жестоким, отмечу, что это демо представило слушателям искорки андерграундного феномена, которым стала Металлика, выступив скорее как бесспорное свидетельство в войне между теми, кто считает мой вклад в группу значительным (по большей части это поклонники Мегадет) и те, кто не считает (поклонники Металлика). Когда Металлика выпустила свой первый альбом в 1983 году, все четыре моих песни были включены на него (хотя 'Mechanix' была переработана и получила новое название — 'The Four Horsemen’, тем не менее, я был указан в качестве ее автора).

‘No Life ‘Til Leather’ стало нашей визитной карточкой, и мы использовали ее для того, чтобы перебазировать наших слушателей из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско. У нас не имелось официального контракта, не имелось средств для распространения песен, но все это было далеко от непреодолимых препятствий. Кассеты копировались и передавались по рукам, и весьма скоро мы уже играли перед фанатами, которые знали все слова наших песен, что я должен признаться, является одной из самых волнующих вещей, которые может испытать молодая рок-звезда. Мы становились лучше и прекрасно понимали это.

Мы также стали абсолютно безбашенными. Я никогда не стану отрицать, что был трудным человеком в те дни. Я был агрессивным, движимым своей целью, и непредсказуемым, и пил слишком много. Однако остальные участники группы вели себя так же. Мы практически жили в своих машинах, разъезжая вверх и вниз по побережью, выпивая до и после репетиций и концертов.

Не было ничего необычного для одного или нескольких членов группы в том, чтобы упасть в обморок в течение этих поездок и, проснувшись обнаружить, что его лицо или тело покрыты несмывающейся краской. Мы делили друг с другом свои дома, деньги, оборудование, наркотики, алкоголь, девушек. Это была жизнь полного упадка (а порой бывало чертовски весело). Всем нам.

Разница, и я полагаю, что это существенное различие, состоит в том, что мы были различными типами пьяниц. Я часто был злым, враждебным алкашом; Ларс и Джеймс были счастливыми синяками. Безобидные, по большей части, хотя их выходки ребяческими, а иногда, по моей оценке, необычайно пагубными. К примеру, они были непреклонны в своих издевательствах над Роном МакГовни, что я объясняю тем фактом, что Рон не желал сам постоять за себя.

С распространением молвы о 'No Life 'Til Leather' наша репутация также выросла. Оказалось, что мы проводим все больше времени в дороге, разъезжая вверх и вниз по побережью между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. Неизменно эти поездки сопровождались унижениями Рона. Практически каждую поездку один из кроссовок Рона неизменно выбрасывался из задней части нашего грузовика, так что Ларс и Джеймс могли видеть как он выходит из себя. Но он редко давал сдачи. Если бы они так же обращались со мной, я бы ушел из группы. Но Рон был подхалимом, поэтому он постоянно бродил вокруг, жалуясь и ноя, но по-прежнему платил по счетам чаще, чем кто-то еще. Он сидел в грузовике, у него был такой вид, будто он сейчас расплачется в то время, как Джеймс и Ларс напивались и делились друг с другом едой. В буквальном смысле, я однажды видел, как Ларс откусил большой кусок сэндвича, прожевал его, а затем наклонился и выплюнул это прямо в раскрытую пасть Джеймса, словно мамаша, кормящая своего птенца. В те дни мой порог разврата был достаточно высоким, но я помню с некоторой ясностью мышления, что эта церемония в частности или эпизод, как не назови, казался мне абсолютно сумасшедшим.

Правда, надо сказать, человек, которым я был на сцене — разозленный, пытающийся играть на своей гитаре так быстро, что почти сжигал свои пальцы, был не слишком далек от того, кем я был вне сцены. Когда я пил, я часто становился драчливым. Я не всегда ищу с кем подраться, но я никогда не отказываюсь подраться, если выдается такая возможность. Даже если в драке участвуют мои друзья или коллеги по группе.

До создания Металлика я купил пару собак, чтобы оградить людей от вторжения в свой дом (иногда это случалось, отчасти

из-за моих “деловых” интересов). Это были грозные щенки — стаффордширские терьеры (похожие на питбулей), скрещенные с родезийскими риджбеками, и они довольно неплохо пугали до усрачки большинство людей. Однако они были очень ласковыми и преданными, и я безмерно о них заботился.

Когда я приезжал к Рону на репетицию или на концерт, то обычно оставлял их сторожить дом. Тем не менее, иногда одна из собак составляла мне компанию. Однажды летом 1982 года я ехал на репетицию, и когда выпустил собаку из машины, она начала бегать вокруг. Собаки обычно ведут себя так, когда их держат какое-то время взаперти. В какой-то момент сучка прыгнула на бампер машины Рона, красивого Pontiac GTO, предоставив Джеймсу возможность больно ударить ее в область груди. Собака (она все еще была щенком) взвизгнула и стремглав убежала прочь. Я вышел из себя.

“Что ты делаешь?”

“Чувак, она царапала машину” — сказал Джеймс, словно это было приемлемое оправдание за то, чтобы ударить ногой собаку.

“Пошел ты на хуй!”

Фактическая драка не произошла прямо там. Это называется “отсроченный огонь”, когда происходит неожиданная задержка между нажатым спусковым крючком оружия и фактическим выстрелом. Вы знаете, что рано или поздно это произойдет, и ничего уже нельзя остановить. Всего лишь вопрос времени. Джеймс и я поочередно обменялись проклятьями в адрес друг друга и перестали разговаривать, пока в конце концов, когда мы были у Рона, готовясь к репетиции, напряжение вышло через край. Наступил следующий этап обвинений и оскорблений, ругани и угроз.

“Продолжай говорить в том же духе и я ударю тебя по ебалу” — сказал я.

“Отвали!”

В середине этой словесной перепалки Рон вышел из ванной и направился гостиную. Он и Джеймс отступили, и несмотря на то, что Джеймс часто обращался с ним как с куском дерьма, Рон инстинктивно стал защищать своего друга.

“Не бей его, ударь меня в первую очередь”.

“Заткнись и сядь, блядь, на стул” — сказал я.

Затем Джеймс встал на защиту Рона. “Не трогай его, тебе придется сначала ударить меня”.

Господи, подумал я, что это, *что за сраное телешоу*?

Я понял, что мне придется принять решение.

“Хорошо, будь по-твоему” — сказал я, и с этими словами ударил правой прямо в лицо Джеймсу, превратив его рот в

кровавую жижу. К моему удивлению, Рон тут же вскочил мне на спину. Рефлекторно я бросил его через бедро; он пролетел через всю комнату и приземлился на развлекательном центре, разбросав по всей комнате куски ДСП и разнеся в щепки старую видеоигру Pong, подключенную к телевизору. Драка могла продолжаться и дальше, если бы не присутствие моего друга и спарринг-партнера по боевым искусствам Рика Солиса, который тут же вмешался. Я был в ярости, готовый убить и Рона и Джеймса, когда Рик подошел ко мне сзади и схватил меня за локоть, ущемив локтевой нерв и сделав меня недееспособным6. Некоторое время мы стояли вместе, не говоря ничего, а затем вдруг Джеймс начал на меня орать.

“Ты больше играешь в этой группе! Убирайся нахер отсюда!”

Рон тоже кричал. Между тем Ларс стоял в углу комнаты, накручивая на палец локон своих волос и пытаясь безуспешно урегулировать конфликт.

“Да ладно тебе, чувак…Я не хочу, чтобы все вот так закончилось”.

“Да пошел ты на хуй! Я ухожу!”

“Отлично! В такой случае, ты тоже пошел!”

Поскольку наши разногласия никогда не достигали подобного уровня напряженности, следует отметить, что к этому времени Металлика уже была группой, боровшейся с личностными конфликтами. Каждый из нас был виновен, указывая пальцем на вину другого в тот или иной момент. Моя работа находилась в безопасности, насколько я могу судить, хотя очевидно я не смог правильно оценить ситуацию.

Мое увольнение продлилось примерно 24 часа. Я вернулся на репетицию на следующий день и извинился перед всеми, и был принят в стаю. Все было прекрасно. За исключением того, что это было не так. Некоторые вещи нельзя вычеркнуть, и этот случай был одним из них. Во многом я это было началом конца. Рон и я все больше раздражали друг друга. Мне казалось, что он самодовольный и избалованный, и не особенно талантливый парень; в его глазах я был непредсказуемым и опасным, почти так и было, должен признаться. Когда я рассказал о драке у Рона своим знакомым (не друзьям, заметьте, и понятия не имел о том, что они сделают потом), Рон рассердился и начал обвинять во всем меня. Моей реакцией, и я не говорю об этом с гордостью, было прийти в репетиционную комнату в один день, когда Рона не было поблизости и вылить банку пива на звукосниматели его баса Washburn, фактически уничтожив тем самым это довольно дорогой предмет оборудования.

Разгружаем колонки после концерта с Роном. Фотография сделана Брайаном Лью

За кулисами с Металлика. Наша первая фотография с Клиффом Бертоном в 1983 году.

Фотография сделана Брайаном Лью

Я знал, что это приведет Рона в бешенство, но мне было плевать. Мое обоснование было примерно такого плана:

“Ты мне не нравишься, мне не нравится, что ты свалил всю вину за драку на меня, мне не нравится, что ты маменькин сынок, мне не нравится, у тебя все получается, что тебе все так легко дается, а ты это не ценишь. Такое ощущение, что ты не один из нас”.

К этому времени, в конце осени 1982 года Металлика начала регулярно выступать в Сан-Франциско, где метал-сцена была значительно менее искусственной, чем в Лос-Анджелесе. Прическа и макияж значили меньше, чем собственно музыка.

Когда дошло до того, чтобы играть музыку, Металлика были нечто тем, чего раньше никто и никогда не слышал. Тем не менее, всегда оставалось место для совершенствования. И именно тогда в группе появился Клифф Бертон.

Клифф был выдающим бас-гитаристом в группе района Залива под названием Trauma. Один лишь этот термин — “выдающийся бас-гитарист”, уже должен сказать вам кое-что, потому что бас-гитаристы, как правило, находятся на дне рок-н-ролльной пищевой цепочки. Гитаристы и вокалисты находятся на ее вершине, барабанщики находятся в середине, бас-гитаристы на самом дне. Как-то я сказал, что “игра на басу это разница в один шаг от игры на казу”, что, как и ожидалось, разозлило большинство бас-гитаристов, но по сути это верно. Разумеется, у каждого правила есть свои исключения, и

Клифф определенно не был прославленным музыкантом по игре на казу. Он был великолепен. Увидев его впервые, я понял, что он уникален, так же думали Ларс и Джеймс, именно поэтому они начали тайно переманивать Клиффа, пока Рон МакГовни все еще был в группе.

Клифф был достоин преследования, и я думаю, что все мы (за исключением Рона) видели в нем “недостающее звено”. Мы приехали в Сан-Франциско как временно популярная группа, андерграундная сенсация, которая быстро превзошла всех, даже известнных в то время местных королей трэша Exodus. Мы были во всеоружии, с обалденным сценическим шоу, представляющим ублюдка с луженой глоткой на гитаре и вариацию хэви-метал, которая была одновременно тяжелее, быстрее и мелодичнее. Мы были настоящей силой. Как и Клифф. В Trauma не было ничего особенного, но все знали, что на эту группу стоит посмотреть ради колдовства Клиффа с педалью вау-вау. Не так часто бас-гитарист выступает в качестве звезды в группе, но Клифф, с дикой гривой волос и атлетическим, мощным стилем игры, изменил эти принципы. Он был новатором.

Он также отказывался присоединиться к Металлика или любой другой группе, располагающейся не в районе Залива. Однако Ларс продолжал убеждать Клиффа. В конце концов, когда Рон ушел через несколько дней после изуродования его баса Washburn, двери для Клиффа открылись. Однако следует признать один факт. Клифф был впечатлен нашей работой и был больше, чем готов променять Trauma на Металлику. При одном условии. Нам требовалось перебраться в Сан-Франциско. Я не помню точно, были ли какие-либо раздумья над этим решением. Все мы знали, что Клифф был достаточно талантлив, чтобы ставить подобное неслыханное условие. *Переехать всей группой?*

Ради бас-гитариста! Да, он был настолько хорош. А мы были настолько движимы этой идеей; мы хотели делать все, чтобы стать успешными. Думаю, все мы понимали, что с Клиффом мы сможем стать лучшей в мире группой.

Переезд занял несколько месяцев, в течение которых мы изменили свой образ жизни и профессиональные договоренности, чтобы сэкономить деньги и подготовиться к переезду в Сан-Франциско. Незадолго до Рождества 1982 года, Джеймса выгнал Рон МакГовни (неудивительно, поскольку Рон по понятным причинам не желал продолжать спонсировать Джеймса после разрыва с Металлика). Я уже вернулся в дом своей матери, потому что…ну, потому что я был на мели. Затем я пригласил Джеймса приехать ко мне и жить в одном доме со мной и моей матерью, создавая вариации на тему Компании Трех с предсказуемо катастрофическими последствиями. Внезапно в доме появляются двое хэви-метал воинов, живущих с твоей мамой, довольно тихой домохозяйкой. Сказать, что она была шокирована всем этим мероприятием, было бы слишком мягко, и не только из-за своей религиозной принадлежности. Образ жизни, который мы вели — пьянство, драки, кутежи — были причинами для беспокойства для каждого родителя. Но чтобы позволить всему этому происходить под ее крышей? Это было нелегко. Особенно, когда она начала понимать, что это не временно. Я был довольно хорош в игре на гитаре, и я серьезно собирался зарабатывать себе этим на жизнь. Но это было не единственной причиной, по которой я играл на гитаре. Дело было не в том, чтобы принять важный вид, потрахаться и попытаться стать знаменитым. Когда я держал в своих руках гитару, я чувствовал себя отлично. Когда я исполнял музыку, я ощущал чувство комфорта и успеха, которые никогда не ощущал будучи ребенком. Когда я копировал песни, которые мне нравились, я чувствовал привязанность к ним и к музыкантам, которые их сочинили. И когда я начал писать собственные композиции, я почувствовал себя музыкантом, впервые получившим возможность выразить себя. Возможно, моя мать чувствовала все это, и именно поэтому смирилась со всем этим сумасшествием. Или, быть может, именно так матери всегда и поступают.

Играю с Клиффом Бертоном в Особнячке Металлика (дом Марка Уитейкера).

Фотография сделана Брайаном Лью

Несмотря на это, из уважения к моей маме (и страха быть пойманным), я прекратил распространение наркотиков и попытался заработать немного наличных более достойным способом. Ларс получил ночную работу по доставке газет Лос-Анджелес Таймс, и спросил меня, не хочу ли я тоже попробовать эту работу. Некоторое время я занимался этим, однако ненавидел длительность и тяжесть этой работы. Иногда, чтобы разнообразить это занятие мы с Ларсом доставляли газеты вместе. Мы объезжали округу в AMC Pacer, принадлежащим его матери, проносясь через кварталы, иногда задевая бортом припаркованные машины и почтовые ящики. У меня сохранились некоторые воспоминания, которые смешнее, чем Ларс, просто ведущий Pacer, похожий на аквариум на колесах. Видя как он виляет из стороны в сторону по улице на одной из самых ужасных машин в истории, разбрасывая газеты из окна, не обращая никакого внимания, куда они приземляются, нельзя было удержаться от смеха. Это было похоже на видеоигру “Злобный Датский Развозчик Газет!” Кто был нам нужен, так это Орсон Уэллс и Джеймс Эрл Джонс, повествующий о том, что “Металлика едет к вам!”

К февралю 1983 года мы перебрались в район Залива, в частности в дом в Эль Серрито, принадлежащий менеджеру Exodus, Марку Уитейкеру, который вскоре стал дорожным менеджером и помощником Металлика. Дом Марка, ласково названный Особнячком Металлика, стал эпицентром всех вещей, связанных с группой. Ларс и Джеймс въехали первыми и заняли две свободные спальни. Я остановился в маленькой дерьмовой комнате, размером с коробку, без душевой кабины, раковины и

холодильника, в доме бабушки Марка, примерно в часе езды. Я по-походному использовал пенопластовую камеру охлаждения, в которую засунул все, что мне было нужно в течение дня…или двух дней…а может и трех. Один из участников группы, обычно им был Клифф Бертон, забирал меня утром и отвозил на репетицию. Мы с Клиффом стали довольно близки в те первые несколько месяцев, просто потому что провели много времени вместе.

Мы ездили туда и обратно, курили ужасную домашнюю траву Клиффа, разговаривали о музыке и слушали ее. И не только метал или старый хард-рок, а музыку, которая не имеет ничего общего с Металлика. Могу вспомнить несколько случаев, когда мы ехали, обмениваясь косячками травки и вовсю распевая Lynyrd Skynyrd.

Когда репетиция завершалась, и остальные парни начинали говорить о других вещах весь оставшийся день, я предлагал поиграть еще. Необязательно потому, что мне нравились репетиции, а просто потому, что я не переносил идею самостоятельного возвращения в тот маленький домик. Иногда я даже отказываться уезжать; я спал на диване по несколько суток подряд. Это было странное и сюрреалистическое нищенское существование. Разумеется, я чувствовал это и раньше. Я вырос в бедности, попрошайничая деньги на пиво, зная каково это ходить в одной и той же паре грязных джинсов по несколько дней подряд и выживать при помощи упаковок макарон Крафт и сыра. Думаю, едва ли можно было сказать то же самое о Ларсе и Джеймсе. И по этой причине, наряду с тем, что я считал нас братьями по оружию, я часто ловил себя на мысли, что выгораживаю их.

К примеру, был случай, когда мы все были на вечеринке, и в комнату вошли ребята из группы под названием Armored Saint. Как иногда происходит в таких ситуациях, безвредные словесные перепалки уступили грязным, личным оскорблениям, прокладывая путь к физическому противостоянию. Они нацелились на Ларса, возможно, потому что он был самым маленьким из всех. Я точно не помню, как все это началось; помню, как вскочил со стула и сказал им, чтобы они оставили моего друга в покое. Они посмеялись надо мной, как смеялись над Ларсом, что оказалось не лучшей идеей. Ларс возможно и не был бойцом, но я им был. У меня за плечами был опыт тренировок. Что еще важнее, мне было насрать.

Как только парни из Armored Saint навалились на Ларса, я пересек комнату и применил боковой удар первому, кто стоял на моем пути. Им оказался Фил Сандовал, соло-гитарист группы. Первое, что я услышал это громкий треск! Похожий на звук

сломавшейся пополам ветки. После чего раздался звук плача, когда Фил упал на пол и схватился за голень. Я сломал ему лодыжку.

Излишне говорить, что драка тут же завершилась. Я рассказываю эту историю не с целью похвастаться перед вами, а просто чтобы показать, как я относился к Ларсу, Джеймсу и Клиффу. Я готов был сделать для них все. Они были моими друзьями.

И хотя Джеймс отчасти был похож на бандита, в драке он не был особенно хорош.

Как-то вечером я пошел в Mabuhay Gardens, ночной клуб Норт-Бич, известный как “старый Mabuhay”, с Джеймсом и его девушкой. Пока мы ждали открытия клуба, какая-то девушка выбежала из соседней аллеи, размахивая своими руками и крича на пределе своих легких: “Он сломал мне нос! Он сломал мне нос!”

Я понятия не имел, кем она была и что случилось на самом деле. И мне особо не было до этого дела. Внезапно я почувствовал приток адреналина, который обычно случается перед боем. Я взглянул на Джеймса, не говоря ни слова. Я лишь улыбнулся, и мог сказать, о чем он сейчас думает.

О, что этот сумасшедший урод собирается теперь делать?

Наконец я тронул его за плечо и сказал: “Пойдем, чувак!” Затем мы завернули в переулок, едва различая предметы. Я вел себя спокойно, а у меня за спиной Джеймс хрюкал, фыркал, тявкал пустые угрозы в адрес парня.

“Я убью тебя, урод!”

Я почти смеялся. Джеймс не угрожал каждому, проносясь со свистом мимо кладбища. Помните, как когда-то вы были ребенком, пытающимся убедить себя, что ничего не боитесь, когда на самом деле вы были готовы насрать себе в штаны. В конце аллеи был припаркован фургон. Когда мы приблизились, Джеймс все еще кричал, дверь со стороны водителя открылась, и из нее вышел огромный сукин сын.

“Который из вас придурков хочет меня убить?” — сказал он, взгляд на его лице говорил или об опьянении или о полном отсутствии страха. А возможно и о том, и другом.

До того, как я ответил, Джеймс сделал быстрый шаг назад и заорал: “Он хочет!”

Я обернулся, увидев, что Джеймс показывает на меня пальцем.

Большое спасибо, братан.

Времени на объяснения не было. Верзила набросился на меня, и когда он двинулся вперед, я открыл свою ладонь с

указывающим вниз большим пальцем и схватил его за шею. Затем я выбил у него почву из-под ног, бросил его на землю, и начал бить головой о землю пока он не потерял сознание.

Пару минут спустя прибыли копы и увели парня в наручниках. Мы с Джеймсом вернулись, чтобы потусоваться у клуба, делая вид, будто ничего не произошло, но внутри меня всего трясло. Когда я проснулся на следующее утро, моя рука распухла и болела так, словно я ударил ею стену. Когда Джеймс спросил меня, в порядке ли я, я всего лишь кивнул ему в ответ. Мы никогда не говорили откровенно о случившемся. В этом не было никакого смысла. Мы те, кто мы есть. И я воспринимал Джеймса таким, каким он был.

Глава 5: Брошенный Алкоголиком

“Ты долбанный урод!”

Играем ожесточенное соло на животе Ларса, тщательно избегая прикосновения к члену.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Сан-Франциско с его процветающим клубным движением и энергичными поклонниками металла, зарекомендовал себя как теплое и радушное место для Металлика. Мы отыграли свое первое выступление с Клиффом 5 марта в клубе Стоун. 19 марта мы сыграли еще раз, в том же самом клубе. Между этими концертными датами мы записали еще одно демо и наблюдали,

как растет наша популярность.

Казалось, будто за пару каких-то недель мы взяли город под контроль. Не то, чтобы многим было не плевать на это вторжение; там довольно приятная среда, и многие группы преследуют схожие цели, играя и любя тип музыки, который позже станет известен как трэш-метал.

Зависть и позерство, характерные для клубного движения Лос-Анджелеса, практически отсутствовали в районе Залива, и мы быстро и легко нашли общий язык с другими музыкантами, в первую очередь (по иронии судьбы, как это потом оказалось), с участниками группы Exodus. В какой-то момент мы даже стали собратьями с некоторыми парнями из их группы. И как настоящие братья по крови, резали свои руки и обменивались кровью, вспоминая те времена и учитывая образ жизни, который мы вели, эти поступки можно назвать несколько опрометчивыми.

Так или иначе, Металлика похоже двигалась вперед со сверхсветовой скоростью.

Однажды утром в апреле 1983 года я встал с кровати с мутными глазами, в состоянии похмелья, пахнущий как пропавший творог, и увидел, что грузовик U-Haul находится у меня во дворе. Все произошло так быстро, что я даже не знал (или, честно говоря, знать не хотел) деталей. Если кто-то из вас удивлен, почему я стал таким маньяком контроля позже в своей карьере, корни моей эволюции берут начало именно с этого момента. Я был абсолютно доволен тому, что все идет своим чередом.

Демо 'No Life 'Til Leather' перекочевало на восток и попало в руки парня по имени Джон Зазула. “Джонни Зи” был владельцем популярного музыкального магазина в Нью-Джерси под названием «Рок-н-ролльный Рай», довольно известный тем, что находил и раскручивал андерграундных исполнителей. Он также был начинающим продюсером; услышав демо, и увидев реакцию на него среди клиентов своего магазина, Джонни Зи предложил Металлика возможность отыграть несколько концертов в Нью-Йорке и его окрестностях и помочь группе получить контракт на запись альбома. Большинство дискуссий относительно этого соглашения прошли без моего ведома и участия. Через несколько дней после прибытия в Нью-Джерси, я обнаружил отсутствие своего имени на всех подписанных контрактах, и стал немного нервничать, Ларс считал, что я слишком близко все принял к сердцу. Тогда я оставил все как есть.

Я полагаю, что мог винить Ларса или Джеймса или даже Марка Уитейкера за, то был отрезан от остальных, но мне также придется взять ответственность за то, что не смог “держать свой

глаз на мяче”. Я был слишком занят тем, что трахался и был в полном дерьме. Эти парни были моими друзьями, и несмотря на периодические разногласия, я доверял им. Это и стало моей ошибкой. Как оказалось, одной из многих.

Женщина, которую я назову Дженнифер, была моим сексуальным партнером в ночь перед отъездом в Сан-Франциско. Она была в то время полусерьезной подругой Кирка Хэмметта, гитариста Exodus (как я говорил ранее, мы делили многие вещи с парнями из Exodus). Дженнифер была милой девушкой, которой нравились гитаристы, и я определенно не возражал против того, чтобы потусить с ней. Когда я вышел из спальни, меня ждали Ларс и Джеймс.

“Простите” — сказал я. “Дайте мне пару минут принять душ. Я не могу ехать в Нью-Йорк в таком виде”. Они кивнули мне. Казалось, все прекрасно. Но это было не так. Я и понятия не имел, что мое пребывание в группе близится к своему завершению. Было слишком много споров относительно хронологии событий в этот период Металлика, но здесь я изложу то, как, по моему мнению, все произошло на самом деле. В какой-то момент пару недель или даже месяцев назад возникло острое желание: Ларс и Джеймс, в основном Ларс, обсуждали с Кирком Хэмметтом возможность его присоединения к Металлика.

Поскольку ни места, ни необходимости второго соло-гитариста не было, его роль в группе была очевидна: он должен заменить меня. Невзирая на то, что я никогда не видел, как это происходило.

Металлика позирует у стороны дома Марка Уитейкера. Фотография сделана Брайаном Лью

Мы загрузили 24-футовый грузовик U-Haul и прикрепили пикап Джеймса к задней части грузовика. В любое время мы втроем ехали впереди, в кабине U-Haul. Двое других пассажиров, включая Марка Уитейкера, который теперь был официальным

дорожным менеджером Металлика и спал в грузовом отсеке, где температура поочередно то взлетала, то падала, и колебания стен из листового металла создавали такое чувство, будто находишься внутри мусорного ведра. Мы остановились хлебнуть пивка меньше чем через милю после того, как выехали из моего двора и находились в пьяном угаре на протяжении большей части поездки.

В течение пары первых сотен миль мы получив очередную дозу адреналина, отправлялись дальше. Помню, как мы проезжали мост на выезде из Калифорнии в Неваду и я ощущал прилив возбуждения и радости достижения, как будто впервые в своей жизни я делал что-то важное. Я был влюблен в идею, что меня ждет подарок судьбы: возможность зарабатывать на жизнь, играя музыку. Это похоже на песню Уилли Нельсона “On The Road Again”, которая столь прекрасно отражает привлекательность цирковой жизни, музыкальных представлений и выступлений перед публикой. Он полностью отобразил этот аспект существования поэта-певца.

Все стареют, не так ли? Через некоторое время, с течением миль мы все стали раздражительными и усталыми. Всякий раз, когда наступал мой черед лезть в кузов, я всегда чувствовал некоторую долю беспокойства; я представлял, как кто-то засыпает за рулем и U-Haul падает с моста, и я вижу, как тону в задней части грузовика, и последний момент моей жизни посвящен глоткам спертого воздуха одного из том-томов Ларса.

Солнечный свет и тепло Калифорнии сменились серыми облаками и снегом Юты и Вайоминга, и настал мой черед вести грузовик. Я был ребенком-серфером, выросшим на вождении небольших автомобилей по переполненным, но чистым шоссе, так что для меня это была новая территория, во многих смыслах. Я никогда не водил грузовой микроавтобус, и лишь пару раз (на лыжных прогулках) ездил по снегу. Поэтому я был совершенно не готов, когда мы наехали на кусок льда и начали скользить боком по территории между штатами.

На какое-то мгновение все замедлилось, как говорят, это случается в авариях. Единственное, как я могу описать свои ощущения, это приравнять их к серфингу. Как будто вы ловите волну и идете по носу доски, и плавник выскакивает из воды, лишив вас возможности управления. Это чувство беспомощности и необъяснимой радости. Именно так я и чувствовал себя, когда грузовик U-Haul накренился на шоссе, полностью потеряв управление, в конечном счете остановившись. Половина его корпуса лежала на бортике, а вторая половина находилась напротив полосы встречного движения. Мы все выскочили из

грузовика, нервно рассмеялись, как обычно это происходит, когда не можешь поверить, что все еще жив, и приготовились продолжить свое путешествие. Вдруг, восемнадцатиколесный грузовик с ревом промчался мимо, свернув в последнюю секунду.

Рон Квинтана, Джеймс и я.
Фотография сделана Уильямом Хейлом

Затем показался Jeep Wrangler, двигавшийся прямо на нас. На мгновение мы замерли, и затем бросились врассыпную, ища укрытия, когда джип потерял управление и врезался в бампер U-Haul. В последнюю секунду я успел схватить Марка Уитейкера, убрав его с пути надвигавшегося автомобиля и, возможно, тем самым спас ему жизнь.

К счастью, никто не пострадал. Джип убрали с дороги, и мы отвезли грузовик на станцию техосблуживания U-Haul, где нам дали подменный автомобиль. Но настроение изменилось. Враждебности было больше, чем смеха. Это могло произойти с любым из нас. Мы все находились под кайфом или были пьяны, и нам всем не хватало опыта, чтобы вести грузовик по заснеженным горным перевалам. К несчастью, за рулем в тот момент находился я, и поэтому ответственность за аварию, а точнее вина, лежала на моих плечах.

Оставшуюся часть путешествия я чувствовал себя изгоем. Однажды ночью, когда я спал в задней части грузовика, мы наехали на колдобину и кусочки ржавчины болтались на потолке. Я почувствовал, как они падают мне на лицо, и когда я поднял голову и увидел, что происходит, ржавчина попала мне в глаза. Боль была мучительной. Все это в сочетании с тем фактом, что я плохо себя чувствовал от рациона в виде алкоголя и картофельных чипсов, вызвало у меня небольшой приступ паники.

“Парни, нам нужно остановиться” — сказал я. “Мне нужно в больницу, немедленно”.

Они не понимали этого.

“С тобой все будет в порядке, чувак” — сказал Ларс. “Иди спать”.

Наш спор продолжался многие километры. В какой-то момент, когда мы остановились, чтобы подзаправиться, я даже позвонил своей матери и сказал ей, что складывается ощущение, что проблема не решается; я спросил ее, не сможет ли она выслать мне денег на обратный путь.

Это звучит глупо, я знаю, но именно так я себя чувствовал в то время. Я беру на себя ответственность за свое участие в этом. Со мной всегда было непросто. Но я знаю, что если бы мы поменялись ролями — если бы это был Ларс или Джеймс, которым требовалось обратиться к врачу, неважно по какой причине, я бы уже вел U-Haul к ближайшей больнице. Немедленно. Алкоголь, очевидно, сыграл огромную роль во всем этом. Но я был не единственным, кто пил. Именно поэтому нас называли “Алкоголика”.

Имя, которое просуществовало еще долгое время после того, я ушел.

Спустя неделю пути мы прибыли в Олд-Бридж, штат Нью-Джерси, в дом Джона Зазула. Я не имею представления, в каком свете Джонни Зи подал себя или о том, что он нарассказывал Ларсу перед нашим отъездом в Сан-Франциско. Чего мы ожидали, так это некого охеренного промоутера или руководителя развивающейся записывающей компании, а то, что получили в итоге, было абсолютно иным. Джонни Зи и его жена жили в маленьком двухэтажном доме в непривлекательном пригородном районе. Кроме ржавого автомобиля и остального хлама, двор у дома не имел никаких признаков озеленения.

На самом деле у Джонни Зи было очень негусто в плане резюме. Но у него были яйца, и очевидно, что он был достаточно умен, чтобы увидеть в Металлика то, что оправдывало цель. Тем не менее, какое же это было разочарование. Джонни Зи обещал нам царский прием.

“Подождите, пока приедем ко мне” — сказал он. “У меня полный бар напитков и большой стейк на обед, чтобы мы могли отпраздновать”.

Это может показаться мелочью, но всю предыдущую неделю мы жили лишь одной мыслью об этом стейке. Я представлял, как Джонни Зи выезжает из внутреннего дворика своего особняка, рядом с искусственным бассейном, на гигантском Weber. В гостевой комнате находились ликер высшего качества и шелковые простыни. Когда мы приехали к дому Джонни Зи, я понял, что не было никаких сомнений в том, что Металлика

приехала не туда.

Что мы получили вместо этого, так это кусок низкокачественного филе, нарезанного соломкой и разделенного между всей группой, и горстку жареного картофеля размером с грецкий орех, запитые семиунцевыми бутылками Michelob.

Помню, как был сбит с толку всем происходящим, и практически чувствовал жалость к Джонни Зи, который явно оказался кем-то другим в отличие от того, кем пытался быть.

Когда я подумал, что вечер хуже быть просто не мог, Джонни Зи встал из-за стола и извинился.

“Извините, парни, мне нужно отлучиться”.

Я взглянул на часы, висевшие на стене столовой. Шесть вечера.

Да ты должно быть шутишь! Мы только что проехали через всю страну, я практически ослеп от попадания кусочков ржавчины на свои глаза, мы голодные, усталые и истощенные…и у тебя есть лучшее место пребывания?

Я задал вопрос, быть может, у Джонни Зи была еще одна встреча, возможно с более важным клиентом. К примеру, с другой группой. Тогда бы все выглядело не столь ужасно — по крайней мере, это создало бы впечатление, что у парня есть какие-то связи в этой индустрии. В конце концов, быть может, мы были в хороших руках. Но не тут-то было.

Правда оказалась гораздо более обескураживающей. Джонни Зи сказал, что у него комендантский час. Он должен был вернуться в учреждение социальной реабилитации.

“Меня поймали копы” — объяснил он, пожав плечами.

“Без дураков?”

“Без дураков”.

Насколько я знаю, это было ни что иное, как способ Джонни Зи пошутить; скорее всего он подумал, что это каким-то образом произведет на нас впечатление. В любом случае, эта первая встреча оставила желать лучшего. Я не мог поверить, что этот парень теперь был ответственен за успех или провал Металлика.

Первые несколько дней в Нью-Джерси прошли как в тумане. Мы бесконечно тусовались, хватали бесплатную еду, когда бы ее ни предлагали, и вообще влачили никчемное существование с размахом, который не видели даже в Сан-Франциско.

Вечеринки были свирепыми и порой даже опасными. Я помню как однажды ночью находились в одном из тех небольших домов, похожих на тот, в котором состоялся Ужас Амитивилля. Мы слушали музыку, когда вечер вдруг принял размах и алкоголь с кокаином уступили место метамфетамину. Даже тогда, когда мне казалось, что я практически не поддаюсь разрушению, этот

наркотик был одним из немногих наркотиков, которые действительно пугали меня; это было злое дерьмо. Я пробовал его несколько раз во время вечеринки в Сан-Франциско, но нашел его совершенно непривлекательным. Некоторым действительно нравился метамфетамин. Он считался кокаином для бедных, с примерно тем же повышающим пульс эффектом и по меньшей цене. Но какие неприятные побочные эффекты. Для меня метамфетамин был похож на линии на песке, которые я не мог пересечь. Из уст парня, который был зависим от кокаина и героина, это может звучать несколько странно. Но это правда. Когда дело касалось стимуляции некорректного поведения и представления риска для жизни потребляющим его людям, метамфетамин занимал отдельное место. Люди говорят о различных видах наркотиков, и это правда, что каждый из них несет на себе собственные особенные метафорические свойства. Но эффект от употребления метамфетамина самый наглядный. То дерьмо, что входит в него, и как люди его готовят? Сообщают о 12-летних детях, смешивающих его в своих ванных. Или еще хуже.

Ларс и Джеймс делают чудную рекламу воображаемого Капитана Моргана, которым вскоре будет суждено стать ходячими сундуками с сокровищами.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Дамы и господа…Клифф Бертон! Я горжусь, что играл с ним.
Фотография сделана Уильямом Хейлом

Даже человек с половиной мозга должен понимать, что к чему. И тем не менее, метамфетамин был повсюду. Джеймс встретил одну девушку практически сразу, как мы приехали на Восточное Побережье. Я мог тут же сказать, что она была наркоманкой, принимавшей метамфетамин. У нее был нездоровый цвет лица — отвратительная, рябая кожа, фурункулы и другие поражения лица, которые случаются от регулярного употребления метамфетамина. Дело больше не в том, что наркотик сам вызывает сыпь на коже; это токсическая херня, скапливающаяся от чрезмерного превышения дозы.

Одно из последних выступлений в Сан-Франциско в составе Металлика.
Фотография сделана Уильямом Хейлом

Честно говоря, я не понимал этого. Я предпочитал вечеринки с органическими веществами — я старался не пихать в свой организм то, что не было очищено или собрано. Что могу сказать — у всех у нас есть свои приоритеты.

Несмотря на очевидное отсутствие влияния в музыкальном бизнесе, Зазула провел подготовительную работу в том, чем была заинтересована Металлика. Говорите, что хотите об этом парне, но он увидел возможность и ухватился за нее. Вскоре после прибытия в Нью-Джерси, мы провели рекламный концерт в его магазине, расположенном на большом крытом блошином рынке, вблизи Восточного Браунсвика.

Не скажу, что идея выступления на блошином рынке позволила нам ощутить себя рок-звездами, оно казалось скорее регрессом после того, что мы испытали в Сан-Франциско. Однако мое мнение быстро изменилось, когда мы приехали в магазин. В очереди у него стояли сотни детей, покупая наши демозаписи и ожидая возможности встретиться с парнями из новейшей, тяжелейшей, самой жаркой хэви-метал группой в мире — Металлики.

Я до сегодняшнего дня не имею понятия, сколько денег прошло через его руки, и определенно никогда их не видел. На самом деле это все не имело значения. Я знаю лишь, что мы часами подписывали футболки, пленки, постеры, альбомы…все, что угодно. К тому времени как мы уехали, я понял, что произошел огромный сдвиг в парадигме.

Стоя на блошином рынке в окружении преданных фанатов я почувствовал себя рок-звездой. Все это было невероятно захватывающим и дезориентирующим и несколько тревожащим. Мы голодали целыми днями, и вдруг ни с того ни с сего люди бросали нам еду. Я помню, как смотрел на себя в зеркало, проснувшись однажды утром и заметив, что мой желудок неестественно распух. Разумеется, это могло быть следствием того, что я был пьян или находился под кайфом практически в каждый раз пробуждения. Вечеринка никогда не останавливалась. Бухло, кокаин, травка, метамфетамин — это было постоянно, и все это могло стать моим, стоило лишь попросить. Наряду с группи, качество и объем которых улучшались день ото дня. Мы делали выступление или концерт, просто показывались на какой-нибудь вечеринке и уже все хотели потусоваться с нами.

“Ты долбанный ублюдок!” — кричали они.

Я одобрительно кивал. Я был долбанным ублюдком. И горжусь этим. Первую неделю или около того мы провели в подвале в доме Джонни Зи. Некоторое время он терпел бесконечный разврат, возможно, потому что слишком много вложил в наш успех.

Таким образом, по меньшей мере, он мог за нами присматривать. Однако вскоре мы стали для него невыносимы. Пресловутой последней каплей стало откупоривание и

последующее распитие очень старой и очень особенной бутылки шампанского, хранившегося в кабинете четы Зазула с того самого дня, как они поженились. После этого случая Джонни Зи выгнал нас. Ну не в буквальном смысле, конечно. Вместо этого он сказал, что обе стороны могли бы жить счастливее, если бы перебрались в жилое пространство над нашим репетиционным залом в местечке под названием Мьюзик Билдинг в Ямайке, район Квинс. Я называю это “жилым пространством” потому что это была не квартира или что-то в этом роде. Это была просто большая пустая комната, без плиты, холодильника и душа. Только одна раковина и тостер. Пятеро нас — Марк Уитейкер был также с нами, и он обосновался рядом с морозилкой, в которой мы хранили пиво и упаковки болонской колбасы. Таков был наш рацион. Мы просыпались в середине дня, немного ели и пили, чтобы снять тяжесть похмелья, тусовались вместе, а затем возвращались ко сну. Через некоторое время после захода солнца мы просыпались вновь, как парочка чертовых вампиров и начинали играть. Мы репетировали несколько часов, затем пили, пока не отключались. На следующий день мы повторяли то же самое.

Бескомпромиссный шреддинг, Джеймс солирует позади меня. Фотография сделана Уильямом Хейлом

Намыльте, промойте, повторите.

Вот таким был ритм нашей жизни.

В течение этого периода мы подружились с ребятами из группы Anthrax. Мьюзик Билдинг был также их домом, хотя только в светлое время суток, когда они проводили репетиции. До сегодняшнего дня я поддерживаю дружеские отношения с некоторыми из тех парней, включая гитариста Скотта Йена. Anthrax были совершенно другой группой, чем сегодня — менее отшлифованной, менее изысканной, с довольно разнообразным

составом — тем не менее они были интересными, и я помню, как смотрел на их выступления пару раз и думал, что у них все хорошо сложится. Дух товарищества, известный в районе Залива, практически отсутствовал в Нью-Йорке, однако мы увидели некий проблеск надежды в Anthrax. Однажды я вошел в студию и начал говорить с Дэнни Лилкером, бас-гитаристом и основателем группы (вместе со Скоттом). До сих пор вижу выражение на его лице — смесь жалости и веселья, по мере того как мы говорили. Я могу лишь представить, как должно быть выглядел я…и вонял.

“Чувак, не хочешь заехать ко мне и принять душ?”

Ему не требовалось спрашивать меня дважды. По дороге мы заехали в пиццерию, и Дэнни купил мне пару кусочков. Может быть, это мелочь, но это был жест доброты, поразивший меня как нечто совершенно искреннее, и я никогда не забывал об этом.

Между тем, вернувшись в Мьюзик Билдинг, скрытое дерьмо продолжилось. Я совершенно не обращал внимания на генеральный план Металлика, если он вообще существовал. Разумеется, я не знал, что мое пребывание в группе подходит к концу, и что на самом деле планы о моем увольнении уже были в производстве. Это свидетельство моей наивности, или возможно вызванного алкоголем самоуспокоения, что даже когда случались странности, я не предпринимал никаких действий. Однажды мы ездили по округе, выпивая и куря травку, просто поддерживая продолжение вечеринки (или я так думал), когда мы вдруг остановились у дома одного парня, чтобы позаимствовать у него музыкальное оборудование. У этого чувака было несколько дерьмовых, низкокачественных усилителей Fender Bassmans, и я не мог понять, почему мы они нас интересуют. У меня уже была куча оборудования, довольно качественного.

“Что мы здесь делаем?” — спросил я Ларса.

Он только пожал плечами. “Оборудования не бывает много”.

Закончилось тем, что Джеймс и Ларс позаимствовали кучу всякого дерьма у этого парня. Впервые мы отыграли концерт в Нью-Йорке, внезапно мои усилители оказались у Джеймса, а паршивые усилители были на моей стороне сцены. Они предоставили какое-то лживое объяснение этому событию, и я проглотил его без боя. Но в своем сердце я знал, что что-то было не так. Маятник раскачивался взад и вперед, был лишь вопрос времени, когда он порежет мою кожу.

Я отыграл лишь два концерта с Металлика в Нью-Йорке, две ночи подряд. Первый состоялся 8 апреля 1983 года в Paramount Theater в Стейтен-Айленде. Второй — 9 апреля в клубе L'Amour в Бруклине. В обе ночи мы выступали с Vandenburg и the Rods. В моих воспоминаниях оба шоу прошли отлично. Стив Харрис из

Iron Maiden присутствовал среди зрителей, и после он рассказал мне, насколько ему понравилось, как я играю на гитаре; учитывая источник, это был нехилый комплимент.

После чего, по традиции, мы все пошли бухать. Это было нашим способом было грустно. Пили, чтобы побороть скуку. Пили за вдохновение и утешение. Мы пили. И помногу.

К тому моменту это стало уже шаблоном. Чем больше мы пили, тем больше расходились наши личности. Я уже говорил об этом выше, но Ларс и Джеймс становились странными, и говоря, что они странные я имею в виду глупые, по-детски. Чем больше они пили, тем глупее становились. Со мной была иная история. Чем больше я пил, тем больше искал выход для своего гнева и разочарования. Поэтому этой ночью не было ничего необычного. Я думал об этом много раз, пытался вспомнить какой-нибудь конкретный случай, который мог стать причиной того, что произошло, но до сих пор не могу ничего найти. Ночь завершилась как обычно, и пятеро нас вышли из двери Мьюзик Билдинг пьяными и сексуально удовлетворенными, слишком обессилившими, чтобы обращать внимание на цену, которую нам придется заплатить следующим утром.

Я нахожу интересным, что казнь была отложена более чем на 24 часа. Я не знаю почему, но по какой-то причине они ждали до понедельника, чтобы сообщить мне вести.

Мы тусовались все воскресенье, оправившись от похмелья, похлопывая друг друга по спине за то, что поставили Нью-Йорк на колени в течение двух ночей подряд. Затем мы немного порепетировали, выпили еще, и вырубились снова. Когда я проснулся утром в понедельник (11 апреля), они стояли у моей постели, все четверо с мрачными выражениями на лицах. Мои чемоданы находились за ними, упакованные и готовые к отправке. Джеймс и Клифф были по сути кроткими и спокойными, так что их роль была преимущественно поддерживающей. Ларс и Марк взяли на себя инициативу.

“Что происходит?” — спросил я.

“Ты больше не член нашей группы” — сказал Ларс без тени эмоций. “Забирай свои вещи, ты уезжаешь прямо сейчас”.

Я не знал, что сказать. Несмотря на все предыдущие предзнаменования, я был потрясен. Все, над чем я работал, все, что мы сделали вместе, рухнуло передо мной, и я не мог с этим ничего поделать. У меня было ощущение, будто я снова оказался в начальной школе, когда не владел ситуацией, и каждый день превращался в головокружительный кошмар.

“Ч-что? Без предупреждения?” — я запнулся. “И второго шанса?”

“Нет” — сказал Ларс. “Все кончено”.

Бороться казалось бессмысленно. Во всяком случае, я не желал отказываться от своего достоинства, оставшегося у меня, унижаясь за работу. Если они были настолько непреклонны в этом, а очевидно так и было, не было никакого смысла пытаться изменить их точку зрения.

“Хорошо” — сказал я. “Когда улетает мой самолет?”

После долгой паузы они обменялись взглядами. Ларс передал мне конверт.

“Вот твой билет на автобус” — сказал он. “Он отъезжает через час”.

В моей жизни бывали деньки и похуже, но этот остается одним из худших наряду с тем днем, когда умер моей отец. Фактически, это причинило мне еще большую боль.

“Хорошо” — сказал я. “Но не трогайте мои вещи”.

Я имел в виду не свои усилители или иное оборудование (потребовалось несколько недель, чтобы доставить все это через всю страну), а кое-что более ценное. Более личное. Мои песни. Они кивнули в знак согласия, и затем медленно пошли прочь. Джеймс был назначен водителем, возможно, потому что был моим самым близким другом в группе.

Мы погрузили мои вещи в кузов грузовика и отъехали от Квинс в тишине, направляясь к автобусному терминалу портового управления. Мы едва ли глядели друг другу в глаза, когда ехали через город. Джеймс пропагандировал образ крутого мужественного парня на протяжении многих лет, но я знаю его давно. Я знал, что происходило у него внутри. Когда он высадил меня на автовокзале, у него на глазах были слезы. Нам обоим было больно.

“Береги себя” — сказал он.

“Ага”.

Мы обнялись последний раз, затем я пошел прочь к терминалу. Я не оборачивался.

Сев в кресло в зале ожидания, я понял одну важную вещь: я был чертовски сломлен. Ни доллара не было переведено на мое имя. Я смотрел на четырехдневную автобусную поездку из Нью-Йорка в Калифорнии без еды, без воды, без ничего. У меня лишь была сумка грязного белья и гитара. Почему они не дали мне хотя бы пару баксов — деньги на выживание в поездке, я не знаю. Возможно, им это и в голову не пришло. Несмотря на это, я провел следующие четыре дня в бродяжническом аду, попрошайничая сдачу, принимая любую милостыню, предлагаемую своими попутчиками — пончик здесь, пачка чипсов там. Многие люди сжалились надо мной. Интересно, какими

хорошими могут быть люди, когда они даже не знают тебя, когда им не нужна никакая причина, чтобы помочь тебе или доверять, когда ты находишься в муках похмелья и страдаешь от ломки, потому что не можешь позволить себе купить алкоголь, и от тебя воняет потом и алкоголем. Но столкнувшись с теми людьми, что были там, это восстановило мою веру в человечность.

Не то чтобы в то время я был особенно обеспокоен тем, что смотрел на светлую сторону жизни…или в течение достаточно длительного времени после этих событий. В какой-то момент я сидел в задней части автобуса, мои живот ныл от голода, голова пульсировала. На полу я увидел брошюру. Я взял ее и начал читать, на самом деле просто чтобы скоротать время. Брошюра оказалась листовкой, автором которой был сенатор Калифорнии, Алан Крэнстон. Предметом обсуждения в основном являлась опасность распространения ядерного оружия. По какой-то причине одна строчка в тексте была выделена жирным шрифтом:

“От арсенала мегадэт (оружия массового поражения) нельзя избавиться, неважно какие мирные договоры заключены”.

Я позволил этой строчке несколько минут покрутиться в своей разламывающейся от боли голове — *“арсенал мегадэт… арсенал мегадэт”* , и затем, по какой-то причине, не могу объяснить, по какой именно, я начал писать. При помощи позаимствованного у соседей карандаша и обертки от кекса я написал первые строчки песни о своей пост-металликовской жизни. Песня называлась “Мегадэт” (я опустил вторую “а” в слове Megadeath), и хотя она так никогда и не появилась на альбоме, все-таки послужила основой для композиции “Set The World Afire”.

Тогда мне и в голову не приходило, что слово Мегадэт, или как употреблено сенатором Крэнстоном, *megadeath*, относилось к утрате одного миллиона человеческих жизней в результате ядерной катастрофы, могло стать совершенно замечательным названием для трэш-метал группы. Но опять-таки, я не заглядывал настолько далеко. Я всего лишь хотел попасть домой.

Глава 6: Создание совершенного монстра — Мегадэт

“Чувак, если ты хочешь стать великим музыкантом, ты должен попробовать героин. Ты увидишь. Это все равно, что возвращение в лоно матери”.

Это необычная фотография. Поспорив как-то с Дэвидом Эллефсоном, я стал вокалистом Мегадэт в канун Нового Года. Я понятия не имею, что здесь творится с моим ртом, но именно так начиналось мое рычание. Фотография сделана Гаральдом Ойменом

Вернувшись в Калифорнию, я был совершенно разбит. Я потерял своих лучших друзей, свою группу, свою жизнь. В сущности, я потерял свою личность, ставшую абсолютно неотделимой от Металлика. Я был лицом группы, а теперь у меня не было группы. У меня не было ничего.

За неимением никого, к кому можно было податься, я приполз к своей матери, которая к тому времени находилась в

плохом здравии (она умрет от застойной сердечной недостаточности семь лет спустя). Унижение, которое я чувствовал, возвращаясь в этот дом, в ту же комнату, где мы с Джеймсом недолгое время жили вместе, было почти невыносимым. Каждое утро служило суровым напоминаем о произошедшем.

Некоторое время, должен отметить, у меня была лишь жалость к себе и депрессия.

Мама кормила меня, предоставляла место для сна, а по вечерам меня утешали старые друзья и знакомые. Однако это также было некомфортно, поскольку в мой круг общения когда-то входили и парни из Металлика. А теперь их не было, и я вернулся, и все это казалось трудным для объяснения. Как-то ночью я тусовался со своей подругой Хейди, просто заливая свою печаль алкоголем, когда разговор зашел о Металлика.

“Хорошо, что я ушел” — сказал я. “Эти парни начинали действовать мне на нервы”.

Хейди знала меня многие годы. Засрать ей мозги не было невозможно. Она покачала головой и засмеялась.

“Да ладно, Дейв. Ты ведь прекрасно знаешь, что ты не уходил. Они выгнали тебя”.

Я был ошеломлен.

“Кто тебе сказал об этом?”

“Ларс” — сказала Хейди. “Он звонил мне на прошлой неделе”.

Даже тогда Ларс был таким проворным экспертом по связям с общественностью, что когда дело касалось его репутации или репутации его группы, он не оставлял ничего на волю случая. Именно поэтому он дотошно обзвонил наших общих знакомых, чтобы убедиться в том, что они знают его версию этих событий. Логично, я думаю, поскольку я был в равной степени виновен в том, что пытался изменить эту историю в свою пользу.

Несмотря на это, осознание того, что Ларс критикует меня издалека, пока Металлика продвигается по карьерной лестнице, послужило мощным стимулирующим фактором. В тот момент, сидя напротив Хейди, уличенным во лжи и видя жалость в ее глазах, мне было стыдно. Кроме того, я был объят праведным гневом.

“Хорошо, ты права” — сказал я. “Это они выгнали меня. Но, по правде говоря, я и сам собирался уходить. Я хочу создать свою собственную группу”.

Это было наполовину правдой. Я не знаю, покинул бы я Металлика сам или нет, но я верю в то, что мы были обречены на то, чтобы разорвать отношения. И озвучивая свою новую мечту об

основании собственной группы, по меньшей мере, я чем-то занимался.

Пару месяцев спустя эта мечта стала навязчивой идеей, чему в немалой степени способствовал нескончаемый поток подобострастной прессы, освещающей появление нового типа хэви-метал, типичными представителями звука которого стала гаражная группа из Нью-Йорка, переехавшая в Калифорнию: Металлика.

Представьте, как я был шокирован, когда дебютный альбом Металлика 'Kill 'Em All' был выпущен летом 1983 года и четыре моих песни были в него включены: 'The Four Horsemen' (бывшая 'Mechanix'), ‘Jump In The Fire’, ‘Phantom Lord’ и ‘Metal Militia’. Те же четыре песни, что были на демозаписи 'No Life 'Til Leather'. Авторство к песням было также изменено, чтобы отразить изменения в композициях в течение процесса записи, и о чем я могу лишь догадываться — чтобы свести к минимуму мой вклад. Каждая из вышеупомянутых песен в первую очередь была моей, и все же Джеймс и Ларс (или оба) делили между собой авторство на всех четырех песнях. На каждой из них мое имя было указано последним, так, что например, авторство к 'Jump In The Fire' выглядит следующим образом: Хэтфилд/Ульрих/Мастейн.

Я прослушал все эти композиции со смесью удивления и возмущения. Я не мог поверить, что они используют мои песни после того, как выкинули меня из группы. Они никогда не связывались со мной, чтобы получить разрешение на их использование. Они просто сделали это. Предполагать, что изменения, сделанные в этих песнях, каким-то образом отражают атмосферу коллегиальности или более сбалансированное разделение труда одинаково ошибочно. На следующий день, после того, как я был уволен из Металлика, Кирк Хэмметт приехал в Нью-Йорк, заняв мое место в Мьюзик Билдинг, приняв участие в прослушивании на мое место в группе, и имитируя блистательные соло-партии гитары, созданные мною, соло, которые сегодня представляют фундамент трэш-метал.

Они думали, что я не замечу?

Они думали, что со мной можно так грубо обращаться?

Возможно и нет. Скорее всего, они поняли, что я не буду ни на что претендовать и таким образом не представляю для них никакой проблемы.

Однако, они чертовски ошибались.

Создание совершенного монстра — в данном случае идеальной группы, занимает много времени. Я не хотел торопиться и набирать первых попавшихся людей, не обращая внимание на их личности или обязательства. Учитывая то, что я

знал о музыкальном бизнесе и то, что я позже узнал, не думаю, что существует возможность избежать конфликтов и столкновений в структуре группы. В перспективе, неизбежно возникнут проблемы, как это случается в любой семье. По крайней мере, я хотел найти группу музыкантов, которые были бы талантливыми и амбициозными. Я жаждал крови. Я хотел надрать задницу Металлике, и я бы просто не смог этого сделать с новичками. Миссия была слишком серьезна для дилетантов.

На первом концерте Мегадэт в 1983 году в клубе Ruthie's Inn в Беркли, штат Калифорния. На мне был пояс с патронами и фальшивые ручные гранаты. Я хотел заявить о себе.

Фотография сделана Гаральдом Ойменом

Чтобы увеличить степень собственной самооценки и независимости, я нырнул обратно в будничный мир, место, в котором не бывал в течение очень долгого времени. Вместо того, чтобы вернуться к выматывающей душу (и откровенно опасной) жизни наркоторговца, я пошел работать телемаркетером: продавцом телефонов. Это стало моей последней “настоящей” работой, и это в зеркале заднего вида было более четверти века назад. Это была ужасная работа, примерно такая же скучная и унылая, как вы себе представляете, и она была терпимой лишь благодаря “ярким” людям, с которыми я работал. Моим начальником была женщина по имени Марджори. Марджори, дай Бог ей здоровья, инстиктивно понимала, что люди под ее началом работали там лишь потому, что у них не было других вариантов. Ни один из нас не стремился к величию телемаркетинга. Нам просто была нужна зарплата. Марджори была требовательным, но справедливым начальником. Она практически все время ходила по офису в весьма возмущенном состоянии, но у вас создавалось ощущение, что на самом деле она была порядочным человеком. Она была просто…придирчивой. И в то же время забавной в своем боевом феминистском стиле (похожем на Джанин

Гарофало).

Часть проведенного времени я приходил на работу под кайфом или накуривался во время перекура. Марджори знала об этом, даже отчасти ожидала этого, но так или иначе ей было все равно. Я хочу сказать, каким здравомыслящим вам нужно быть, когда вы звоните кому-нибудь по телефону или просите кого-нибудь перезвонить вам?

Марджори была очарована запахом травки, пронизывавшим ее офис, и в один из моих последних сдвигов она даже отвела меня в сторонку и сказала: “Чувак, не можешь достать мне немного травки?” Разумеется, я мог. И сделал. Мы оба накурились вместе, и после этого ушел с работы, чтобы вновь стать гитаристом. На полный рабочий день.

И хотя я был далек от мастера телемаркетинга, я заработал достаточно денег, чтобы встать на ноги и получить собственную квартиру, на Вернон — авеню в Голливуде. Первых двух парней в моей группе, которая короткое время называлась Fallen Angels, звали Робби МакКинни и Мэтт Кисселштайн. Робби, который помог мне получить работу телемаркетера, играл на гитаре. Мэтт, еще один телемаркетер, играл на басу. Они оба были прикольными парнями не без таланта, но я мог сказать, что их пребывание в группе будет недолгим. Нам не хватало взаимных чувств, энергии, искры — как ни назовите, все то, что дает группе жизнь в зачаточном состоянии. Но все в порядке. Именно благодаря моей дружбе с Робби я встретил молодую женщину по имени Диана Арагон, которую полюбил и с которой поддерживал отношения более семи лет. В то время моей целью было создать группу любой ценой, а затем обновить составляющие части по мере необходимости, пока не получу самую минималистичную, боевую машину, которую возможно. На это ушло немало времени, хотя я склонен думать, что в конце концов у меня получилось задуманное. И эта группа, как первое воплощение Мегадэт, было необходимым шагом на этом пути.

Я проснулся однажды утром, как обычно в состоянии похмелья, от ритмичного гула бас-гитары. Не от записанного звука баса, исходящего из стерео или бумбокса, а от настоящего баса, исходящего из квартиры, расположенной этажом ниже, подо мной.

Если ты музыкант, да по правде, даже если не музыкант, ты заметишь разницу; ты почувствуешь это до костей, особенно если ты пришел домой поздно ночью, и твоя голова раскалывается и все, что тебе нужно, это хорошенько отоспаться.

Бум…Бум…Бум…Бум…

Я встал с постели, ударил в пол ногой и крикнул: “Заткнись!”

Бум…Бум…Бум…Бум…

Звук продолжался снова и снова, это была одна из самых простейших и самых известных басовых партий в истории рок-музыки: вступление к песни Van Halen ‘Runnin’ With The Devil’.

Бум…Бум…Бум…Бум…

Я снова ударил по полу. Никакой реакции. Я ворвался на кухню и распахнул окно.

“Эй! Заткнись, черт возьми!”

Бум…Бум…Бум…Бум…

Вы дождались. Я схватил растение в горшке с подоконника и запустил его вниз. Горшок разбился при падении на кондиционер воздуха из ненавистной квартиры. Это помогло. Музыка, какой она была, прекратилась. Я побрел обратно в спальню, сорвал покрывало и приготовился поспать еще несколько часов, когда мой сон прервал стук в дверь. *О, чувак…эти парни напрашиваются на неприятности.* Я вернулся в гостиную и распахнул входную дверь. Там, передо мной стояли двое наименее впечатляющих подростков, каких вы когда — либо встречали. Оба они носили джинсы-клеш и тканевые кроссовки с дешевыми кожаными куртками, выглядевшими как те, что можно было купить на QVC за 29.95 долларов — вы знаете, с поясом посередине, так чтобы можно было положить снасти или нашивку Траут Анлимитед.

Младший из двух носил длинные каштановые волосы. Другой, кажется, преждевременно лысел, с пучком волос на макушке, и выступающим кадыком, что мне напомнило о Бики Баззарде, стервятнике с грустным лицом, персонажем мультфильма Луни Тьюнс.

Не успел я заорать на них, как парень с длинными волосами улыбнулся мне.

“Эй, чувак. Не знаешь, где можно достать сигарет?”

Я захлопнул дверь, едва выдавив из себя слова: “Там магазин есть на углу”, перед тем, как закрыть дверь у них перед носом.

Не прошло и двух минут, как вновь раздался стук в дверь. Теперь я действительно был зол. Я побрел в гостиную и снова открыл дверь, на этот раз абсолютно готовый ударить одного из них по лицу.

“Эй” — сказал младший, все еще улыбаясь. “Эээээ….Ты достаточно взрослый, чтобы купить пиво?”

Они были одновременно милыми и раздражающими. И что за черт? В тот момент небольшое похмелье больше не казалось важным.

“Хорошо” — сказал я улыбаясь. “Теперь твой черед”.

Мы спустились на угол и взяли ящик Хайнекена, и через пару

часов между нами начала развиваться дружба, которая позже станет сотрудничеством. Парня с длинными волосами звали Дэвид Эллефсон, он был сыном фермера из г. Джексон, штат Миннесота.

Дэвид приехал в Лос-Анджелес якобы чтобы изучать музыку в местечке под названием «Музыкальный Институт», расположенном всего в одном квартале от моего дома.

Музыкальный Институт должно быть почитался в некоторых кругах, но для меня он был достоин презрения — это было то место, куда ты ходил, чтобы научиться играть кавер-версии Toto на свадебных торжествах и выпускных вечерах. Тем не менее, для Дэвида это была практически Джуллиардская школа музыки. Или по крайней мере так он сказал своим родителям. Пока его брат Элиот находился дома в Миннесоте, чтобы помочь управлять семейной фермой, Дэвид переехал в Калифорнию, чтобы осуществить свою мечту стать музыкантом. Они дали ему свое благословение вместе с кредитной карточкой и отпустили на все четыре стороны. Для них это было нелегко, но я предполагаю, что они был уверены в том, что, по меньшей мере, их сын поступил на уважаемый академический курс в прекрасном высшем учебном заведении.

За исключением того, что он этого не сделал. Дэвид никогда не проходил курс обучения в Музыкальном Институте. Вместо этого, проехав на семейном фургончике весь путь до Голливуда, он и один из его немногих школьных приятелей (а точнее, Грег Хандевидт, парень со здоровенным кадыком) занимались в одиночку тем, как попытаться заявить о себе в музыкальном бизнесе. В то время, когда я их встретил, им едва было восемнадцать лет, и они были весьма необразованны. Тем не менее, чертовски симпатичны.

Мы просидели в первый же день несколько часов, выпив много Хайнекена, разговаривая о музыке, делясь своими музыкальными симпатиями и антипатиями. Дэвид и Грег играли в группе под названием Killers у себя в Миннесоте (по какой-то причине, я думаю, там была небольшая, но процветающая метал-сцена на Верхнем Среднем Западе), на которую повиляли, разумеется, Iron Maiden, поэтому я знал некоторые вещи, которые они играли. Я скопировал несколько мелодий, показал им, что могу. Могу сказать с уверенностью — они были впечатлены. Я был немного старше и несмотря на свои недавние неудачи, более опытнее в музыкальном бизнесе. Может быть, будет преувеличением сказать, что я был для этих парней как старший брат, но я определенно стал лидером нашего странного маленького плавильного котла группы: Мастейн и парни из

Миннесоты.

Немного позже я спросил Дэвида и Грега, не хотят ли они присоединиться к моей новой группе. Она оба с радостью приняли мое приглашение. Дэвид и я были хорошими друзьями с самого начала, и тот факт, что он был действительно хорошим бас-гитаристом, сделал переход даже легче. Грег было немного более проблематичным парнем. Он был приятным парнем, и неплохим гитаристом, но при этом таким неуклюжим и необычным на вид персонажем. Не в плохом смысле — он был просто парнем, отчаянно нуждавшимся в рок-н-ролльном прикиде. Полдела было отращиванием волос. Возможно это звучит не так серьезно, но для меня это так и было. У меня был отчетливый образ, которому должна была соответствовать моя группа — и которому любая хэви-метал группа должна соответствовать, и в этот образ не входили лысые головы и кожаная одежда. Да, я знаю, поклонники Judas Priest выразят свое негодование, но факт остается фактом — то, что подразумевают скинхеды и кожа, меня совершенно не привлекало. Каждому свое, понимаете? Я хотел видеть более традиционный внешний вид, который бы соответствовал нашему решительно нешаблонному крутому звуку. Мы собирались стать самой быстрой, самой громкой, самой опасной группой в истории музыки, а потому должны были выглядеть достойно.

Грег не выглядел подобающе. Грег завел дружбу с парнем из телемаркетинговой фирмы и канул в небытие. Так что Грег отпадал. Он оставался частью круга моих друзей какое-то время, пока в конечном счете не вернулся в Миннесоту и не присоединился к другой группе.

Один из первых концертных снимков меня и моего лучшего друга на протяжении почти двух десятилетий, Дейва “Джуниора” Эллефсона.

Фотография сделана Гаральдом Ойменом

Гораздо позже, после отказа от своей мечты, как практически каждый в конце концов поступает, он стал владельцем похоронного бюро. По крайней мере, я так слышал.

Так что нас осталось двое — я и Джуниор. "Джуниор" — так я прозвал Дэвида Эллефсона. Вскоре после приглашения его в группу, я решил, что в группе не должно быть двое парней по имени Дейв. Слишком запутанно.

“Какое у тебя среднее имя?” — спросил я.

“Уоррен”.

“О, чувак. Это не сработает. Как насчет того, что мы укоротим его? Можно называть тебя 'War'. Знаешь, обыграй свои скандинавские корни. Все это викинговское дерьмо”.

Мне казалось, что это звучит довольно круто. Дэвид не согласился.

“Ладно. Но я не буду называть тебя Дейв. Отныне ты Джуниор”.

Именно так я и называл его большую часть времени в течение двадцати лет. В самом начале я был настроен скептически по отношению к своим вокальным способностям, поэтому мы приняли в группу вокалиста по имени Лоуренс 'Лор' Кейн. Лор недолго продержался в группе, но следует отдать ему должное: именно Лор предложил название Мегадэт в качестве названия группы. Это произошло, когда мы как-то ночью ехали по округе, рассуждая о том, чтобы подобрать группе отличное название. Лор знал, что я уже написал песню под названием ‘Мегадэт’, и считал, что название так же хорошо подойдет и в качестве названия для группы. И он оказался прав. Так что, спасибо за это, Лор. Мы также держали дверь открытой для барабанщиков. Первым был Дижон Кэррутерс, чей отец Бен Кэррутерс работал наемным актером. Его роли включали, прежде всего, «Грязную Дюжину». Дижон был высоким и долговязым, с гладкой кожей и очень расслабленной манерой поведения. Трудно сказать о нем больше, не считая очевидного факта, что он был фантастическим ударником, поскольку был таким странным и загадочным парнем. Дижон описал себя как человека испанского происхождения, но по правде говоря на испанца он не был похож. Время от времени он писал тексты, которые были довольно закрученными по сюжету и весьма садистскими, совсем не то, что можно ожидать от парня, чьим любимым музыкантом является итальянский скрипач Паганини. Однажды, на репетиции, он появился в шляпе паломника и парике; никаких объяснений этому не последовало. Опять-таки их и не ожидалось.

Во всяком случае, однажды вечером за обедом у Дижона, в

дом вошел парень с басом, висящим на плече. Он просто открыл входную дверь, прошел по дому так, словно он принадлежал ему, ограничился лишь кивком головы и небрежным: “Привет, чувак”. Я посмотрел на Дижона. Казалось, он чувствует себя не совсем удобно.

“Кто это, черт возьми?” — спросил я.

“А…это мой брат”.

Это стало своего рода сюрпризом, учитывая, что чувак, который только что прошел по дому был чернокожим, а Дижон якобы имел испанские корни. В этом было сердце тайны Дижона Кэррутерса. Его братом был Кейн Кэррутерс, бас-гитарист группы известной как Untouchables. Дижон, как оказалось, был смешанных корней.

Это открытие оказалось серьезным препятствием в моих отношениях с Дижоном. Я не знаю, стеснялся ли он своей родословной или питал некоторые подозрения, что я расист. Несмотря на это, урон уже был нанесен. Я мог закрыть глаза на то, является Дижон белым или черным, но меня действительно заботило то, что он лгал о чем-то принципиально важном. Это касалось того, как он представился, и если он не мог доверить мне или Джуниору эту информацию, тогда как мы вообще ему могли доверять?

Следующим в группе появился барабанщик по имени Ли Рауш, еще один странный человек, который довольно неплохо играл, но имел некоторые серьезные личностные заскоки. Псевдоним у Ли был «Тугодум», поэтому вероятно вы можете себе представить, как он выглядел, он часто говорил о своем увлечении Сатанизмом. Теперь, из-за своего окружения и лет, проведенных в занятиях колдовством и черной магией, я знал, что означают подобные вещи. И это полностью изменило то, как он выглядел в моих глазах.

Я знал, что мы никогда не сможем играть вместе продолжительный период времени. Даже хотя не будучи христианином, я точно знал, что не хочу быть сатанистом, или даже случайно возвращаться к этому вопросу.

Тем не менее, я не был слишком агрессивен в своей позиции; таким же образом, прошло и недолгое пребывание Керри Кинга. Керри, разумеется, был одним из основателей Slayer, трэш-меал группы, которая как и Мегадэт, достигла совершеннолетия в начале 1980-х годов в Лос-Анджелесе. Хотя к тому времени, они уже собрали достаточную андерграундную аудиторию, когда я пытался собрать группу, Slayer еще не получили поддержки со стороны мейджор-лейбла. Я понял, что Керри, талантливый гитарист, может быть открыт для возможности присоединения к

нам, по крайней мере на короткий срок, в то время, как мы пытались найти второго гитариста. Slayer часто ошибочно называли сатанинской группой, а на Керри часто (и опять-таки несправедливо) вешали ярлык сатаниста. В те дни он гораздо чаще именовал себя атеистом, хотя наши расхождения во мнениях по вопросам религии и музыки вызвали вражду (за неимением лучшего термина), которая стала остывать лишь недавно.

Однако в те дни у меня не было проблем с Керри. Он очень молодой, опрятный и амбициозный гитарист, сын шерифа, который не употреблял спиртное и не принимал наркотики. Тем не менее, он играл в группе под названием Slayer. Вот тебе на. Пока он был в Slayer и я собирал по частям Мегадэт, мы с Керри немного тусовались вместе, и по правде говоря стали довольно близкими друзьями. Я делился с ним некоторыми музыкальными трюками на гитаре, включая печально известное трезвучие Дьявола, сложный музыкальный интервал, охватывающий три тона. Дьявольское трезвучие требует некоторой сноровки, но оно здорово прежде всего из-за истории, которая к за ним стоит. Некоторое время в Средние Века дьявольское трезвучие запрещалось католической церковью, и предположительно, музыканты, которые нарушали этот указ, сурово наказывались, а иногда даже обезглавливались. Есть ли правда в этих сказках, не берусь утверждать, однако их существования было достаточно для вдохновения легионов хэви-метал гитаристов для включения трезвучия в свои композиции. Керри никогда не слышал об этом; но как только я познакомил его с дьявольским трезвучием, он стал большим поклонником этой вещи, и практически в каждую песню Slayer он теперь включает эту последовательность аккордов.

Фактически Керри присоединился к Мегадэт на несколько концертов в Сан-Франциско весной 1984 года. Мы все еще искали нового гитариста, но не хотели упускать возможность сыграть живьем, поэтому я попросил Керри принять в этом участие вместе с нами. Какая-то часть меня надеялась, что он согласится покинуть Slayer, чтобы присоединиться к Мегадэт на постоянной основе. Но этого не случилось. По правде говоря, до этого было далеко.

Я, Крис Поленд и Дэвид. Очевидно, я солирую.
Фотография сделана Гаральдом О.

Мы приготовились к этим концертам в репетиционной студии в Лос-Анджелесе при помощи парня по имени Кудрявый Джо. Это место было центральной вечеринкой. Мы поехали туда как-то ночью после репетиции, и студия была битком набита людьми, которые находились не в себе от наркотиков. Помните, это было в начале 1980-х годов, когда кокаин не только пользовался общественным признанием, но и был чрезвычайно сильным дерьмом. К этому времени я стал внушительным завсегдатаем, так что на этих вечеринках было не такого много того, что я считал шокирующим. Но сцена в студии были действительно тревожной. Мы вошли внутрь и веселье носило непристойный и пугающий характер — нечто вроде того, что происходило в фильме «Меньше, чем ноль» (не случайно снятом в 80-х), где ты открываешь дверь и какой-то парень с маской свиньи застрял лицом между ног другого чувака.

“Блин!”

Мы быстро оттуда удрали, сбегая вниз по лестнице, потому что не хотели ждать лифт. Внизу лестницы, находилась гигантская свастика, сделанная баллончиком вместе со словами: *«Кудрявый Джо — еврейский хиппи»*.

Пьяные и озадаченные спасением своих жизней (по крайней мере мы так думали), мы врезались друг в друга на пути к двери, в результате чего Ли Рауш споткнулся и сломал ногу. Наше первое выступление в Сан-Франциско было только через неделю, и Ли естественно хотел его отменить, но я отговорил его от этого.

“Когда наступит время выступать, мы отрежем часть гипса” — предложил я.

“Тогда тебе следует убрать гипс на следующий же день”.

Шоу должно продолжаться, не так ли? Но когда Ли убрал

гипс, его нога была черной, просто затраханной до неузнаваемости.

“О, чувак, это ужасно” — сказал я. “Уверен, что сможешь играть?”

Ли кивнул, вышел на сцену и сделал похвальную работу. Даже больше. Я имею в виду разговор об игре на ударных, превозмогая боль. Однако, случившееся сделало свое дело. Или возможно это произошло по какой-то другой причине. Несмотря на это, когда мы вернулись в Лос-Анджелес, Ли объявил, что уходит из группы, чтобы найти себя, найти более глубокий смысл в жизни. Последний раз я видел Ли, когда он садился в свой грузовик, распевая вслух, и вел себя как самый счастливый парень в мире. Я больше никогда не говорил с ним.

Так что опять-таки Мегадэт требовался барабанщик. Мы нашли его в лице Гара Сэмьюэлсона. Дэвид Эллефсон и я в то время работали вместе в местечке под названием Марс Студио, и именно там мы “провели собеседование” с Гаром. Если можно это так назвать. Гар был невероятно милым парнем с большими, сонными глазами и пухлыми губами, он напомнил мне актера Дона Ноттса, особенно карикатуру на Дона Ноттса (например, в Невероятном Мистере Лимпете). Разумеется, были и отличия — у Гара были длинные волосы и медленная, почти гортанная манера говорить. Вскоре я узнал, что он был героинистом, и этот факт, больше чем любой другой, украшал его существование изо дня в день. Но несмотря на все свои проблемы, Гар был действительно приятным человек, обладавшим даром освящать лица людей.

В день своего прослушивания и собеседования, Гар приехал в Марс Студио, накурившись под завязку. Для того, чтобы быть способным прийти на встречу, Гару требовалось заранее выйти и достать героина. Однако, время это все в жизни наркомана (как я позже выяснил). Предположительно Гар планировал закинуться ранее в этот день и таким образом достичь состояния относительной ясности к тому времени, когда ему требовалось встретиться со своими потенциальными коллегами по группе (и работодателями). Но поскольку он не закинулся сразу же, и возможно принял больше нормы, этот процесс превратился в несколько иной. Гар быстро перешел от “Аахххх” до “Упс” и “Вот черт…я засыпаю”.

Когда я вошел в комнату, чтобы встретиться с Гаром, он сидел на стуле с опущенной головой, его глаза подергивались, сигарета висела между пальцев. Сигарета почти догорела до фильтра; я видел, что она почти сожгла ему кожу. Гар даже не замечал этого.

“Ого, будет весело” — сказал я Эллефсону. “Этот парень

похож на садиста или что-то вроде того. Что дальше — электрическая палка для погона скота?"

Я немного прошелся по комнате, посмотрел на Гара, попытался оценить его, представить в рядах Мегадэт. Первое, что я заметил (само собой, после сигареты) была обувь. Капецио! Парень носил долбанные Капецио! У меня было воспоминание о моих днях в Металлика, когда мы играли на роликовой площадке с группой под названием Ratt, и один из временных парней этой группы носил Капецио. Что-то в этом просто поразило меня как нечто несуразное. Если ты гитарист и одеваешься как телка, ты не металлист, ты металлический трансвестит. Ты не подходишь Металлика, не подходишь Мегадэт. Если хочешь стать металлистом, тебе следует придерживаться определенного образа жизни и этот образ жизни не включает сидение перед зеркалом и нанесение подводки для глаз и губной помады — и Капецио! Это все равно, что тебе нужно носить подводку для глаз, чтобы стать рыбаком. Этого просто не бывает. Во всяком случае, так быть не должно.

Какое бы беспокойство я ни испытывал по поводу Гара, оно растаяло после того, как он проснулся и начал играть. В течение нескольких секунд я понял, что это тот самый парень, который заменит Ли Рауша. Гар создал эти удивительные джазовые барабанные фрагменты, которые сразу и инстинктивно улучшили мою гитарную игру. Технически он был чудом, использующим обе руки для создания техники кроссовера, которая была одновременно роскошной и эффективной. Стиль Гара, созданный вследствие долгих лет обучения джазу, стал большой частью первых пары записей Мегадэт. Некоторое время, в первые дни, когда меня просили описать стиль исполняемой нами музыки, я отвечал: "Мы джазовая панк-группа с некоторыми классическими влияниями". Я говорил это для того, чтобы вести людей в заблуждение, хотя на самом деле это было близко к правде.

Гар попал в поле зрения Мегадэт через Джея Джоунса, торговца кокаином, который был нашим менеджером. Джей был чрезвычайно странной личностью с черепом, явно несоразмерным с его телом (похожим на Фреда Флинстоуна) и голосом как у Ратсо Риццо. Все эти неправильные гласные и носовые протяжные звуки. Казалось, что каждое предложение начинается с *"Привет, чуууууувак"* .

Я не хочу сказать, Джей был некомпетентен или что мы были не в состоянии проявить усилия, прежде чем повернуть нашу карьеру в его сторону. Мы провели некоторые эксперименты. Не слишком долгие. Нельзя сказать, Джей был совсем без авторитета. Он занимался несколькими авторитетными панк-

группами, включая Circle Jerks, а также некоторыми музыкантами, находившимися на передовой музыки позже известной как хип-хоп. У Джея были некоторые интересные идеи; он был больше, чем просто наркоторговцем и наркоманом. Однако он был и тем и другим.

Мы часто были вместе, путешествуя из студии туда, где Джей добывал героин. Он доставал дешевый мексиканский героин, смешанный с кремом для обуви или чем-то подобным. У него был розоватый оттенок, поэтому когда вы его нюхали, а затем запускали руку в нос, у вас на руке оставался дерьмовый след цвета соплей. Руки Джея были постоянно покрыты этими следами, казалось, ему было все равно или он не замечал этого. Почему, спросите вы, мы позволили признанному наркодилеру и наркоману быть нашим менеджером? Ответ прост: у него имелись свои убедительные аргументы в продажах. У него был свой условный язык.

Кроме того, у него был легкий доступ к кокаину и героину, что означало, что и у Мегадэт был легкий доступ к кокаину и героину, и именно этот факт стал иметь большое значение по мере развития группы.

Джей, кстати сейчас мертв, и то, как он покинул этот мир, было так же странно, как и то, как он жил. Его отец служил в армии и был вовлечен в некий случай со взрывом, оставившим его инвалидом. Джей и его брат никогда не покидали пределов дома, и кроме того они делили спальню в среднем возрасте. С двухъярусными кроватями, не меньше. У них были две большие, неряшливые, кишащие вшами собаки, жившие в одной комнате с ними. А в углу стояла бадья с кормом. Так что можете представить себе, как воняла эта комната, когда мы с Джуниором почтили его визитом. Мы зашли, чтобы забрать Джея и он находился в своей комнате, он сказал нам подождать секунду, и нам пришлось ждать у дома, который был похож на конуру или даже еще хуже, в его спальне, которая пахла, как черный ход в ветеринарную клинику; вас бы стошнило уже на входе в эту дверь.

Несколько лет спустя, спустя много времени как пути его и Мегадэт разошлись, Джей был зарезан насмерть ножом для масла во время, по слухам, борьбы за бутерброд с болонской колбасой. Само собой, это не смешно. Однако, если бы вы знали Джея, это было бы не слишком удивительно.

Тем не менее, благодаря Джею у Мегадэт был барабанщик. В течение пары месяцев после того, как он подписал контракт, мы немного узнали о Гаре Сэмьюэлсоне — кое-что хорошее, кое-что не очень. С положительной стороны он был, как говорят в

рекламе, абсолютным виртуозом на ударных. С отрицательной — его пристрастие к наркотикам было еще более выраженным, чем я подозревал. Гар и Джей создали мощный ебаный тандем, и оба они настолько глубоко укоренились в группе, что было лишь вопросом времени, когда кокаин и героин превзойдут алкоголь в качестве предпочитаемых веществ в Мегадэт.

Помню, как однажды был у Гара дома, тусовался с ним, когда разговор коснулся употребления рекреационных наркотиков и философской дискуссии по поводу достоинств определенных веществ. Говоря об отношениях, я был далек от девственника.

Лучше всего меня можно характеризовать как функционального алкоголика, который также любил покурить травку, периодически нюхнуть дорожку коки, и поэкспериментировать с другими наркотиками. Не так уж много тех, что я не попробовал.

Но героин?

Никогда.

“Я не понимаю, почему вы парни, любите употреблять это дерьмо” — сказал я.

Гар засмеялся. “Ты имеешь в виду пробовать на вкус?”

“Ага”.

“А что в этом такого?”

Он кивнул и понимающе улыбнулся. “Чувак, если хочешь быть великим музыкантом, тебе стоит попробовать героин. Увидишь. Это похоже на возвращение в лоно матери”.

Возвращение в лоно матери…

Это звучало довольно клево. И, черт побери…я хотел стать великим. Следующее, что я помню это как склонился над столом, вдохнув носом дорожку героина в свою ноздрю. Небольшое количество, так что не было большой спешки, просто ощущение тепла, сопровождающееся короткой дремой.

Когда я проснулся, Гар и его брат склонившись над кухонной плитой, с мутными глазами и молчаливым видом, курили крэк. Помню, как увидел их и думал, ничего себе, это действительно глупо.

“Не стучи по дереву, пока не попробуешь” — сказал Гар, хихикая как ребенок.

Говоря начистоту, я однажды раньше курил коку, когда играл в Panic. Как-то вечером, когда мы должны были играть концерт, и я не очень хорошо себя чувствовал. Один из парней в нашем маленьком окружении (не член группы, следует отметить), любил употреблять очищенный кокаин, и он предложил мне попробовать. Одна доза и моя головная боль прошла. Но это был очищенный кокаин, а не крэк; я не видел особой разницы, пока не

присоединился к Гару и его брату у плиты. Я принял одну дозу и тут же почувствовал, словно весь мир ушел у меня из-под ног. Комната яростно закружилась, и вдруг я обнаружил себя неловко покачивающимся у ванной. Я распахнул дверь, упал на колени, и меня вырвало в туалете. Я провел там на полу пару минут, меня рвало, с меня шел пот, я пытался восстановить свое равновесие.

Никогда больше. Клянусь Богом…никогда.

А потом все прошло. Тошнота и головокружение исчезли, уступив место самой удивительной эйфории, которую я когда-либо испытывал, и в этот самый момент…до меня дошло. Я понял, почему именно Гар и его брат держали лица над плитой. Я понял сущность героина и почему его можно перепутать с крэком. Все это теперь обрело для меня смысл. Эти парни были джазовыми, и жили в джазовом мире…ну, всякое случается.

Не каждый джазовый музыкант является наркоманом, очевидно, но по моему опыту в музыкальной вселенной нет угла, где злостное употребление наркотиков часто встречается и принимается. Сюда входит и хэви-метал. Как я уже сказал, в металле мы предпочитали пить; в джазе героин был повсюду. И теперь я был ознакомлен с этим.

Не помню, чтобы у меня было какое-либо сожаление по поводу этого перехода, по крайней мере, не в самом начале. Совсем наоборот. Это был в некотором роде просто еще одна выемка на кобуре. Рок-звезды принимали наркотики, и я был рок-звездой. Теперь я курил крэк и нюхал героин, в тот же день, не меньше, что по моей оценке приблизило меня на шаг к тому, чтобы быть Джимми Хендриксом или Китом Ричардсом. Забудьте на мгновение, что Хендрикс был мертв и Кит выглядел хуже, чем мертвый. Дело в том, что быть наркоманом это не только моча и блевотина. Иногда это на самом деле весело, в очень закрученном, подобном треинспоттингу виде. Пока это не выходит из-под контроля, что неизбежно случается, и тогда оно отнимает твое долбанное сердце и душу, и все остальное, что у тебя есть, чтобы отдать.

Поначалу переход был медленным, главным образом потому что Гар и Джей (как и все остальные) были постоянно под кайфом и поэтому никогда не оставалось много героина или крэка, не было возможности действительно накуриться до потери пульса. Не было ничего необычного в том, чтобы приехать на репетицию и увидеть как Гар печально передвигается по комнате с руками, засунутыми в карманы. Затем ты понимаешь, что пропали его тарелки. Или его барабанные палочки. Или даже вся ударная установка.

“Гар, чувак, где, черт возьми, твое оборудование?”— говорю

я.

И он просто поживает плечами с таким невинным видом, что тебе хочется обнять и утешить его, вместо того, чтобы дать ему пощечину за то, что он так глуп.

“Извини, Дэй-ви” — растягивает он слова. “Мне пришлось заложить ее, чтобы мне стало хорошо”.

“Хорошо” было эвфемизмом. Это было тем словом, которое мы использовали для описания преодоления ломки от наркотиков. Если у тебя был героин, тебе было хорошо; если ты знал, где найти героин, и у тебя были деньги на его приобретение, тебе могло стать хорошо. У нас был парень — дилер, или “источник”, по имени Rug Doctor. Долгое время я даже не понимал это прозвище, да и не особенно стремился, пока он не начал осуществлять звонки на дом, неважно как вы это назовете. Позже я узнал, что его умение происходило из способности делать людям хорошо, снимать их с крючка, на котором ты висишь, когда у тебя ломка или ты проходишь через прекращение приема наркотиков.

Если вы героинист, то скорее всего занимаешься этим каждый день. Ты проводишь каждый момент бодрствования в поиске, нюхании, курении и введении наркотиков. Все что угодно, чтобы избавиться от синдрома ломки.

В моей жизни случались времена, когда я был относительно трезв, однако при этом был похож на ту старую западную шутку: *“Что можно получить в результате, если отрезвить пьяного конокрада?”. Обычного конокрада.*

Я был отчаявшимся гитаристом, у которого была полная неудач история взросления и чтобы справиться со своей болью, гневом и одиночеством, я лечил себя сам. Но я не находил особых решений пока не начал принимать героин. Для меня героин стал своего рода волшебной палочкой. Он изменил то, как я взирал на этот мир. Я убил всю боль, даже больше, чем с помощью алкоголя. Пьянство утопило мой гнев. Когда я употреблял героин, я смягчался. Будучи подростком я никогда не ожидал, что стану наркоманом. В особенности героинистом. Я был Свидетелем Иеговы, и до сих пор вижу издание Сторожевой Башни с ее болезненно основательным антинаркотическим посланием и изображением наркомана на обложке, грязным, зловонным резко постаревшим парнем, вытягивающим инъекцию из ржавой крышки от бутылки.

Но героинщики получают кайф не так, если только они не заперты в турецкой тюрьме или что-то вроде того. Героин был гораздо более доступным и массовым наркотиком, чем я был склонен верить. А также гораздо более коварным. Ты принимаешь

немного героина, и твои мысли начинают путаться. Твой мозг говорит: “Хммм, похоже сегодня нам не требуется выделять никакого дофамина. Все уже в норме!” Так что мозг дает указание гипофизу взять отпуск. Пока ты продолжаешь кормить свое тело (и таким образом сам мозг) большим количеством опиатов, игра продолжается. Но вот в чем проблема: если естественный механизм тела, ответственный за производство дофамина (и эндорфинов) выключается в течение дня, а затем запускается вновь, вы будете чувствовать себя немного паршиво. Если он останавливается на три дня, вы начинаете чувствовать ломку.

Я был готов заплатить любую цену, чтобы принять на себя все риски, которые туда входили. Честно говоря, казалось, что все это лишь часть дела. Я был рок-н-ролл бунтарем в яркой группе. У меня была красивая девушка и расширяющаяся музыкальная репутация, подкрепленная тем фактом, что большинство людей, которые пошли по пути хэви-метал, знали о моей роли в Металлика.

Одним из этих людей был Крис Поленд, гитарист, который до того играл в лос-анджелесской джаз — фьюжн группе с Гаром Сэмьюэлсоном. Она оба, фактически были школьными приятелями в Буффало (отсюда и название их группы: Нью-Йоркцы), затем они приехали в Калифорнию в поисках славы и богатства и Бог знает чего еще. Крис, как и Гар, был другом Джея Джоунса.

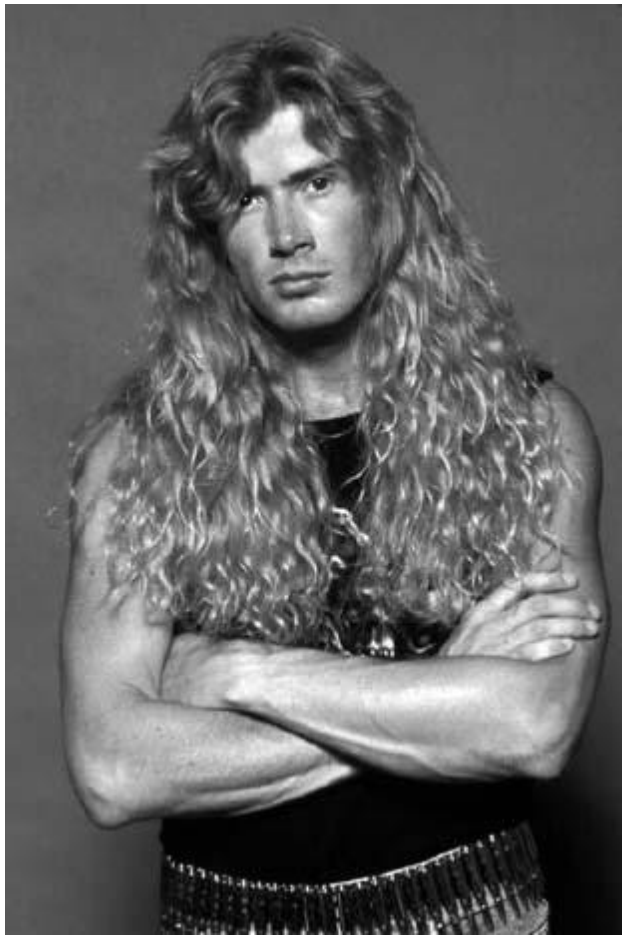
“Чуууууувак, тебе нужно заценить этого парня” — сказал Джей. “Он играл с Гаром, и он чертовски крут”.

В этом Джей был прав. В отличие от Гара, который был чрезмерно непринужденным и почти анемичным внешне, Крис был крепок и амбициозен. Он представился мне после одного вечернего выступления Мегадэт и по правде говоря попросил место в группе. При встрече с Крисом я вообще-то был даже несколько удивлен, что он оказался таким надежным, учитывая его отношения с Джеем и Гаром. Я скорее ожидал увидеть еще одного болезненного джазового наркомана. Но что касается поведения и внешнего вида Крис был крепким, отчасти в связи с тем, что у Криса была девушка по имени Лана, чьи родители владели парком мобильных стендов буррито (мы их называли “личиночными вагонами”), поставлявшимися на строительные площадки по всему городу. Поэтому у Криса редко были проблемы с поиском своего следующего приема пищи (или для того “чтобы стало хорошо”), не считая тех случаев, когда он попадал в переплет с девушкой или она попадала в переплет со своим отцом, все это рано или поздно случалось. Жизнь наркомана редко напоминает прямую линию.

Один из первых задников Мегадэт.
Фотография сделана Гаральдом О.

Я слушал Криса около десяти минут, прежде чем решился. Парень был впечатляюще искусным гитаристом, лучше чем я был в то время, и как и Гар, он получил джазовое образовании, добавившее тонкостей его игре. Не менее важным был факт, что он и Гар уже развили определенные связи, играя вместе в одной группе и будучи друзьями на протяжении многих лет. Для меня это было важно, особенно после безобразия моего разрыва с Металликой. Я жаждал этой близости. Я всегда говорил, что когда играешь в группе с кем-то вместе, просто некуда становиться ближе…если вы не занимаетесь сексом друг с другом. Сейчас, правда, большинство парней в группах занимаются сексом друг с другом, косвенным образом — пускают девушек по кругу, занимаются тег-тимингом, меняются девушками, потому что, знаете, когда вы в группе, нет ничего “твоего” — все “наше”. Но я отвлекся от темы.

Дело в том, что Крис почти идеально подходил нам. Поэтому мы предложили ему работу в группе. Затем мы все вышли на улицу под кайфом, чтобы отпраздновать это событие.



Глава 7: Миссия: разрушить все правила Бога и человека

“И кстати, если увидишь гитариста из своей группы, скажи ему, что я передаю ему спасибо за то, что укусил мою киску”. Хороший и плохой образец для подражания.

Фотография сделана Гаральдом О.

Джей Джоунс взял на себя заботу о нас, если можно так сказать. Он появлялся в Марс Студио практически ежедневно около полудня, именно тогда, когда Эллефсон и я отходили ото сна. Чтобы проветрить мозги, Джей вез нас в местечко под названием «У Норма», довольно нелепую местную закусочную, где за 5.99$ вы получали кусок сухого мяса, картошку (пюре, запеченную или фри), листочек увядшего кочанного салата и миску Джелло на десерт. Ах да, и бездонный стакан чая со льдом или лимонада. Еда была ужасной, но мы не жаловались. Ее было полно и мы не платили за нее. Просто удивительно, как мало тебе требуется для поддержания жизнедеятельности, когда ты молод и преследуешь цели одновременно благородные (музыкальный успех) и постыдные (ежедневное потребление героина и кокаина).

Мы узнали, как питаться буквально за копейки в день. Джей был не против платить, хотя у него самого было немного денег, однако Мегадэт были его билетом в лучшую жизнь. Думаю, что он искренне любил нашу компанию — в то время мы были вращающейся тусовкой, а Джей нашим куратором. После ланча мы ехали в ближайший паб, где Джей завершал дневную сделку, раздавая воздушные шарики с героином, и нам всем становилось хорошо, как раз вовремя, чтобы начать репетировать. У каждого из нас был собственный предпочитаемый метод получения кайфа. Я начинал нюхать героин, а затем (как и с кокаином) перешел к его курению, что обеспечивало более быструю, более сильную степень наркотического опьянения. Гар и Крис Поленд были гораздо более опытными; они оба были потребителями инъекционных наркотиков к тому времени, как мы с ними познакомились. Однако, наркомания есть наркомания, и я не хочу сводить к минимуму или искажать свою способность к самоуничтожению, но с самого начала я понимал, что колоться героином это абсолютно не мое, и самое занятие было откровенно пугающим на мой взгляд. Я вводил героин себе в вену лишь пару раз. Мне не понравилось это ощущение, не понравились шприцы, не понравилось все, что с этим связано (сюда часто относился и обмен шприцами). Все это казалось мне опасным и вредным для здоровья, и к тому же грязным.

Флайер на ранний концерт Мегадэт

То, что мы были способны создавать музыку, а иногда отличную музыку, проводя жизнь в таком ритме, до сих пор остается каким-то чудом. Но у нас получилось. Мы были молоды, амбициозны, талантливы и нерушимы. Или так мы твердили сами себе. До присоединения Криса к группе мы записали трехпесенное демо (‘Loved To Death’, ‘The Skull Beneath The Skin’ и ‘The Mechanix’), которое довольно быстро начало прокладывать себе путь по подпольной сети продажи и распространения аудиокассет, почти как 'No Life 'Til Leather' сделал свое дело для

Металлика. Мы играли по верхней и нижней части побережья Тихого Океана, в основном в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, устраивая на сцене свирепые выступления, которые иногда были великолепными, иногда небрежными, но никогда не были скучными. К этому времени первая пластинка Металлика стала хитом, и группа начала набирать обороты. Я пытался не обращать на это внимание, но это было нелегко (так стало даже труднее). В интервью Ларс Ульрих время от времени очернял мой вклад в Металлика, поочередно представляя меня то в качестве временного гитариста, то не более чем примечания к группе. Не раз он действительно критиковал мою игру на гитаре. Ну, это было больше, чем я мог вынести. Если хочешь сказать, что я был алкоголиком, пусть так. Я был алкашом. Если хочешь сказать, что я был проблематичным, ладно. Я был проблематичным парнем. Мне следовало поработать над своим поведением. Но не лги о моих музыкальных способностях; не утверждай, что я не был основным действующим лицом во всем том, что группа достигла на ранней стадии своего существования. Без моих песен и моих соло, без моей энергии — я не думаю, что Металлика когда-нибудь бы стала той группой, которой она была. Возможно, это смелое заявление, но в том-то и дело. И я находился в праведном гневе оттого, что Ларс не мог по меньшей мере оказать мне любезность, проявив хоть немного уважения.

Я ответил в самой язвительной и наивной манере, на которую был способен. В течение нескольких лет, когда Мегадэт вырезала собственную нишу, сражаясь с Металлика за трэш-метал превосходство, журналисты и диск-жокеи часто просили интервью. Неизменно, я спокойно отклонял любые обсуждения Ларса, иногда говоря на датском.

“Godmorgen” — говорил я с улыбкой.

Укоренившаяся еще в детстве манера держаться вызывающе лишь усугубилась по мере того, как Мегадэт стали набирать репутацию. Наши концертные выступления, в сочетании с демозаписью, естественно вызвали интерес со стороны звукозаписывающих компаний. Моей целью было заключить контракт с мейджор-лейблом с места в карьер, но в довольно короткий срок стал очевидным факт, что у нас не было связей, чтобы осуществить этот план. Скорее наоборот, мы не могли сделать это на наших условиях.

Во время поездки в Нью-Йорк мы провели небольшие переговоры с крупным записывающим лейблом. Директором компании A&R в то время был харизматический гей, который похоже даже не скрывал свою нетрадиционную ориентацию. Могу сказать с определенной долей уверенности, что он может и знал

свое дело, но при этом был очень странной и агрессивной личностью. Я убедился в этом однажды вечером в Лаймлайт, популярном в Нью-Йорке клубе. Руководитель записывающей компании взял нас с собой туда как часть поездки для потенциальных клиентов, и это безусловно дало желаемый эффект. Одним из первых людей, которых я увидел, когда зашел туда, был гитарист Cars, довольно известной в то время группы. “Let The Good Times Roll” была среди первых песен, которые я разучивал, играя в группе еще во время обучения в средней школе, поэтому не мог удержаться от улыбки, подходя к нему, думая, чувак, я сделал это, я зависаю с парнем из Cars!

Как часто бывало в клубах в Нью-Йорке в 1980-х, все закончилось в уборной комнате вдыханием дорожек кокаина. И тут внутрь зашел руководитель записывающей компании. Я пересекался с ним ранее, поэтому знал его огромный тусовочный потенциал, но именно этот случай застал меня врасплох. Он подошел к нам, вынул из своего кармана несколько таблеток (я полагаю, что это были экстези), сунул их нам в рот, а затем попытался скрепить сделку долгим поцелуем.

Джуниор, парень родом из Среднего Запада, находящийся далеко от дома, стоял неподалеку с пустым выражением на лице. Между тем руководитель записывающей компании смеялся как сумасшедший. Мне удалось произнести лишь слабое: "Какого хрена?!"

Я не знал, был это у парня такой способ пошутить или это у него была такая манера оказывать своим гостям хороший прием. Возможно, подумал я, это первое событие в ряду планируемого им длительного обмена любезностями. Но я не собирался ему этого позволить. Если заключение сделки с мейджор-лейблом подразумевало введение моего члена в задницу какого-то парня… ну, в таком случае Мегадэт пойдут независимым путем.

Сначала мы встретились с представителями Энигма Рекордс, небольшого лейбла с достаточно серьезным списком музыкантов в своем портфолио. Когда это дело не выгорело, мы обратились к Комбат Рекордс, независимому лейблу за пределами Лонг-Бич, который являлся дочерней компанией империи Sony. Представлял Комбат на этой встрече Клифф Калтрери, вице-президент компании.

С Клиффом было приятно иметь дело. Рожденный и выросший в Нью-Йорке, он был полным парнем, говорил с гнусавым выговором наподобие Адама Сэндлера, и как казалось был больше заинтересован в том, чтобы стать нашим приятелем, чем в том, чтобы выполнять роль руководителя записывающей компании. Насколько я помню, на этой встрече Джуниор и я вели

себя несколько дерзко. На нас обращали внимание крупные лейблы и лейблы поменьше, и мы все больше стучались в двери. Казалось неправдоподобным, что мы выходим из всего этого мероприятия без контракта. И в самом деле, не прошло и пяти минут, как мы вышли из офисов компании Комбат Рекордс, когда Клифф Калтрери выбежал на улицу, крича: “Подождите! Подождите!” К тому времени, как он догнал нас, его лицо покраснело и покрылось потом, дыхание сбилось. На мгновение я подумал, что у него может случиться сердечный приступ.

“Я…позвонил в…Нью-Йорк” — сказал Клифф, с трудом переводя дух. Я подумал, что он говорит о главной компании, однако он не уточнил. Возможно, потому что слишком устал. Или был слишком взволнован. А может и то и другое. “Они хотят… подписать…контракт с вами”.

Вот так мы и подписали контракт с Комбат Рекордс, и вскоре ищейки из шоу-бизнеса стали вынюхивать вокруг, пытаясь обмануть нас, и обучая меня, для чего мне считать свои пальцы, когда я жму чью-то руку и для чего мне нужно стоять, прислонившись спиной к стене. Это обучение потребовало времени. В те дни я был не особенно заинтересован в практической стороне дела. Я хотел создавать музыку, получать кайф и трахаться. Необязательно в таком же порядке. Мегадэт способствовали достижению этих, надо сказать, жизнелюбивых целей, и не особенно заботились об ущербе, причиненном друзьям, семье или собственной репутации.

Съехав из студии, я остался в сущности бездомным, хотя Эллефсон разрешил мне некоторое время пожить у него. Я курил кокаин и героин. Мы была наркоманами, плохими парнями, алкоголиками. Мы курили траву, устраивали драки и трахали телок. И были совершенно безжалостными. Как однажды заметил Крис Поленд: “Думаю, что нашей миссией было разрушить все правила, принятые Богом и человеком, и мы весьма преуспели в этом направлении”.

На самом деле, существует еще одно выражение о нашей миссии, которое более точно, если не более отчетливо, выражало наши творческие стремления. Хотя оно видоизменялось с некоторой регулярностью, общий дух был неизменным: сделать Мегадэт “самой быстрой, максимально тяжелой, ультра-яростной хэви-метал группой в истории”.

Или некая подобная ерунда. В то время это звучало отлично, и если словоблудие оставляло желать лучшего, по крайней мере общий дух был превосходен. Мы станем тяжелее, чем хэви — метал, быстрее, чем самые быстрые спид или трэш-метал группы. Мы изменим этот жанр музыки. На наших условиях.

Несмотря на безудержную распущенность, которая была неотъемлемой частью нашей жизни, в то время мы тусовались с определенными девушками. Это были отношения по расчету и ничего более. Диана осталась моей настоящей любовью, но поскольку Диана жила со своими родителями и мне требовалось место, где жить, на некоторое время я въехал к девушке по имени Шэрон.

Во всяком случае, как-то вечером мы ездили по округе в фургоне Эллефсона, прокладывая себе путь при помощи “чайна уайт” (синтетический героин), когда Крис Поленд и я начали немного в него втыкаться. Крис был изменчивой личностью, возможно не лучший приятель для кого-то вроде меня, и к тому времени между нами произошел горячий спор. Отчасти это произошло из-за взрывоопасного характера наших отношений, но и того факта, что героин имеет тенденцию делать вас…скажем так… раздражительным. Не всегда, когда вы под кайфом, само собой — героинисты обычно довольно спокойные люди, когда их хорошенько вставило. Но когда нет, это совсем другая история. Ты становишься чрезвычайно раздражительным, Поленд обычно называл это “героинным бешенством”, и в этом состоянии завести вас не составит много времени.

Я не помню, как точно началась драка. Я лишь помню, что Поленд неустанно спорил о чем-то с Шэрон и подругой Эллефсона, Робин, градус нарастал, оскорбления и угрозы становились все ужаснее, пока наконец дело не закончилось обменом ударами — две женщины набросились на Криса, а Крис в ответ ударил их рукой. Крик продолжился, пока Эллефсон не ударил по тормозам и не остановил происходящее. Не зная, кого следовать винить, но поняв, что любой парень, который вступает с женщиной (или двумя) в кулачную драку заслуживает того, чтобы ему надрали зад, я выдернул Поленда из фургона и начал стремительно наносить удары ему в голову, пытаясь при помощи всей своей силы вырубить его. Но он не собирался сдаваться. Парень был настолько обдолбан, что отказался вырубаться, поэтому естественно это было лишь техническим нокаутом.

Лишь вмешательство Скотта Мензиса, одного из близких друзей Криса (и будущего дорожного менеджера Мегадэт), уберегло меня той ночью от возможного убийства Криса. Скотт вскочил мне на спину и потянул меня назад; пока он и Эллефсон пытались меня успокоить, Шэрон забралась на место водителя в фургоне и нажала на газ. Фургон съехал с тротуара и влетел в Биг Бой у Боба, расположенный на противоположной стороне улицы. К счастью, той ночью Скотт работал в режиме героя. Как только Шэрон нажала на газ, он нырнул головой в фургон, отвоевал у

нее контроль над транспортным средством и перевел рычаг на коробке передач в положение “парковки”.

Фургон издал ужасный стон и медленно остановился. Я по-прежнему считаю, что если прыжок Мензиса, бросающий вызов смерти, произошел на секунду или две позже, Шэрон убила бы половину посетителей в Биг Бой у Боба. Она была способна на подобное безумие, и если не тот факт, что мне требовалась теплая постель и еда, я уверен, я бы не прожил у нее так долго, как это было. Но именно это происшествие послужило концом.

Чтобы разгрести весь беспорядок потребовалась добрая часть часа. Мы отыскали Криса, который забрел куда-то, а затем поехали к Шэрон. К тому времени, как мы приехали туда, она перешла в заднюю часть фургона, поэтому мы поместили ее на лужайке перед ее домом. Затем мы бросили пару пустых бутылок из-под водки ей под ноги, чтобы усилить отвращение любых соседей, которые могли пройти мимо.

Когда я вернулся позже той ночью, не чувствуя ни малейшей капли вины и просто нуждаясь в месте, чтобы поспать, Крис находился на софе в гостиной у Шэрон. Мне было плевать, я не думал об этом вообще. В те дни мы приземлялись там, где приземлялись. На следующее утро я проснулся от ужасного похмелья и тут же потянулся за куаалюдсом, чтобы притупить боль. Кинув взгляд на Поленда, я решил разделить таблетку пополам.

“Эй, чувак” — сказал я, морщась от его покрытого синяками и распухшего лица.

“Думаю, тебе это понадобится”.

Он взял таблетку, поблагодарил меня, и поехали мы на репетицию без обид. Однако, Шэрон это совершенно другая история.

Когда в тот вечер я вернулся в квартиру, мои вещи были свалены в коридоре за дверью. Практически, все, что у меня было — записи, стерео, одежда, даже небольшая жестяная банка из-под печенья, содержащая четверть фунта травки, была выброшена из квартиры. Единственное, чего не хватало, как ни странно, это моего домашнего скорпиона (подарок одного из моих клиентов). За исключением того, что мне больше негде было жить, меня особо не беспокоил разрыв отношений с Шэрон, и я, само собой, не виню ее за то, что она выгнала мня; я тоже не очень хорошо с ней обращался. Но я был зол, что она оставила это все в коридоре, откуда это можно было украсть, и хотел вернуть обратно своего скорпиона.

Некоторое время я стучал в ее дверь; никто не ответил, тогда я убедил ее соседа впустить меня, а затем вновь попробовал

получить доступ к квартире Шэрон извне, перемещаясь от балкона к балкону на уровне третьего этажа. В конце концов я добрался до ее квартиры, и то, что я увидел, напугало меня до смерти. В комнате находилась полураздетая Шэрон с двухсотпятидесятифутовой седоволосой женщиной, которую я никогда раньше не видел, похожей на мужчину.

“Чего тебе надо?” — заворчала женщина.

“Эээээ…я хочу вернуть своего скорпиона”.

Затем Шэрон подошла к окну и начала кричать на меня.

“Да? Ну, мне охуенно жаль. Ты не получишь обратно своего скорпиона”. Она сделала небольшую паузу и улыбнулась. “И кстати, когда увидишь гитариста из своей группы, скажи ему спасибо за то, что укусил мою киску”.

Я ничего на это не ответил. Все, что я мог сделать, это стоять там с отвисшей челюстью, думая, *эй…Поленд. Ты трахнул мою подружку. Наш пострел везде поспел*.

Первая пластинка Мегадэт называлась “Killing Is My Business…and Business Is Good!”От концепции до готового продукта она была настоящим приключением, в течение которого я узнал о музыкальном бизнесе больше, чем мог себе представить. И большинство из всего этого было не особенно обнадеживающим. О, подготовительный период был хорош — создание риффов на репетициях, самостоятельное написание песен, я научился верить в свои способности не только играть на гитаре, но и петь. Последнее было большим препятствием. Вплоть до того, как мы ступили на порог студии, я по-прежнему рассматривал возможность найма штатного вокалиста. До создания демозаписи у нас был парень, который нам нравился. Его звали Билли Бондс, но однажды вечером он явился на репетицию в макияже и подводкой для глаз, так закончилось его пребывание в группе. Мне было плевать, может ли этот парень петь как Роберт Плант — я бы ни за что не позволил поклоннику какой-то глэм-группы стать лицом Мегадэт.

Второе выступление в карьере группы, клуб Ruthie's Inn в городе Беркли, 1984 год.

Фотография сделана Брайаном Лью

“Хер с ним” — сказал Эллефсон. “А почему бы тебе просто не попробовать спеть?”

Потребовалось время, чтобы научиться правильной технике пения. Я не знал ни как правильно дышать, ни как вести себя, чтобы не сорвать голосовые связки.

Постепенно, я развил свой уникальный вокальный стиль. Само собой, не все являются его поклонниками. Но в его оригинальности нет никаких сомнений. Когда ты слышишь песню Мегадэт, ты сразу узнаешь ее. Мой стиль пения ничуть не менее узнаваем, чем вокал Джеймса Хэтфилда или Эксла Роуза. Отбрасывая безопасность относительной анонимности гитариста, которая была объективно сложной. Говорите, что хотите о солистах: они высокомерны, эгоистичны, незрелы, раздражительны, гиперчувствительны. Кроме того у них огромные яйца. Без этого атрибута вы не можете подняться на сцену и начать петь. Просто невозможно.

Получив контракт на подпись от Комбат Рекордс и найдя юридический язык практически неразборчивым (с этого момента я стал гораздо более здравомыслящим в подобного рода вещах), мне потребовался адвокат. Джей Джоунс предложил адвоката, с которым он в прошлом занимался какими-то делами, и мы подумали, ладно, если Джей говорит, что он хорош, вероятно, он действительно хорош. Как оказалось, это решение не сыграло в мою пользу. Помню, как смотрел на контракт, удивляясь, почему он казался настолько неравным — все в нем было в пользу звукозаписывающей компании. Я заметил стимулы для адвоката, но был не особо разборчив, чтобы поставить эти пункты под мы все хотели тогда.

К тому времени мы были конкретными наркоманами. Не раз мы с Дэвидом Эллефсон посещали адвоката, и я крепко засыпал в ту же минуту, когда он начинал говорить юридическим языком. Джуниор бодрствовал и пытался слушать, что ему говорят, но не знал, какого хера вообще делает адвокат, и я уверен, что он первым это признает. К тому времени, как чернила высохли на нашем контракте, мы завершили одну из самых жалких сделок в истории рок-н-ролла. Даже по скромным стандартам независимых лейблов, нас просто наебали.

Для создания репутации среди поклонников потребовалось время, однако фанаты были с нами с первого же выступления.

Фотография сделана Брайаном Лью

Весь наш бюджет составлял восемь тысяч долларов, цифра настолько оскорбительно низкая, что практически смехотворна. И все же, мы не были обескуражены ею. Альбом предстояло записать в студии под названием Ранчо Индиго в Малибу. Первоначально студия была построена Moody Blues самими для себя в 1970-х (отсюда и название Индиго), поэтому она была пропитана духом профессионализма и успеха, что для нас было важно. Каждый музыкант получает заряд, входя в студию или концертную площадку и стоя на том же месте, где великие музыканты выступали в прошлом. Тебе нравится думать, что история этого места просачивается в твой мозг, становится некой музой. Даже если это звучит несколько мистически, тем не менее, это правда, и несмотря на извращенно минимальный бюджет, я был взволнован тем, что попал в студию и оставил свой след в этом мире.

К сожалению, все пошло не так практически с того самого дня, как мы приехали туда. Гар и Крис появились с Джеем Джоунсом, вооруженным почти сотней фунтов замороженного мяса для гамбургеров и огромным запасом кокаина и героина. В принципе мы потратили почти четыре штуки баксов на наркотики и столько же на запись, что является одной из многих причин, почему 'Killing Is My Business' получился не в том виде, в котором я его задумывал. Проще говоря, у нас кончились деньги.

Довольно невероятно, через неделю у нас кончился и запас наркоты. Без наркоты мы были недееспособными. Без наркоты не могло быть никаких записей. Тогда я позвонил другу и попросил помощи в том, чтобы найти немного кокаина. Закончилось тем, что мы ездили от Малибу до Манхэттен-Бич, чтобы получить кокс, и это было просто ужасное, разбавленное дерьмо, которое

совсем не облегчило процесс записи.

Расстроенные, злые, испытывающие героиновую ломку, мы решили уволить Джея Джоунса в середине проекта (хотя он появлялся и ускользал из нашей жизни в будущем).

Какое-то время я был обеспокоен тем, что мы не сможем даже завершить запись. Эллефсон и я в то время жили у человека по имени Карат Фэй, выступившим звукоинженером на 'Killing Is My Business'. Карат был достаточно компетентным инженером, но он был одним из многих в длинной череде чудаков, связанных с Джеем Джоунсом (который принял его на эту работу). Главным в резюме Карата был тот факт, что ранее он работал с KISS. Почему один старый чувак, крутивший ручки для KISS, казался отличным для Мегадэт, я не знаю. Но он был с нами. Карат был достаточно хорош, чтобы разрешить мне въехать к нему после того, как меня выбросила Шэрон. Это было щедро с его стороны, учитывая, что у меня был не слишком-то широкий выбор. Но после нескольких дней, видя как Карат ходит по дому обнаженным (что на мой взгляд он делал слишком часто), я начал задаваться вопросом, куда бы мне еще податься.

Солирование было не моей идеей.
Фотография сделана Брайаном Лью

Взвинченные, мы пришли в звукозаписывающую компанию и получили дополнительные 4 тысячи долларов, так что на создание альбома в общей сложности ушло 12.000 $. Гроши, на самом деле. Но мы завершили его, сдали свою работу, а затем начали обсуждать его обложку. Она также оказалась разочарованием.

Я уже создал концепцию логотипа Мегадэт и при помощи друга по имени Пейтон Таттл, набросил некоторые оригинальные изображения обложки задолго до того, как был записан первый альбом. Я нарисовал логотип сам, потому что хотел сделать татуировку, такую, чтобы выражала мое отношение к религии, репрессиям и свободе выражения собственного мнения. На логотипе находился череп и скрещенные кости, с дополнительной

парой последних размещенными таким образом, чтобы они выглядели почти как два распятия. В конечном счете это привело к созданию нашего талисмана, Вика Рэттлхэда, скелетоподобного существа, чьи глаза, уши и рот покрывали или скрепляли — “не зри зла, не молви зла, не слушай зла”, и чья мифическая эволюция была основным сюжетом композиции под названием 'Skull Beneath The Skin’, третьей песне на ‘Killing Is My Business’. В этой песне бедный Вик натыкается на сеанс черной магии: он попадается на месте, его захватывают в плен и…ну, много очень плохих вещей случается с ним.

“Подготовьте скальп пациента
Для удаления
Металлические крышки ему в уши
Он услышит не то, что мы говорим
Твердой стали наблюдатель
Заклепки наложены на его глаза
Железные скобы сковывают его челюсть
Так что никто не услышит его криков”

Когда я рассказал Комбат о своей концепции для логотипа, у них не было возражений. Я отдал им свой вариант обложки и готовился увидеть готовый продукт.

Сегодня я несколько иначе взираю на эти вещи. Я предпочитаю принимать участие на каждом этапе работы над альбомом. Я настаиваю на том, чтобы увидеть эскизы и макеты обложек. Я плотно работаю с графическими художниками, ответственными за дизайн. По сей день я понятия не имею, что случилось с образцом обложки, который я предложил — утеряна она была или проигнорирована. Я лишь знаю точно, что когда альбом вышел, и я увидел, что они сделали с обложкой, я был подавлен. Грозный Вик был сокращен до карикатуры. Вместо блестящего и тревожного изображения, обложка 'Killing Is My Business’ представила то, что оказалось пластиковым хэллоуинским черепом и разновидностью аксессуаров из барахолки. Он выглядел так, словно кто-то вывернул жестяную банку из-под пива наизнанку и использовал ее в качестве маски, чтобы закрыть его глаза; кровь выглядела как кетчуп. Все в дизайне отдавало дилетантством. Помню, как держал обложку в руках, говоря вслух: “Да вы должно быть шутите”.

Бедный Вик. Он заслуживал большего. Вик родился не столько из моего презрения к организованной религии, сколько из моего увлечения журналами комиксов. Будучи ребенком я ходил в магазин на углу и покупал пачками бейсбольные карточки с жевательной резинкой внутри. Однажды выпустили жевательную резинку с изображением супергероев, и мне досталась с Железным Человеком. Потом мне попался Капитан Америка, и довольно скоро я просто пожирал журналы комиксов, погрузившись в фантастический мир слабых, но храбрых героев. Я хотел стать таким же, как они. И если подумать, Вик был довольно мультяшным персонажем. Большую долю успеха Мегадэт можно соотнести с популярностью определенных иконических изображений, например, с 'Holy Wars: The Punishment Due', вторая часть которой основана на Карателе, романе-комиксе о великом Фрэнке Кастле. Вдохновение лежит там, где ты его находишь, и мое в частности, по крайней мере, в самом начале, пришло из весьма недооцененной области комиксов и романов-комиксов, особенно тех, что содержали склонность к нигилизму.

К Вику следовало относиться с почтением. Вместо этого, в данном воплощении, он стал шуткой. На самом деле все получилось не так, как я планировал. Годы спустя 'Killing Is My Business' был переиздан с обложкой в большей степени отражающей то, что я имел в виду. Но в 1985, мы остались с пластиковым черепом и кетчупом. И ничего не могли с этим поделать.

Сам альбом, не будучи шедевром, был далек от замешательства, подразумеваемого обложкой. В 'Killing Is My Business' было что любить — энергия, скорость, текстовое содержание. Правда, звук был несколько грязноват, но что вы хотели за двенадцать штук баксов. На этом альбоме по сей день находятся жемчужины, особенно если послушать версию после цифрового ремастеринга; учитывая все обстоятельства, я горжусь

тем, как все получилось. Хотя и далекий от платинового статуса, альбом довольно был распродан быстро, что весьма неплохо для малоизвестной группы на независимом лейбле, и был хорошо принят критиками, обратившими на него свое внимание.

И хотя 'Killing Is My Business' представил Мегадэт как новый голос в хэви-метал, на самом деле все произошло благодаря старому поп-стандарту, ставшему одним из наиболее популярных треков на пластинке. Песня называлась 'These Boots Are Made For Walkin', блюзовая песенка, известная благодаря Нэнси Синатра в 60-х. Кажется, я до сих пор слышу, как она играет из динамиков Форда Феирлейн, принадлежащего моей матери, припаркованного на пляже у озера Качума с открытыми дверями и дребезжащей громкостью, когда мы плескались в воде.

"Продолжайте говорить, что у вас есть что-то для меня…"

Я связан с этой песней на интуитивном уровне, меня потянуло к ней, так как никогда раньше. Конечно, может это был просто выброс гормонов, но все же… когда это произойдет, вы не сможете забыть. Когда мы собрались вместе и начали репетировать материал первой пластинки Мегадэт, возможность сделать кавер-версию присутствовала.

Это был простой способ добавить некоторый материал на пластинку, чтобы предоставить слушателю возможность сделать небольшую передышку, когда у тебя недостаточно материала; возвращаясь в те дни, было так много места, которое можно было занять на каждой стороне виниловой пластинки, пока канавки записи не снизились до точки несовместимости и песни не начали перекрывать одна другую. Нам не хотелось выпускать много материала на тех ранних записях из страха, что получится нежелаемый эффект "наложения". Поэтому мы сохранили простую формулу: четыре песни на каждой стороне пластинки, восемь песен в целом. Каждая песня была примерно в четыре минуты длиной.

Мы вошли в студию, чтобы записать 'Killing Is My Business', вооружившись семью оригинальными песнями. Это означало, что у нас достаточно места для записи еще одной. И я хотел, чтобы это было что-то совершенно иное, нечто совершенно неожиданное. То, что никогда не ожидаешь услышать от спид-металлической группы.

Выбор был очевиден.

Было нетрудно убедить остальных парней из группы в том, что 'These Boots Are Made For Walkin' будет отличным способом завершить альбом.

"Слушайте, мы ведь типа наркоманская джазовая группа, так?" — сказал я, немного преувеличивая (ну хорошо, можно и

много). “Это идеально подойдет”.

Песня получилась хорошей на записи, и просто отличной при исполнении живьем.

Она стала любимой песней фанатов, особенно когда мы добавили драматизма, убрав блюзовое вступление и превратив песню в нечто отличное. Один из наших роуди стоял у стороны сцены и выбрасывал барный стул для Джуниора. С погасшим в зале светом он подкуривал сигарету и просто сидел там и наигрывал риффы басового вступления так долго, как ему хотелось. Наконец, в завершении вступления я кричал: 'Хорошо!' и затем вступала гитара, потом ударные, и затем вся песня исполнялась музыкантами Мегадэт.

После чего Эллефсон вставал на ноги и выпинывал барный стул со сцены.

Вообще говоря, я не большой поклонник джем-групп. Я видел группы, играющие продолжительное время с использованием вокалистом банных перерывов, или с помощью смен костюмов или Бог знает чего еще. Редко, на мой взгляд, это реально срабатывает. Это все равно, что та старая шутка, популярная среди музыкантов, когда два парня нервно прогуливаются по джунглям, слушая ритмичный стук барабанов на расстоянии. И вдруг звук барабанов прекращается.

“Плохие новости” — говорит один из них.

“Почему?”

“Басовое соло”.

Точняк. Но в случае 'These Boots Are Made For Walkin' небольшой джем был просто необходим. И он был в полном соответствии с духом Мегадэт.

Практически единственный, кому не понравилась наша версия 'These Boots Are Made For Walkin’, это автор песни Ли Хэзлвуд, который, что весьма интересно, ждал довольно долго, чтобы выразить свое недовольство. Я изменил некоторые строчки в попытке обратиться к детям, составлявшим основу нашей аудитории. Например, “то, что вы называете любовью, а не признанем” стало в версии Мегадэт “то, что вы называете любовью, а я называю сексом”. Я честно полагал, что изменения были весьма незначительны, но Ли считал иначе и в конце концов попросил нас убрать эту “мерзкую и оскорбительную” версию этой песни из последующих изданий пластинки.

Следует отметить, что протест Ли прозвучал спустя более десяти лет после выхода 'Killing Is My Business'. Циник мог бы утверждать, что чувства мистера Хэзлвуда были оскорблены лишь после того, как поток выплаты авторских снизился до минимума. Я знаю точно, что он никогда не ленился обналичивать свои

счета. Несмотря на это, его протесты привлекли некоторое внимание со стороны СМИ, и мы согласились на его условия. По крайней мере, на время. Когда мы повторно выпустили пластинку пару лет назад, на ней присутствовала 'These Boots', но весь оригинальный текст Хэзлвуда был оставлен в неразборчивом виде. Мои слова были слышны; слова Ли были запиканы.

Называйте это странным компромиссом, если хотите. Я предпочитаю думать об этом как о триумфе технологии над лицемерием.

Глава 8: Близкое знакомство чревато взаимной потерей уважения

“Какого хера твоя сука крадет наш лимузин?” Мегадэт за кулисами: Гар Сэмьюэлсон, Дэвид Эллефсон, я и позади меня Марк Альберт.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Это было похоже на путешествие на ракете.

Именно так я чувствовал себя в ранние дни Мегадэт. Все происходило так быстро, и наши отношения были такими легко

воспламеняющимися, что лучшей стратегией было просто тусоваться и надеяться на лучшее. Крис Поленд однажды сказал, что это все равно, что находиться в кинофильме “Бойцовский клуб” — каждую ночь. Не такая уж плохая аналогия. К несчастью для Криса, ему редко удавалось играть роль Тайлера Дердена. Она обычно принадлежала мне.

У каждой группы существуют свои проблемы, не последней из которых является простое сохранение состава неделимым. Я уважаю любую группу, чья карьера простирается на многие десятилетия, а не годы, без многочисленных кадровых перестановок, происходящих на их творческом пути. Группы вроде Rolling Stones, U2 и парочка других. Выносливость подобного рода требует взятие на себя определенных обязательств, но при этом предоставляет взамен удачу, дипломатию и здравый смысл.

Практически единственное условие это когда успех приходит рано, роли расписаны и приняты, а деньги достигают такого количества, что каждый осознает безрассудность раскачивания лодки.

Однако, в большинстве случаев группа претерпевает сейсмические сдвиги задолго до того, как кто-нибудь получит пятибаксовую банкноту. Довольно скоро тебе придется принять решение: предан я группе или мне следует заняться чем-нибудь еще в жизни?

Ты сидишь дома, зависаешь со старой подружкой, а парни ждут тебя на репетиции. Ты уходишь…или остаешься? Старая подружка считает, что слово “репетиция” подразумевает “мальчишник” (как это часто бывает). Коллеги по группе, наоборот, думают, что "зависать со старой подругой" означает “мне насрать на группу”. Так что ты проиграешь в любом случае. В конечном счете все группы распадаются из-за отсутствия одного из четырех П: потенциала, права собственности, престижа, пиздюшек.

Когда Мегадэт готовились к своему первому турне, мы были впечатляюще диким и самолюбивым сборищем негодяев. Мы искренне верили, что каждую ночь можно бухать и принимать наркотики и трахаться как Калигула, оставаясь одной из важнейших групп в жанре хэви-метал. Но всегда есть цена, которую придется заплатить. Всего несколько часов назад было запланировано наше турне — и не за несколько дней, заметьте, как это должно быть для официального турне, и тут Криса поймали копы, когда он пытался найти героин. Я поверить не мог, что он сделает нечто столь глупое; я был в ярости. Что нам оставалось делать — отменить целое турне? Наше первое турне в

поддержку официальной пластинки? Последствия могли быть весьма серьезными.

Нам требовалось найти нового гитариста. И немедленно.

“Не беспокойся об этом, чуууууувак” — сказал Джей Джоунс. “Я приглашу Майка Альберта”.

“Кого?” — я никогда не слышал об этом парне.

“Майк Альберт”— повторил Джей. “Он играл в Captain Beefheart. Поверь мне, этот чувак просто порвет всех в клочья”.

Вот так я встретился с этим парнем…и…Господи. Что за зрелище! Внешне он был немного похож на Бенджамина Франклина, с пучками седых волос по бокам головы, а на макушке почти ничего. Экипировочная бейсбольная кепка мало помогала ему скрывать свой возраст — по всей вероятности он был на пятнадцать-двадцать лет старше любого участника группы. Но Майк бесспорно был сварливым маленьким дедушкой-гитаристом с причудами, которые можно ожидать от того, кто большую часть жизни проводит в дороге. Майк заикался и нервно дергался, когда испытывал чувство дискомфорта, что случалось довольно часто в нашем первом турне.

Он сделал все, что мог, и очевидно заслуживает уважения за то, что вошел в курс дела за такой короткий срок. Тем не менее, мне никогда особенно не нравился Майк. С одной стороны, он не был даже близко таким гитаристом, каким был Крис. Во-вторых, у него были проблемы с тем, чтобы держать рот на замке. Теперь я понимаю недостатки этого характера в отдельности, будто меня обвиняли в том, что я сам страдаю от этого. Но вам действительно требуется иметь возможность подкреплять свои слова действиями, факт, который, как казалось, ускользал от внимания Майка.

Однажды вечером, когда мы были в Тусоне, охранники клуба по какой-то причине впустили фанатов в клуб в то время, как мы еще проводили саундчек, что оказалось разрушительным и контрпродуктивным действием. Во время шоу я сделал некоторые комментарии по поводу того, насколько могло стать лучше выступление, если бы охрана не прервала наш саундчек. Разумеется, зрителям это понравилось — ярость подобная выстрелу из дробовика с трибуны всегда находит свое подтверждение у молодых поклонников металла; тем не менее, менеджмент клуба и сотрудники службы безопасности были далеко не в восторге. Не успели мы покинуть сцену, как охранники зашли в нашу раздевалку и забрали всю еду и алкогольные напитки. Когда мы закончили играть и вошли в свою раздевалку, мы обнаружили лишь полугаллоновые пакеты с молоком.

Я не собирался отступать. Наше соглашение предусматривало конкретные услуги, включая алкогольные напитки, и я собирался привлечь их к букве контракта. Я не кричал и не был зол, но и не пятился в страхе. Дипломатия возможно бы восторжествовала, если бы не вмешательство Майка Альберта. Он открыл свою пасть, и следующее, что я знаю, так это что Майк был окружен сжимающимся кругом охранников и вышибал, все из которых выглядели так, будто утром посыпали стероидами свои Чириоуз.

Вот дерьмо…создавалось ощущение, что все это плохо кончится.

Подойдя к группе, я видел, как Майк копается в своем кошельке, судорожно выуживая из него что-то.

“П-п-подождите” — бормотал он. “Это здесь. Сейчас найду!”

Вышибалы смотрели на него с изумлением, так, как кошка может смотреть на мышь.

“Если вы попытаетесь убить меня, я заберу одного из вас с собой!” — визжал Альберт. “У меня черный пояс, и где-то здесь есть карточка, подтверждающее это”.

Всякое дерьмо стало сыпаться из его кошелька: квитанции, деньги, пластиковые карты. Но никакой карточки не было. Полагаю, что ее и не было в природе. Я хочу сказать, у меня три разных черных пояса, но никто никогда не давал мне карточку для ношения в своем кошельке или говорил мне, что мне требовалось демонстрировать что-либо, прежде чем защищать себя. Со стороны Майка это была просто пустая угроза, мучительно неловко демонстрирующая ложное бахвальство. Не думаю, что кто-то из окружавших его гориил был даже немного обеспокоен тем, что он может внезапно надрать им всем задницу в стиле Брюса Ли. На самом деле это произвело обратный эффект: это еще больше разозлило их.

На мгновение я подумал о том, чтобы позволить им разобраться с Майком — он вообще-то заслуживал этого, но вместе этого решил спокойно вмешаться. Кончилось тем, что мы заплатили за это выступление и покинули клуб с нетронутым достоинством и здоровьем. Но все турне, хотя в нем определенно были плюсы, получилось хуже, чем могло бы быть с Крисом в составе. Опять-таки, учитывая нашу склонность к дракам, может быть его временное отсутствие было во благо, поскольку отсрочило неизбежный раскол в Мегадэт по меньшей мере на ближайшие несколько месяцев.

Близкое знакомство, в конце концов, приводит к взаимной потере уважения, особенно если вы обдолбаны героином или кокаином… или тем и другим вместе взятыми.

Мы вернулись с гастролей без какой-либо концепции, к чему

шли Мегадэт. Многое изменилось — это все, что мы знали. Мы выступали в различных местах — клубах, вечеринках, ресторанах — и вдруг к нам стали иначе относиться. Мы усаживались в тех местах, где вам необязательно было сидеть, места, в которых даже и мест как таковых не было, только бархатистая веревка и цепь. Это было, должен отметить, большим чувством.

Только представьте: вы находитесь в Реинбау Лаунж, где каждый был знаменитостью, и ты зависаешь у сигаретного автомата, в нижней части лестницы, как любой другой мудак.

Подождите-ка минуту! Нет, нет, Не мудак. Это не о тебе. Ты приглашен наверх на частную вечеринку, со всем этим кокаином и телками. А когда тебе надоедает, ты прыгаешь в лимузин и ищешь другую вечеринку. И все это время ты думаешь: *“Ух ты! И как это произошло?”*

Мне нравился комикс "Каратель", и я написал по меньшей мере две песни под его впечатлением: 'Killing Is My Business…And Business Is Good’ и ‘Holy Wars: The Punishment Due’.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Вторая пластинка Мегадэт, ‘Peace Sells…But Who’s Buying? ’ в значительной степени подняла планку. Песни были лучше, музыка более совершенной, качество продукции более гладким. Кода мы приступили к записи в Мьюзик Грайндер, в Лос-Анджелесе, контракт был все еще в силе с Комбат Рекордс, пустившими настолько глубокие паразитические корни в существование Мегадэт, что владели частью группы еще несколько лет.

Пришлось простить многое связанное с Крисом лишь потому, что он был таким невероятно талантливым. Вы бы посмотрели на то дерьмо, что он вытворял, забыли о его драках и лжи, лишь так можно было заставить его сесть и играть на гитаре; он был одним из лучших.

С Гаром совершенно иная история. Он был потрясающим барабанщиком, но не таким незаменимым, как Крис, и его поведение, будучи не агрессивным вообще, при этом было весьма разрушительным. В тех случаях, когда нам приходилось возвращать заложенные Гаром тарелки из ломбарда какого-нибудь дерьмового районного, для того, чтобы начать репетиции, он неизменно предлагал лирическое отступление.

“Эй, что скажешь на то, чтобы остановиться на Церере?”

Церер это название улицы, где мы обычно добывали наркоту, в основном героин.

Данное предложение обычно сопровождалось неловким молчанием, все вокруг пожимали плечами, а затем смеялись. Вечеринка продолжалась.

Итак, видите ли, я был нежелательным соучастником кутежей. Я пустился в это занятие, лишь иногда испытывая действительно безудержную радость. Правда, я как-то взглянул на Криса и Гара, когда мы лежали рядом друг с другом, и с отвращением отшатнулся от них. Почему? Потому что не видел себя в роли наркомана. Крис и Гар были злостными наркоманами, вводящими героин себе в вену. Я еще не достиг или не упал до этого уровня, хотя, безусловно, был на пути к этому.

Дни прошли в удобной, если немного не странной рутине: найти Криса и Гара, сделать так, чтобы им стало хорошо, отвезти их в студию, включить их партии на пленку и убрать их нахрен из виду. Вот как это было, или по крайней мере, как стало. Эллефсон и я жили вместе, вместе тусовались, выполняли большую часть задач по превращению Мегадэт в жизнеспособную творческую силу. Насколько мы были убеждены, Гар и Крис привносили меньшую долю. Не в плане своей музыкальности, разумеется, а с точки зрения своего поведения и отношения к Мегадэт. Оба они, в частности Крис, присоединились к группе с циничными намерениями: они были джазовыми музыкантами до мозга костей, едва ли влюбленными в хэви-метал, но видели Мегадэт как возможность избежать бедности и забвения, переживаемые многими музыкантами.

Это решение родилось из практичности, а не из страсти. Я понял это с самого начала и принял, потому что они действительно привнесли нечто уникальное в сам процесс записи. Джуниор и я жали руки руководителям записывающих компаний и публицистам.

Хотите верьте, хотите нет — мы были профессиональным лицом группы. Подумайте об этом так: Мегадэт были воинской частью, Эллефсон и я были офицерами, а Гар и Крис солдатами. В

конечном итоге это стало демонстрировать довольно жалкую динамику, когда стали отчетливо прорисовываться линии между двумя лагерями. Крис и Гар решили поднять вопрос финансового состояния группы. Они открыто сообщили, что мы получаем больше денег, чем они и удивились, почему доходы не делятся поровну. По какой-то причине они не могли понять один из основополагающих принципов музыкального бизнеса: если ты пишешь песни, тебе платят деньги; если ты не пишешь песни, тебе могут платить лишь при заключении договора с тем, кто получает деньги сам — либо путем переговоров, либо с помощью мошенничества. Я знаю об этом, поскольку выступаю в качестве основного композитора музыки Мегадэт на протяжении последних двадцати-пяти лет, и часто подвергался и тому и другому.

Я не хочу сказать, что все это было изнурительной работой или что у нас не бывало хороших деньков. Потому что они были, и в большом количестве. Даже в студии, неопытные Мегадэт были способны на чрезвычайную музыкальность. Двойная гитарная атака на 'The Conjuring', гитарная гармония на 'Peace Sells', они были достигнуты не только с помощью тщательного распределения ролей, но и посредством товарищества, которое наступает, когда группа реально попадает в самую точку. 'Peace Sells' стала одной из самых узнаваемых песен Мегадэт, в немалой степени благодаря MTV, которые на протяжении почти десяти лет использовали узнаваемую басовую партию песни в качестве вступления к ЭмТиВи Ньюз. Нельзя сказать, чтобы кто-то разбогател от этого. MTV обрезали песню буквально до одной ноты, то есть до той точки, когда не были юридически обязаны платить авторский гонорар.

Как и в случае с 'Killing Is My Business', нам была предоставлена возможность добавить кавер-версию на вторую пластинку. Джей Джоунс предложил 'I Ain't Superstitious' легендарного блюзового певца Уилли Диксона. Не самый очевидный выбор, соответствующий ожиданиям кого бы то ни было, но достаточно интересный, вне всякого сомнения. Мне нравилась идея выйти за рамки возможного, и удивить тем самым людей.

Я уже работал над 'These Boots Are Made For Walkin'"; так что не было никаких причин сомневаться, что это не сработает с 'I Ain't Superstitious', которая была бесспорно отличной песней.

"Представь ее с действительно мощными барабанами" — сказал Джей. "И в самом конце ты изменяешь темп, и придаешь песне мегадэтовское звучание".

Именно так мы и поступили, и это прекрасно сработало.

Песня дала нам возможность продемонстрировать гитарную игру Криса и вновь бросить вызов слушателям, представляя песню, открывавшуюся джазовым налетом и завершавшуюся в головокружительном, спид-металлическом темпе. Лучше всего то, что Уилли Дискон дал свое одобрение на это; в отличие от Ли Хэзлвуда ему понравилось ту работу, что мы проделали над его композицией.

Во многих отношениях 'Peace Sells…But Who's Buying?' стал хитом еще до того, как был официально выпущен. "Сплетни" были совершенно иной вещью 25 лет назад, чем сегодня. Они опирались больше на старомодную молву, чем на технологии. Мегадэт имели репутацию благодаря блистательным концертным выступлениям, и как только молва о наших последних студийных достижениях стала распространяться, мы стали товаром повышенного спроса. Настолько повышенного, что по сути наш контракт был перепродан Кэпитол Рекордс, которые внедрили мастера Пола Лани, чтобы исправить проблемы, связанные с небрежным сведением Комбата и незначительным бюджетом записи. По существу это была сделка с дьяволом. С этого самого момента Мегадэт больше не были раздражительной группой, сидящей на независимом лейбле с культовым статусом. Мы стали формацией на мейджор-лейбле, и с этим обозначением пришли ответственность и ожидания (и результаты этого компромисса) в отличие от всего, что мы когда-либо знали. Не то, чтобы мы были слишком обеспокоены этим. Мы были слишком заняты рассыпанием кокаиновых дорожек в Кэпитол Рекордс Тауэр в Голливуде, чтобы беспокоиться о творческом контроле. Привилегии перевешивают почти все.

Вот еще один пример: вечеринка по случаю выпуска Peace Sells проходила в местечке под названием Файрфлай Бар, который был известен, среди прочего, своей традицией поджигать барную стойку. Серьезно. Настоящую барную стойку. Несколько

раз за ночь один из барменов хватал бутылку и прыскал какую-то горючую жидкость прямо на барную стойку, давал быстрое предупреждение клиентам, а затем чиркал спичкой по поверхности.

Вжик!

Все рефлекторно аплодировали ему, а затем возвращались к распитию напитков.

Полагаю, надоедало, когда ты видел это несколько раз, но для Файрфлай это было в новинку и весьма впечатляло.

Почетные гости были одеты в надлежаще неуместный рок-н-ролльный наряд: официальный с ног до головы — черный пиджак, белая рубашка, черный галстук, пояс, и решительно неофициальные синие джинсы-стреч и высокие кроссовки. Записывающая компания также дала нам боевые повязки, на которых было написано 'Peace Sells…But Who's Buying?'. Мы прибыли в полной металлической экипировке, выгрузившись из длинных лимузинов: по одному на каждого члена группы, и еще один для наших сучек.

Так или иначе, эта ночь, которая должна была стать не меньше, чем праздником, обернулась полным разочарованием. Когда мы покинули клуб в конце вечеринки, я заметил, что снаружи припаркован лишь один лимузин. Мы загрузились в него, только парни, и я поинтересовался о местонахождении второго лимузина.

"Лана его взяла" — сказал Крис, ссылаясь на свою девушку.

Я почувствовал прилив гнева.

"Какого хера твоя сука крадет наш лимузин?" — сказал я.

Больше ничего не требовалось. Крис, никогда не отказывавшийся от драки, даже если знал, что проиграет, сказал мне: "Отъебись". Я ответил ему ударом ноги в лицо. Гар быстро вмешался, пытаясь прекратить драку и защитить своего приятеля, заломив мне руки, но я вырвался и начал бить его. К тому времени водитель лимузина стал на нас кричать. Эти парни мирились с большим количеством дерьма, но думаю, мы перешли все границы. Он повернул машину к обочине и припарковал ее.

"Хочешь подраться? Тогда вылезай к черту из моей машины!" — кричал он.

Военные действия мгновенно прекратились. Думаю, мы все были несколько смущены. Каждый из нас извинился за свое поведение, а затем мы принялись улаживать возникший конфликт. И каково это после попытки оторвать голову друга? Ну, ты делаешь то, что бы сделал любой опытный наркоман: ты едешь в центр и покупаешь кучу героина. Я пересел на заднюю часть лимузина, прямо рядом с Крисом, глядя на его опухшее в

синяках лицо, и накурился до потери сознания. Это казалось самой естественной вещью на свете.

‘Peace Sells…But Who’s Buying’ был выпущен в ноябре 1986-го, примерно через год после того, как мы впервые вошли в студию. Альбом был провозглашен одновременно успешным с точки зрения критики и коммерческим прорывом, и в конце концов он достиг платины. Думаю, он хорошо держится даже сегодня; альбом звучит сыро и мощно.

И я горжусь этим. Мне по-прежнему нравится его обложка, возникшая из разговора в обеденное время в клубе Нью-Йорке, через дорогу от Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Эллефсон и я находились там с нашим агентом, Энди Саммерсом, и мы просто начали мозговой штурм. К концу этого разговора мы пришли к идее изобразить Вика, стоящего перед Ассамблеей ООН вскоре после ядерного взрыва, пытающегося продать имущество — вместе с посланием, разумеется. Это стало квинтэссенцией обложки ‘Peace Sells’.

Тем не менее, гастроли в поддержку ‘Peace Sells’, обернулись опытом по мастурбации. Я внимательно следил за Металлика, чей третий альбом, выпущенный на несколько месяцев ранее ‘Peace Sells’, возвел группу в ранг суперзвезд. Я не думал об этом постоянно, но и не сбрасывал со счетов это обстоятельство. Не могу сказать, что я завидовал их успеху. Это будет постоянной темой на протяжении всей своей карьеры.

Этого было недостаточно для процветания Мегадэт; я хотел, чтобы Металлика облажались.

В то время как злорадство могло быть вполне разумным, естественным человеческим ответом, оно также имеет тенденцию являться заряженным потенциалом для кармической реакции. В сентябре 1986 года, когда мы наносили последние штрихи на ‘Peace Sells’ и я готовился обогнать Ларса и Джеймса в гонке за хэви-металлическое лидерство, я вдруг получаю телефонный звонок от подруги из Нью-Йорка, чьим прозвищем было Метал-Мария, она работала на Джонни Зи. Я познакомился с ней во время своей поездки с Металлика по Восточному побережью. На протяжении многих лет, мы поддерживали связь друг с другом, и виделись, когда она время от времени приезжала в Лос-Анджелес. Однако, теперь, она звонила по телефону, рыдая в истерике.

“Это Клифф” — всхлипнула она. “Он мертв”.

Я понятия не имел, о чем она говорит. Поначалу я думал, что она имеет в виду Клиффа Калтери из Комбата, но затем понял, что Мария даже не знала его.

“Какой Клифф?” — спросил я.

“Клифф Бёртон” — сказала она. “Произошла авария”.

Мария рассказала мне об этом. Металлика находились на гастролях в Швеции, и автобус группы опрокинулся после наезда на пятачок льда. От удара Клифф был выброшен через окно и раздавлен, когда автобус упал на него сверху.

Мне нечего было ответить на это. Я просто стоял, сжимая телефон, чувствуя так, словно кто-то ударил меня в живот. Последнее время мы не общались с Клиффом, но я все еще считал его своим другом. Если бы я питал какой-то длительный гнев к Ларсу и Джеймсу, ладно…но невозможно было испытывать подобную степень неприязни к Клиффу. Он был просто слишком порядочным человеком.

Какой бы ни была причина — чувство вины, гнев, печаль — я повесил трубку, сел в машину и поехал в город, чтобы купить немного героина. Я раскурился, сидел и плакал некоторое время, а затем взял гитару и начал писать. За один присест я написал всю песню: 'In My Darkest Hour', которая появится на следующем альбоме Мегадэт. Это довольно занимательная композиция, текст песни был скорее о моих сложностях в отношениях с Дианой в то время, чем о чем-либо еще. Но музыка — звучание и атмосфера песни, были инспирированы болью, которую я ощущал, услышав о смерти своего друга.

Клифф и я на самом деле не обменивались рождественскими открытками или чем-то подобным, но я по-прежнему чувствовал, что он мне близок. Мы проводили вместе время в Сан-Франциско, все эти дни по дороге на репетиции, и я никогда не чувствовал к нему ничего кроме любви. Клифф был открытым, я хочу сказать, в хорошем смысле. Он не был загадочным; он был в точности тем, кем выглядел, без какого-либо притворства.

Несколько месяцев спустя, на концерте в Сан-Франциско появились родители Клиффа, и у нас выдалась возможность немного поговорить. В какой — то момент я представил их зрителям, что было встречено искренней теплотой и сердечными аплодисментами. Затем мы сыграли 'In My Darkest Hour'.

“Эта песня” — сказал я. “Звучит в память о Клиффе”.

Вы куете железо, пока горячо, так? Для группы, которая только что выпустила получившую одобрение критиков и коммерчески успешную пластинку, это означает лишь одно: отправиться в путь. Я жил чемоданами и гостиничными номерами большую часть четырех лет во второй половине 1980-х, и с помощью ‘Peace Sells’ тяжелая работа развернулась не на шутку. Не то чтобы это было большим бременем. На самом деле лучше было быть в дороге, чем находиться дома. У меня не было дома; ни у кого из нас не было. Возвращение домой означало жить за чужой счет. Жизнь в дороге была проще, если не всепрощающей.

У Гара было занятие, которое он доводил до совершенства. Как только мы въезжали в новый город, Гар подходил к окну и говорил какому-нибудь прохожему: “Эй, чувак, не знаешь, где находится район красных фонарей?”

“А?” (Этот ответ был всегда первоначальным ответом).

“Мне нужны девушки” — говорил Гар. “Где мне их найти?”

Никогда не требовалось много времени, чтобы получить необходимую информацию, и довольно скоро Крис и Гар были на противоположном конце города, выслеживая проституток и оплачивая их услуги, но не занимаясь с ними сексом. Целью было не потрахаться — это обычно происходило после концерта и не требовало никакой оплаты. Скорее, целью было сделать так, чтобы тебе стало хорошо, а потом это надоедало.

Всегда именно в этом порядке. Гари делал это с большой частотой, чем Крис, и также с большим безрассудством. Нам приходилось ехать в некоторые довольно опасные районы, чтобы вытащить его. Мы бродили по борделям, предлагая им детальное описание Гара, что должно быть звучало весело: “Он выглядит как саранча, в черном кожаном жилете и разноцветных высоких кроссовках. Не видели такого?”

Значительная часть каждого дня была посвящена тому, чтобы стало хорошо и пребывании в этом же состоянии, иногда до нелепого комического эффекта. Как-то ночью во флоридском отеле Гар нашел героин, распределяя его между всеми остальными, а затем пошел в ванную и ширнулся. Он также прочистил свой кишечник, и когда я зашел воспользоваться туалетом после него, сочетание запахов было чересчур для моего нежного обоняния. Когда я вышел из ванной, волна тошноты накрыла меня, и вдруг я понял, что меня сейчас вырвет. Не желая бежать обратно в ванную и блевать в раковину, которая и стала причиной моего дискомфорта, я попытался найти другое место. Но, к сожалению, другого не было. Когда мой живот стал делать рвотные позывы, я запаниковал и засунул голову в шкаф.

Буэээ!

Через несколько секунд я почувствовал, как кто-то толкает меня сзади, крича непристойности.

“Убирайся с дороги, чувак!”

К моему удивлению и отвращению Крис Поленд упал на колени и начал копаться в моей блевотине, черпая ее и пропуская сквозь пальцы. Снова и снова и снова.

“Господи, Поленд. Какого хера, чувак?!”

Он взглянул на меня дикими глазами, а затем вернулся к поиску золота.

“Ты испортил мое дерьмо!”

Незаметно от меня Крис спрятал свой тайник с героином в углу шкафа, под полотенцем, которое теперь было пропитано моей блевотиной.

Итак, вы видите, все это имело смысл. Мы упали в кроличью нору, и оттуда не было легкого пути обратно.

Драки стали настолько распространенным явлением, что мы едва ли задумывались об этом. Я не имею в виду безобидные действия над маленькими сучками — я имею в виду серьезные, кровавые, наркоманские бои, в которых Крис часто получал самые тяжелые повреждения. Даже Скотт Мензис, который любит Криса по сей день, время от времени выходил из себя. Одно такое эпическое столкновение состоялось, как обычно, дайте-ка подумать, из-за тяги к наркотикам.

“Чуууувак, что скажешь? Два пятьдесят? Два пятьдесят?”

Это говорил Джей Джоунс. Мы ехали по федеральной автостраде на юге, путешествуя от одного концерта к другому в нашем Виннебаго, пытаясь не заснуть, пытаясь убить время.

“Что за херню ты несешь, Джей?”

Он улыбнулся. “Два пятьдесят на брата. Это все что нам потребуется”.

У него был план поклянчить у каждого из нас сдачу из кармана, так чтобы мы могли купить двадцатидолларовый пакетик с героином. Затем Джей расплавил его, пропустил через пипетку, и выжал несколько капель чистого жидкого героина прямо нам в нос, пока мы ехали по шоссе.

В то время это казалось хорошей идеей. Гениальной, на самом деле. Но мы также бухали и нюхали кокаин, и это сочетание превратило в ад этот волшебный автобус. Крис, по привычке начинал молоть чепуху и буянить, так что довольно скоро Скотт вытащил нож и начал яростно колоть им по приборной доске, как я догадался из чистой неудовлетворенности. Фактически то, что он также находился на сиденье водителя, лишь добавило безумия этому действу, что было позже подмечено Поландом, который начал прикалываться над своим приятелем.

По большей части Скотт был великодушным парнем, но если вы провоцировали его, то делали это на свой страх и риск. Впервые я увидел его, когда он шел по сцене, держа в руках стофутовые усилители в каждой руке. С длинными вьющимися волосами и бочкообразной грудной клеткой, он напоминал мне Пола Буньяна. Он медленно закипал, но когда он выходил из себя…берегитесь.

Скотт припарковал дом на колесах к обочине и набросился на Поленда. Двое мужчин недолго боролись, и почти сразу Скотт

овладел ситуацией. Он схватил Криса за лодыжку, перевернул его вверх ногами и прошелся по его черепу: Бах! Бах! Бах! Будучи одним из лучших коперов всех времен Скотт завершил поединок, выбросив Криса в кювет. Мы подумали о том, чтобы оставить его там, просто уехав с того места и никогда с ним больше не разговаривая. Но затем мы подумали, что такие мысли посещали нас и раньше. Вместо этого мы все сели в дом на колесах, в различной стадии опьянения и подождали, пока ситуация разрядится. Через несколько минут дверь дома на колесах открылась, и туда зашел Крис, выглядя робко и болезненно.

“Извини, чувак” — сказал он Скотту.

“Да, хорошо”.

И мы поехали.

К МакАллену, техасцу и одной из первых наших возможностей использовать пиротехнику. МакАллен находился почти на самой границе США, и поэтому естественно, Крис рассматривал это как возможность получить немного дешевых и экзотических наркотиков.

Моя реакция на это?

“Да ты, наверное, шутишь”.

Не то чтобы я был против получения наркотиков. Я лишь подумал, что план был самоубийством. Я представил, как Криса останавливают на границе и в конечном итоге он оказывается в убогой мексиканской тюрьме на следующие двадцать лет, выбрасывая тараканов из своей еды и выдавливая паразитов из своей задницы. Криса по-видимому подобная проблема не мучила. Он был, по крайней мере на тот момент, самым бесшабашным парнем из тех, что я знал. Конечно же, он вернулся пару часов спустя в целости и сохранности, вооруженный чем-то под названием Мандракс, что на самом деле выпускалось под маркой метаквалона. Другими словами…куаалюдс. Они производились в жестяной упаковке и казались законными, но тем не менее, я был скептически к этому настроен. Я прожил в Южной Калифорнии всю свою жизнь, и знаю, как люди набивают пассажирские места в автомобиле, когда переправляют машины через границу. Торговля наркотиками процветает; это было вовсе не то, чем кажется. Если там и были этикетки, то на них говорилось УПОТРЕБЛЯЙЕ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК.

Само собой, Крис употреблял. И преодолевая свой первоначальный скептицизм, я тоже употреблял.

В ту ночь наркотики были сравнительно безопасными и эффективными, предлагая успокаивающий эффект, пока мы не вышли на сцену. Площадка была какой-то жопой, и я беспокоился о том, как пройдет наше выступление. Поэтому когда парень,

работавший в клубе спросил, не хотим ли мы попробовать немного пиротехники, я был не против. Все для поклонников, не так ли?

“У меня есть один” — сказал он.

“Что один? Один ряд, один заряд?”

“Один фугасный заряд. И все. Но этого будет достаточно, поверь мне”.

Я дал ему указание взорвать заряд, когда кивну, прямо перед началом 'Skull Beneath The Skin’. Однако к этому времени мы все начали ощущать на себе последствия приема Мандракса, который не давал нам пощады, стремясь полностью нас опустошить.

В сочетании с тем, что можно щедро описать в качестве необычной сценической конфигурации, у нас был потенциал для катастрофы. Поскольку клуб был относительно небольшим, столики из фанеры использовались для расширения сцены. В этом не было никакой проблемы, за исключением того, что в стремлении быть изобретательным, промоутер повалил столики; вместо того чтобы быть равномерно распределенными перед сценой, они были собраны в шахматном порядке, с парой случайно зияющих дыр четыре фута в ширину и восемь в длину, отделящих группу от публики. Признаю, что это выглядело немного клево, но это было вероятно плохой идеей.

Такой же, как когда мы были готовы сыграть 'Skull Beneath The Skin’ и я подал сигнал, и заряд взорвался.

БА-БАХ!

Следующий звук, который вы должны были услышать в этот момент — как Гар ударяет по ударной установке. Вместо этого то, что вы услышали бы, было нечто похожим на звук двух карандашей, падающих на пол. Я взглянул на Гара; он был с пустыми руками.

О черт! Я забыл сказать ему о заряде.

Взрыв настолько напугал Гара, что он выбросил барабанные палочки. И это было самое худшее. Большинство барабанщиков держат по меньшей мере одну дополнительную пару барабанных палочек рядом с ударной установкой, когда выступают на сцене. Иногда даже две или три. Но Гар был настолько небрежен со своим оборудованием, что это была его последняя пара палочек. Следующее, что я вижу, это как Гар вылезает из своей барабанной установки и бежит к передней части сцене, чтобы вернуть свои палочки.

Такая вот ночка была.

Отыграв еще несколько песен, я взглянул направо, где стоял Крис Поленд и не увидел там ничего. Но его гитара продолжала играть. Вдруг Крис выскочил из одного из отверстий в передней

части сцены, и кровь сочилась по его руке. Не переставая играть, он вскарабкался на свое место и продолжил играть, как хэви-металлическая версия «Убей крота».

Когда Крис улыбался, я мог лишь покачать головой в недоумении. Я знал, что так не могло продолжаться вечно. В конце концов кто-нибудь бы умер от передозировки или погиб в автомобильной аварии или может быть даже убил бы одного из своих коллег по группе. Потенциал для катастрофы был практически неисчерпаемым. Вопрос был лишь в том, кто из нас станет первой жертвой?

Глава 9: Закат западной цивилизации

“Ты не удержишься в этом темпе. Ты либо перегоришь, либо умрешь”.

Классический состав времен ’Peace Sells…But Who’s Buying?’: Дэвид Эллефсон, я, Гар Сэмьюэлсон и Крис Поленд перед концертом (или кулачным поединком).

Фотография сделана Гаральдом О.

Это должно было быть вмешательством, но по ощущениям было похоже на то, что меня вызвали в кабинет директора.

Было начало 1987 года, и в одно из межпоколенческих парных выступлений, которые иногда проходят ужасно криво, Мегадэт выступали на разогреве у Элиса Купера в его турне в поддержку альбома Constrictor. Хотя, в данном случае это был хитрый маркетинговый ход с начала и до конца. Элис, который был одним из наиболее популярных рокеров 1970-х, находился в процессе восстановления своей карьеры после пары музыкальных просчетов и личных проблем. Несмотря на то, что его

коммерческий пик уже миновал, Элис все еще имел обширную и горячую армию поклонников и большое уважение среди коллег по цеху. Лично я был большим его поклонником еще с детства, когда ‘Welcome To My Nightmare’ находился в постоянном обороте у меня дома, поэтому я был взволнован гастролями с ним и его группой. Для нас это была возможность увеличить свою аудиторию; для Элиса это был шанс привлечь к себе новое и молодое поколение. Центральная аудитория Мегадэт, в конце концов, в отличие от аудитории Эллиса Купера была не такой, как была его пятнадцать лет назад: это были подростки, предпочитающие громкую, быструю, опасную музыку.

Элис прошел через собственные проблемы, связанные с наркотиками и алкоголем, но довольно здорово прошел очищение от этого. Не было недостатка в тусовщиках в его окружении, включая заклинателя змей, в чьи обязанности входило ухаживание за боа-констриктором, который составлял Элису компанию на сцене. У этого парня была упаковка шприцов, которыми он пользоваться для того, чтобы успокоить змею, поэтому с ней можно было безопасно обращаться, но иногда он испытывал эти препараты на себе.

Тем не менее, Элис был трезв и здоров, как правило, с непринужденным отношением ко всей сцене, так долго, пока это не вмешивалось в саму музыку. Другими словами, он был настоящим профи.

Однако, после того, мы провели некоторое время в дороге, Элис стал проявлять озабоченность по поводу выходок Мегадэт. Не могу сказать, верил ли он в то, что мое поведение было хуже, чем чье-либо. Думаю, что вероятно я ему понравился, и он видел во мне лидера группы, поэтому считал меня ответственным за все сумасшествие, что окружало Мегадэт. В любом случае, однажды вечером он попросил меня остановить его туровой автобус, чтобы немного потрепаться. Он не был ни агрессивным, ни снисходительным. Он не обращался со мной как с ребенком, скорее как с другом.

“Я все это видел, я прошел через это все” — сказал Элис. “И все это просто не работает. Ты просто не удержишься в этом темпе. Ты либо перегоришь, либо умрешь”.

Я слушал его, кивал в нужных местах, благодарил его за заботу и поддержку, и по большей части проигнорировал все, что он говорил мне. У меня было слишком много уважения к Эллису, чтобы спорить с ним, но я был слишком глубоким в своем отрицании, и слишком много веселился, чтобы обдумывать по существу его советы.

На самом деле это довольно просто: когда ты наркоман, ты

не слушаешь людей.

Для тебя не имеет особого значения, что говорят или делают другие. Очень редко ты найдешь человека с проблемами с наркотиками или алкоголем, который легко поддается влиянию.

Очень редко разговор выглядит так: “Эй, чувак, ты должен бросить пить. Пройди очищение”.

“Серьезно? Ты хочешь сказать, что мне не следует ловить кайф и пробираться через линию этих шведских моделей в бикини? Хорошо, ты прав. Я остановлюсь. Спасибо за то, что позаботился обо мне, братан”.

Этого недостаточно для тех, кто хочет, чтобы вы изменились. Этого даже недостаточно для того, чтобы ты сам захотел измениться. Тебе придется захотеть хотеть этих переен.

Это тонкое, но важное различие. В то время меня даже близко не было к этому.

Я наслаждался вечеринками, но мне также нравился секс, и власть, которая с ним приходит. Для меня стоять на сцене, видя вокруг море парней, скандирующих нараспев мое имя и их девушек, готовых снять с себя одежду ради меня, было крайней степенью поддержки. После всех тех лет, проведенных в роли невидимого, худощавого рыжеволосого парня в школе, я стал самым крутым парнем в зале. И мне это нравилось.

Я испытал каждый аспект рок-н-ролльной жизни, в которой наркотики и алкоголь были просто самыми опасными и изнурительными. Когда Эллефсон и я жили вместе, иногда я просыпался утром и первое, что видел сквозь мутные, налитые кровью глаза, это Джуниор, сидящий на стороне моей постели.

“Привет, Джуниор”.

“Привет, Дейв. Кокаина не хочешь?”

“Эээ…конечно”.

Именно так все и было. Прощай, детка, прощай. Два, три дня за раз. Эллефсон был моим приятелем и непременным спутником, к тому же он был проницательным парнем.

Он знал, что если накурит меня утром первым делом (и давайте будем честны — ему не приходилось засовывать наркоту мне в руку), я оплачивал всю оставшуюся часть дня. Я не возвражал, поскольку Джуниор был моим корешем. Надираться вусмерть и гоняться за девушками гораздо приятнее, когда вы делаете это вдвоем.

Что касается Гара и Криса, думаю, что должен кое-что прояснить: не их пристрастие к наркотикам привели к их увольнению из Мегадэт, а последствия их злоупотребления наркотиками привели их к увольнению. На протяжении большей части первых лет существования группы употребление

наркотиков было распространенным явлением в Мегадэт. Каждый из нас заплатил свою цену за сделанный выбор. Насколько высока цена зависело в основном от того, насколько хорошо или плохо мы были способны уравновешивать самоубийственное поведение с законом и порой изнурительной работой будучи хэви-метал группой с платиновыми продажами. Не буду преуменьшать свой вклад в нисходящую спираль, но истина заключается в следующем: Гар был наименее подготовленным человеком, чтобы справиться со своим пристрастием к наркотикам, а за ним по пятам следовал Крис. Джуниор и я занимали соотвественно отдаленно третье и четвертое места (ладно, может быть не совсем отдаленно). Мы также были членами-основателями группы, доминирующей творческой силой, и таким образом несли бремя со степенью ответственности, не разделяемой Крисом и Гаром. Уверен, что чувствовал это острее, чем Дэвид, поскольку я также написал основное большинство материала группы, и давление способствовало эпизодам, к которым другие ссылаются как к маниакальным, но я просто вспоминаю это как подогреваемое алкоголем и наркотиками безумие.

Гар терял свое место в Мегадэт медленно, а затем потерял все и сразу. Мы приняли нового барабанного техника во время остановки в Детройте, прежде чем сыграть в панк-рок клубе под названием Блонди. Будучи там, ко мне подошел подросток в грязной желтой футболке и смешными узкими джинсами. Его глаза были налиты кровью, а волосы были длинными и спутанными.

“Эй, чувак, не нужна помощь с настройкой барабанов?” — спросил он.

Я понятия не имел, кто он, но на самом деле, да, нам обычно нужна помощь в настройке барабанов.

“Поговори с Гаром” — сказал я.

Тогда парень побрел прочь и завязал разговор с Гаром, и следующее, что вы знаете это то, что он стал барабанным техником в Мегадэт. Ну, на самом деле он не считал себя “барабанным техником”, скорее роуди. Но это не имеет значения — описание работы было важнее, чем само название, и оказалось, что этот парень, которого звали Чак Белер, знал немало об ударной установке. Ему был 21 год, и он уже был ветераном в парочке различных панк-рок групп. И хотя он вырос на Среднем Западе, Белер не постеснялся прыгнуть в автобус с Мегадэт той же ночью. Поэтому если вам нужна работа в рок-н-ролле, детки, вот вам мой совет: будьте готовы ответить, когда придет возможность.

Самое замечательное в Чаке было то, что он не только мог

настроить ударные Гара, он также мог быстро сориентироваться и сыграть. Это означало, в течение многих ночей, когда был Гар нездоров или примерно во время нашего саундчека, нам не приходилось ждать, пока он заявится. В результате мы на самом деле стали звучать лучше, когда играли вместе. Вместо того, чтобы добираться до места проведения и настраиваться на лету, поскольку барабанщик находился в районе красных фонарей (и гитарист, плывший брассом по моей блевотине) мы могли должным образом приготовиться к каждому выступлению, по меньшей мере, с технической точки зрения.

Вот так Чак Белер стал барабанщиком в Мегадэт. Гар продолжал все портить, а Чак просто был там, ожидая своего часа. Скорее не талант, а его постоянное присутствие и надежность снискали ему работу.

Гар и Крис были уволены из группы в ту же неделю, летом 1987-го, сразу после того, как мы завершили гастроли поездкой на Гавайи. Я вернулся из этого последнего этапа турне, надеясь, что ситуацию можно будет спасти, но это оказалось не так. Мы вернулись в Лос-Анджелес, и оказалось, что пропало еще больше оборудования. А затем Крис начал выступать до такой степени, что я просто не мог этого больше терпеть.

Некоторое время и он и Гар были более-менее безвредными, закладывая по частям оборудования, чтобы оплатить свое пристрастие к наркотикам. Теперь это была непрерывная, выматывающая душу борьба. Ближе к концу она стала просто безумной.

Ничего не было хорошо, все было плохо. Пристрастие Гара к наркотикам убило его способность посвящать себя группе, а Крис…ну, я думаю, что Крис хотел больше не хотел оставаться частью Мегадэт или любой другой хэви-метал группы. Он был джазовым виртуозом, видевшим возможность быть частью чего-то большого, и я думаю, противоречия все это время одолевали его.

Несмотря на все это, Гара и Криса больше не было в группе. Они пришли в качестве виртуального пакета услуг, и точно так же ушли.

Замена Гара прошла довольно гладко, так как Чак слишком хотел переехать из Детройта в Лос-Анджелес и стать полноценным членом метал-сцены Западного побережья. Он знал наши песни, знал всех нас, и привнес нечто необычное в группу: прямолинейную динамику, которая резко контрастировала со свободнотекущим стилем Гара. Гар обычно использовал свои бочки и малый барабан, а затем просто делал барабанную дробь по малому барабану на каждый такт. Чак оставил бочки и малый барабан с большим количеством хай-хэтов; это был больше панк-

рокерский подход.

Стиль необязательно стал “лучше”, просто не было никаких сомнений в том, что нас воодушевляло иметь Чака в группе. Это был практически глоток свежего воздуха, чтобы вернуться к прямолинейному, дуболомному хэви-металлу.

Я подумал, что будет облегчением избавиться от Гара и Криса, но это оказалось моим небольшим просчетом, так как я уже давно шел по пути собственного пристрастия к наркотикам. Джуниор и я были того мнения, что мы были лучшими, и неважно, какая у нас была ломка, неважно как затраханы и истощены мы были, нам нужно было подняться на сцену и сыграть. Не просто совершать автоматические действия. Мы должны были переиграть всех, даже если бы это убило нас.

Чак отлично вписался в группу. Он знал, как тусоваться, знал, как играть. Чего еще можно желать? Но нам по-прежнему требовался гитарист, чтобы заменить Криса Поленда. Первым вариантом был парень по имени Джей Рейнольдс, игравший во второсортной группе под названием Malice. По какой-то причине Malice никогда не достигали большой популярности, однако они были серьезной группой с хорошими, профессиональными музыкантами. Впервые увидев Джея, я подумал, что он фантастический, прекрасный кандидат на роль гитариста для Мегадэт. Парень выглядел великолепно: высокий и худой, с длинными светлыми волосами, сапогами до колен, и играл на Flying V. Джуниор и я увидели его в клубе в Резеда, штат Калифорния, и моей первой мыслью было: 'Он настоящий металлист; он то, что нам нужно'.

Я знал, что Джей находился в стадии разработки, что он мог не иметь достаточных навыков, чтобы вписаться и превзойти Поленда. Но я полагал, что мы могли с ним поработать. Я обучал людей, как играть на гитаре и раньше, и желал сделать это вновь.

К сожалению, что касается Джея, идея была практически пустой. Джей был наркоманом с хорошими связями, что оказалось сразу и полезным и вредным для Мегадэт: полезным в том смысле, что Джуниор и я теперь имели до смешного легкий доступ к кажущимися бесконечными запасам наркотиков; вредным в том смысле, что, ну…Джуниор и теперь имели до смешного легкий доступ к кажущимися бесконечными запасам наркотиков. Мы ездили на квартиру к Джею по меньшей мере раз в день.

Закончилось все тем, что Чак Белер переехал в то же самое здание, только для того, чтобы сократить расстояние.

“Это самая умная вещь, которую мы сделали, приняв Джея” — сказал я однажды полушутя.

“Ага…все товары в одном месте”

Я засмеялся. “И никаких посредников”.

У нас не было проблем с Джеем. Он имел отличный вид, был большой личностью, всегда имел деньги. Забудьте о проблемах с наркотиками — если бы Джей был великолепным гитаристом, он мог бы и по сей день играть в Мегадэт, потому что мы настолько хорошо с ним ладили.

Но он не был великим гитаристом.

Джей присоединился к Мегадэт в Мьюзик Грайндер когда мы начали писать новый материал и репетировать, и в конце концов записывать свою третью пластинку 'So Far, So Good… So What!' После двух пластинок наш стиль сформировался окончательно: я играл основные треки на ритм-гитаре и другой гитарист играл единственный трек на ритм-гитаре прямо в центре. Так что я вставлял треки с ритмом справа и слева, а другой гитарист добавлял трек с ритмом прямо посередине. Мы делали это потому, что это придавало каждой песне уникальное звучание, то, что стало фирменным стилем Мегадэт, но также потому что я был лучшим ритм-гитаристом, чем большинство из парней, игравших в группе. Поэтому мы были в студии, и настала пора начать играть Джею.

“Ладно, давай послушаем твою часть” — сказал я.

Ничего. Джей сидел на стуле, глядя в пространство.

“Джей?”

“Ага…эээ…Я дождусь, пока сюда приедет мой учитель гитары, если вы не возражаете, ребята”.

Учитель гитары?

“Ты о чем, чувак?”

“Да нет, все клево” — продолжил Джей. “В данный момент он записывает соло, а потом он приедет поучить меня”.

Джей улыбнулся невинно как ребенок. Было похоже, что он пытался скрывать несколько недель тот факт, что пытался прыгнуть выше головы, а теперь придумал решение. За исключением того, что это не было решением вообще.

Я повернулся к Джуниору, чья челюсть, как и моя, упала практически до пола.

“Нам пиздец” — сказал я.

Он не стал спорить.

Если мы и были обеспокоены тем, чтобы репетировать время от времени, мы могли бы это предвидеть, но при наличии заказанного и оплаченного студийного времени и с быстроприближающимся конечным сроком, у нас не оставалось выбора кроме как принять учителя гитары Джея. Его звали Джефф Янг, и он представил совершенно иной набор проблем,

чем Джей Рейнольдс. На самом деле, если бы вы взяли Джея и Джеффа и объединили их лучшие качества — игру Джеффа и стиль Джея — у вас бы получился один чертовски хороший спид-метал гитарист.

Бедняга Джефф выглядел как Бобби Шерман со своими гладкими, мальчишескими чертами и отлично уложенными волосами, выглядевшими так, словно они подвергались обработке феном каждое утро в течение получаса. Когда он вошел в студию, на нем были топ-сайдеры от Сперри и тихоокеанские серферские шорты, которые облегали почти как женские мини-шортики. Помните, это было еще в эпоху до Джордана, когда дети начали носить баскетбольные шорты, доходящие аж до икр, и все остальные последовали этому примеру. В некоторых уголках мира (не в моем, разумеется) Джефф мог считаться стильным. Но для меня он им не был.

Но он был готов играть материал, предназначавшийся для Джея, и ты не мог не уважать его за это.

“Давай посмотрим, что у тебя есть” — сказал я.

Джефф начал играть, и будь я проклят, если парень не был хорош. Действительно хорош. Как…что-то совершенно иное, чем я когда-либо видел или слышал. В то время по Лос-Анджелесу было немало талантливых гитаристов, большинство из которых были из одного теста: все были мастерами. Но Джефф был иным человеком и тот факт, что его внешность противоречила такому мощному стилю игры, действительно застала мен врасплох. После того, как Джефф немного поиграл, Джуниор и я извинились, чтобы отойти и поговорить с глазу на глаз.

Сейчас, правда, можно сказать, что в то время мы были не в себе. Уверен, что был впечатлен, когда увидел как играет Джефф, так что оставался вопрос о правильности моей оценки.

Тем не менее…

“Он хорош” — сказал Джуниор. “Но знаешь…”

“Да, нам придется пропустить его через Rock School 101”.

Джуниор рассмеялся, прежде всего потому, что он сам был выпускником этой школы. Он знал расписание, знал правила.

Вот одежда, которую ты будешь носить. Вот ботинки. Вот ювелирные изделия, которые нужно носить в металлическом сообществе. Вот, что тебе нужно сделать с волосами (распустить, а не забирать их кверху).

Мы вывели Джеффа наружу и поговорили с ним некоторое время, пытаясь лучше узнать его как личность, но это было довольно тяжело, и у нас было мало времени. Я по-прежнему находился в состоянии некоторого шока по поводу Джея. Джефф вежливо кивнул, ответив на каждый вопрос с верной степенью любопытства, но я с трудом мог подойти к самой важной части. Части, где бы я предложил ему сотрудничество. Я не мог закрыть глаза на эти тихоокеанские серферские шорты и топ-сайдеры. Я не мог видеть его глаза через солнцезащитные очки Vuarnet. Он был таким чертовски симпатичным парнем, и я начал думать про себя: 'Не пожалею ли я об этом?' Я сделал глубокий вдох.

“Джефф, мы хотим видеть тебя в группе”.

Он кивнул, стараясь не проявлять своих эмоций. По сей день я не уверен, имел ли Джефф хоть какое-нибудь представление о том, что его ждет; вполне возможно, что у него не было никаких стремлений кроме как помочь Джею вписаться в Мегадэт. Конечно, он казался удивленным.

“Но есть одно но…” — сказал я.

“Что именно?”

“Тебе придется все поменять”.

Джефф издал небольшой смешок. “Что ты имеешь в виду под словом 'все'?”

“Я имею в виду твои волосы, то, как ты одеваешься, то, как ходишь и говоришь.

Все”.

Джефф провел рукой по своим волосам — мечтам подростков, посмотрел на свои топ-сайдеры от Сперри и тихоокеанские серферские шорты. Я уверен, что ему казалось, что он выглядит великолепно, и во многих частях Вселенной, особенно в Южной Калифорнии в конце 1980-х, возможно так и было. Но не в хэви-метал. И определенно не в Мегадэт. Джефф пожал плечами и смущенно улыбнулся.

“Ладно, чувак. Как скажешь”.

Возвращаясь назад, замена Джеффа на Джея была кадровым вопросом, который мог быть проведен лучше. Я просто позвонил Джею и сказал ему, что он уволен, еще до того, как он был принят. Это было холодно и убийственно, и я сожалею о том, что так поступил. Но подобные решения совершенно естественно

легли на мои плечи; никто другой не хотел нести за это ответственность. Это несколько парадоксально, я знаю (горшок называет котелок черным (хотя сам не белее)), потому что я сам не имел совершенно ясную голову и не был на 100 % надежным. Но, опять же, это была моя группа. Хорошо это или плохо, но я должен был взять на себя бразды правления.

Ремикшировав 'Peace Sells', Пол Лани был привлечен Кэпитол Рекордс для осуществления функций микширования на 'So Far, So Good…So What!' У Пола имелись некоторые впечатляющие полномочия. Дело в том, что, на мой взгляд, это были ошибочные полномочия. Он был весьма известен своей работой с Родом Стюартом, и я не знал об этом до того, как мы уволили его, в противном случае я бы наложил вето на решение лейбла. Род Стюарт, особенно к концу 1980-х, был решительно поп-фигурой; Мегадэт были трэш-метал группой. Верно, что иногда музыкальные формы могут пересекаться. Конечно, существует немало примеров инженеров и продюсеров из одного жанра перекрещивающихся с другими. Хотя, вообще говоря, это затруднительное партнерство. Поп — музыка и метал не являются друзьями. Каждый знает точно, где живет другой и старается соблюдать эту дистанцию. Они выбирают разные улицы, районы, почтовые индексы.

По этим или иным причинам я был настроен скептически. Однако был в восторге от нашей записи и песен, которые мы создали. Чак принес новое измерение в группу, и теперь Джефф также начинал вписываться. *Возможно*, думал *я*, *все это в итоге неплохо сработает*.

К тому моменту в Мегадэт стало уже отчасти традицией включать по одной кавер-версии на каждом альбоме. После 'These Boots Are Made For Walkin' и 'I Ain't Superstitious' мы зарекомендовали себя как группа переигрывающая не стандартные для тяжелого жанра песни, причем только с характерной для нас «металлизацией оригинала». Да, если вы решаете переиграть поп-песню, это идет вразрез с философией металлической музыки, но отличную песню не испортишь. Я понял довольно рано, еще на стадии написания и записи, что хочу включить кавер-версию Sex Pistols на 'So Far, So Good…So What!' Я был старым фанатом панк-рока и давно был по уши влюблен в Pistols. Я предложил 'Problems', одну из моих любимых панк-рок песен, как идеальную песню для кавера, но Джей Джоунс со мной не согласился.

"Если ты собираешься переиграть песню Pistols, то лучше выбери 'Anarchy in the U.K.'" — сказал он. Выбор Джея был одновременно философским и прагматическим. Трудно было

найти еще более известную песню Sex Pistols, чем 'Anarchy In the U.K.'.

Слушатель мгновенно узнавал эту вещь, следовательно, кавер-версия была заведомо коммерчески успешной. “И потом, эту тему стоит переиграть, поскольку вы политическая группа” — добавил он.

С этим я был готов поспорить. Мы писали очень мрачные композиции, содержавшие апокалиптические образы войны и смерти, но это необязательно делало Мегадэт политической группой.

Тем не менее, после некоторых размышлений я согласился с Джеем и мы решили записать 'Anarchy In The U.K.' Самое крутое во всем этом было то, что Стив Джоунс из Pistols сыграл партию гитары на альбоме. Мы не знали, как он воспримет это приглашение, но он быстро его принял. В то время он жил в Южной Калифорнии, и потому буквально через день Стив Джоунс приехал на своем мотоцикле Триумф и вошел в студию с улыбкой на лице и…рукой в гипсе!

“Что, черт возьми, с тобой стряслось?” — спросил я его.

Он засмеялся.

“А, я ехал на мотоцикле в Брентвуде, и какая-то женщина оказалась передо мной. Я пролетел прямо над рулем”.

Но будучи гордым человеком и жизнерадостным панком, Джоунси не собирался позволить такой мелочи как сломанная рука помешать ему играть. Мы посидели вместе и немного поболтали о музыке. Само собой, я был совершенно очарован, поскольку был большим поклонником Pistols, и было настоящим удовольствием находиться рядом с ним в студии. Однако, когда я предложил приступить к работе, Стив сделал удивительную просьбу.

“Мне нужна сотня долларов и немного орального секса”.

Я рассмеялся. Как и Дэвид Эллефсон, который находился рядом со мной в тот момент. Джоунс не засмеялся. “Чувак, ты шутишь, да?”

Никакой реакции.

“Я скажу тебе вот что. Как насчет того, что я дам тебе тысячу долларов и ты можешь сам себе купить алкоголя, потому что я не позову никому спуститься сюда, чтобы сделать тебе минет”.

Джоунси в то время шел к тому, чтобы вести трезвый образ жизни (я не помню, пересек он финишную черту в этом деле или нет) и полагаю, что возможно он просто наебал нас, чтобы посмеяться. Также возможно, что он был абсолютно серьезен.

Несмотря на это, к моему облегчению, все это замялось, и к концу дня Стив находился в студии, играя на гитаре в 'Anarchy In

The U.K.', пока я выплевывал сольные партии в духе Джонни Роттена.

Между тем, как мы записали 'So Far, So Good…So What!' и временем выхода пластинки, выяснился целый ряд вещей, некоторые были хорошими, некоторые были не очень. Среди первых было появление "Заката Западной Цивилизации, Часть 2: Годы Металла", документального фильма Пенелопы Сфирис о хэви-метал сцене конца 1980-х в Лос-Анджелесе. "In My Darkest Hour" была включена в саундтрек к фильму, и я также поучаствовал в рекламном плакате для фильма. Довольно примечательно, учитывая нашу привязанность к наркотикам и разврату, что парни из Мегадэт получились самыми умными и наиболее вдумчивыми музыкантами в фильме. Не знаю, говорит это больше о нас или об общем состоянии хэви-металла в конце 1980-х. Полагаю, что и о том, и о другом. По моему мнению, Пенелопа, которая также выступила режиссером видеоклипа Мегадэт 'Wake Up Dead' с пластинки 'Peace Sells', была настоящим гением; она прекрасно передала атмосферу той эпохи во всем своем славном, саморазрушительном упадке.

'Закат Западной Цивилизации, Часть 2' была оценена по достоинству критиками и сочтена помогающей убить движение глэм-рока в Южной Калифорнии. За это одно Пенелопа заслуживает одобрительного похлопывания по спине.

Несмотря на наш успех и очевидную восходящую траекторию, у Мегадэт все еще были проблемы. И Джефф Янг и Чак Белер быстро погрузились в атмосферу группы, и большую часть времени я отказывался принимать очевидное в той степени, к которой мы все подходили — потере контроля. Это проявлялось как в трагическом, так и в комическом смысле, и иногда и трагичикомическом.

В какой-то момент в середине 1980-х годов я готовился пойти на свидание с Белиндой Карлайл, бывшей вокалисткой почти чудовищно популярной девичьей группы под названием Go-Gos, которая в то время выступала в качестве сольного исполнителя. В данном случае, я был более чем счастлив отложить на время свои принципы относительно того, чтобы заводить случайные знакомства между поп-музыкантами и металлистами. Белидна была великолепна, и в то время она была просто вездесущей (и при этом не была замужем). Я понятия не имел, была ли она фанаткой Мегадэт или музыки хэви-метал в целом. Я лишь знаю, что через посредника должен был встретиться с ней, и мы должны были отправиться на старомодное "свидание". Белинда пришла в Мьюзик Грайндер, когда мы начали микшировать So Far, So Good…So What! К сожалению, тогда время с ней могло пройти

намного лучше. Незадолго до того, как она приехала, я закончил нюхать воздушный шарик с героином. Когда она постучала в дверь, я бросил пустой шарик за комод и затянул носом дорожку — лучше сладкий запах травы, чем едкий запах герыча. Белинда зашла в комнату, выглядя поистине ослепительно, и должен добавить — трезво, и улыбнулась.

“Привет” — сказала она.

Я попытался подавить полные дыма легкие, но безуспешно.

“Ух-ха” — рявкнул я, выпуская облако серого дыма в воздух.

Белинда повернулась на каблуках и вышла из комнаты. Так и завершилась эта лавстори. Я предполагаю, что все было обречено на это с самого начала.

Когда So Far, So Good был практически завершен, и требовалось лишь окончательное микширование, чтобы завершить его, Пол Лани решил, что он найдет большее вдохновение в северной части штата Нью-Йорка, чем то, что было доступно в Южной Калифорнии.

“Поедем в Бирсвиль” — сказал он.

“Куда?”

"Бирсвиль. Это рядом с Вудстоком".

Вудсток…

То, как он это сказал было похоже на то, если он б он говорил Шангри-Ла. Само собой, до меня дошло. Вдохновение важно, когда ты делаешь музыку или работаешь в любом виде искусства, и если Пол думал, что близость к Вудстоку или пастушьим красотам северной части штата Нью-Йорк поспособствует лучшей записи, то я целиком за. До определенного момента.

Бирсвилль Студиос была основана в 1969 году (все верно, в год основания музыкального фестиваля Вудсток, вряд ли это всего лишь совпадение) Альбертом Гроссманом, талантливым менеджер, в чей послужной список входили Боб Дилан, Дженис Джоплин и The Band. Все эти музыканты и многие другие часто называли эту студию домом, поэтому у этого места определенно была сильная репутация. Тем не менее, Гроссман умер пару лет назад, и Бирсвиль Студиос скоро грозит упадок. Не могу сказать наверняка, начался ли этот процесс к тому времени, когда мы приехали туда микшировать So Far, So Good. Знаю лишь точно, что прошло лишь несколько дней, а я уже был сыт по горло Вудстоком. Мое раздражение имело мало общего с сельским окружением и всем, что было связано эксцентричностью Пола Лани.

Должен признать, что не питаю огромной любви к этому предприятию. Черт возьми, я был наркоманом, и выйти на дорогу — проблема для любого наркомана. Это была работа для двоих,

лишь я и Пол, и у меня был лишь небольшой тайничок с героином, который я взял с собой в поездку, поэтому понимал, что довольно скоро оттуда сбегу. Перелеты через всю страну и отсиживание в некоторых удаленных местечках подразумевали столкновение с реальностью, и то, что в конечном итоге мои запасы снизятся до минимума и мне будет очень плохо. Как только мне становилось плохо, все начинало рушиться. Я терял свою способность сосредотачиваться, концентрироваться, работать.

Главным образом, я терял терпение, работая с Полом. Все в этом парне бесило меня, начиная от его настойчивости в уроках этикета во время еды ("Дейв, вот как нужно правильно держать ложку") до его безумно дотошного подхода к процессу микширования. Через несколько дней раздражение перешло в презрение, вплоть до того момента, когда я не мог смотреть на этого долбанного парня без небольшого чувства тошноты.

Как назло, в то же самое время в Бирсвилль Студиос записывалась другая группа, и ею оказалась группа с аналогичными ощущениями: Raven, очередная группа, на которую повлияла Новая Волна Британского Хэви-Метал. Мы начали немного тусоваться вместе, и когда они уехали, по какой-то причине, не могу объяснить, почему именно, для меня стало кристально ясно: Пол Лани не тот, кто нам нужен.

Всякий раз, когда мы вносили изменения в процессе производства или на стадии микширования, решение исходило от записывающего лейбла. Однако, на этот раз, оно лежало на мне. Я должен был бороться за то, чего хотел, и эта перспектива не казалась мне приятной. Но мне пришлось этим заниматься. На следующее же утро, как по расписанию, твою мать, я проснулся и сделал себе чашечку кофе. Стоя на кухне и протирая заспанные глаза, я выглянул в окно и увидел то, что не поддавалось объяснению. Там находился Пол Лани, уважаемый продюсер мейджор-лейбла, волочащийся из леса в нижнем белье. Вид этого пекаренка Пиллсбери, полуголого, кормящего оленя яблоком с руки (с удаленной сердцевиной и очищенным, кстати говоря) было больше, чем я мог принять.

Мне нужно было уехать. Уехать прямо сейчас. Сегодня.

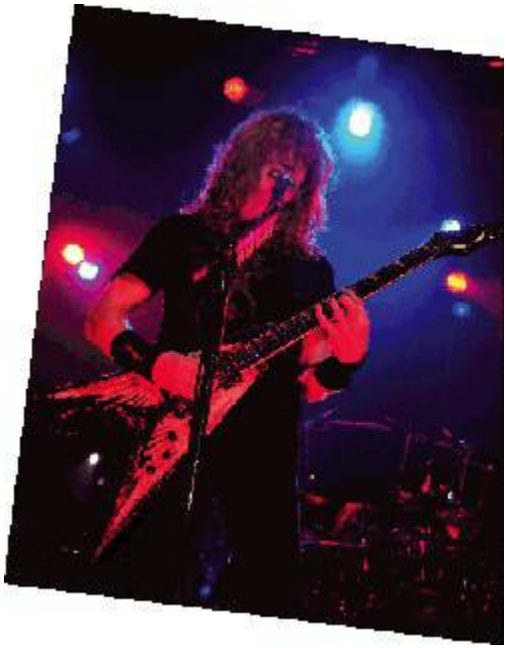
Через несколько часов я уже летел рейсом на Лос-Анджелес. К концу недели мы уволили Пола Лани и приняли немецкого звукоинженера Майкла Вагенера для микширования. Майкл работал со множеством рок и метал группами, включая Металлика, однако он оказался сущей ошибкой на So Far, So Good похоронив все под слоем реверберации и в целом придав записи грязный звук.

И хотя в конечном счете эта пластинка достигла платинового статуса, реакции критиков на альбом были неоднозначными. Мне досталось за коверканье текста песни к 'Anarchy In The UK', и в целом музыкальная пресса отнеслась к пластинке не так хвалебно, как к предыдущим релизам наших первых двух записей. Ничего удивительного в этом нет — в конце концов, мы не были новичками, и существует тенденция относиться к любой новой группе мягче, чем к более опытной. На Мегадэт ставки были выше. Как и ожидания.

Именно после выхода So Far, So Good я начал развивать в себе умение быть нечувствительным к критике. До того момента я был королем звука, и пока я старался не позволить паре плохих рецензий повлиять на мой взгляд на всю музыкальную индустрию или повлиять на мою позицию в отношении маркетинга и рекламы, они безусловно, оказывали на меня влияние. Я начал переставать обращать внимание на рецензии и обращать более пристальное на поклонников Мегадэт и на то, как они реагируют на нашу музыку. Для меня рецензии всегда имели некоторую биполярность: "Он великолепный гитарист, но его пение похоже на траханье двух кошек". Даже если это так, через некоторое время это мнение устаревает. И вообще, я никогда не понимал критический анализ, ставящий подлость превыше всего остального.

Я не тот парень, который любит вести счет, когда дело касается СМИ (поскольку это разговор о заведомо провальной затее). Все-таки следует оценивать роль самого музыканта. В конечном счете, его работа заслуженно получит признание или будет заклеймена позором; его работа говорит сама за себя.

Вкладыш иллюстраций



Фотография сделана Дэниэлом Гонзалесом Торисо

Единственные сохранившиеся у меня школьные фотографии. Возраст варьируется от 3-х до 12-ти лет

Я со своей гитарой B.C. Rich Bich. Концерт с Мегадэт. Фотография сделана Уильямом Хейлом

Вот так она выглядела, пока я не перекрасил ее в черный цвет. Фотография сделана Брайаном Лью

Джеймс, Ларс, Рон и я после выступления в клубе The Whisky в Лос-Анджелесе.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Саундчек Мегадэт с Керри Кингом на гитаре в Беркли, 1984 год.

Фотография сделана Брайном Лью

Снимок из видеоклипа 'Wake Up Dead'.
Фотография сделана Робертом Мэтью

Гордо демонстрирую свою Jackson King V, свою первую именную гитару.

Фотография сделана Уильямом Хейлом

Перед концертом в Беркли.
Фотография сделана Уильямом Хейлом

Обожаю эту гитару Flying M. Мы с Джимми Пейджем оба получили награду от Kerrang!

Фотографии сделаны Робом Шеем

Моя дочь Электра

Мой сын Джастис

Со своей прекрасной женой Пэм В 2004 году в нашем первом турне с использованием пиротехники (турне Blackmail The Universe).

Глен Дровер играет на гитаре справа от меня, а Шоун Дровер на ударных.

Фотография сделана Робом Шеем

Глава 10:

Странствующий карнавал

“Это все ради дела. Верните Ирландию ирландцам”.

Открываем выступление Dio в 1988-ом. Слушаю рев толпы на Лонг-Бич Арена — мое любимое место с детства.

Фотография сделана Робертом Мэтью

Я люблю Соединенное Королевство. В конце концов, это родина хэви-металл.

Впервые Мегадэт побывали здесь с гастролями в 1987 году, после выхода 'Peace Sells'. Я по-прежнему был наивен и полон амбиций, готовый завоевать весь мир. Но было несколько вещей, которым мне предстояло научиться. Например, как пить сидр Стронгбоу Супер.

Опрокинув около десятка банок этой хрени как-то ночью в баре отеля, я шатаясь побрел к себе в комнату, чтобы лечь спать. Эллефсон и я были соседями по комнате в этом турне, но в тот вечер он ушел, чтобы попасть на выступление Deep Purple. Я знал, что попал в беду к тому времени, как моя голова коснулась подушки. Стронгбоу Супер выглядело как пиво, по вкусу напоминало сладкий уксус, и в нем было вдвое больше алкоголя, чем в том пиве, которое обычно продается в Штатах. В какой-то момент между тем, как отрубиться и проснуться в середине ночи, я совершенно опьянел. Вдобавок к своей дизориентации я не мог видеть ни хуя. Отели в Англии часто имеют древнюю, замкоподобную структуру, со своими толстыми, звуконепроницаемыми стенами и тяжелыми шторами, высотой от пола до потолка, препятствующими проникновению света. Поэтому когда ты просыпаешься в три утра, и твой мочевой пузырь кричит о помощи, тебе лучше быть в состоянии найти дорогу к ванной комнате в полной темноте.

Во всеоружии во время соло ночью на Лонг-Бич в 1988-ом. Фотография сделана Робертом Мэтью

Это путешествие может стать затруднительным, если ты пьян в жопу.

Я сел на кровати и постарался безуспешно найти лампу или настенный выключатель. Почему безуспешно? Да потому что у них нет настенных выключателей в этом отеле (и в большинстве отелей Англии, как я позже обнаружил); вместо этого, светом служили крошечные кнопки, которые едва выступали над поверхностью стены. Во тьме вы могли провести всю ночь, шаря руками по штукатурке, и вам бы не посчастливилось найти ни одной. Я шатаясь брел по комнате, не в состоянии увидеть ни зги, даже рук перед своим лицом. Наконец, я нашел то, что казалось в тот момент какой-то крышкой. Предполагая, что это было туалетное сиденье (но не особенно задумываясь, так это или нет) я поднял ее, затем опустил шорты и начал ссать.

А…наконец-то.

Затем я вновь наткнулся на кровать и отключился. Так было до следующего утра, когда я понял, что на самом деле произошло. Я проснулся и перед моим взором стоял Джуниор, стоящий над моей кроватью с выражением отвращения на лице.

“Эй, чувак. Это ты нассал в мой чемодан?”

Полтора года спустя, в августе 1988-го мы вернулись в Великобританию в рамках турне Монстры Рока, где также выступали Kiss, Iron Maiden, Guns’N’Roses и Дэвид Ли Рот.

Оно началось эффектным выступлением перед 114.000 поклонников в Касл Донингтон.

Сидр Стронгбоу был наименьшей из моих забот к тому времени. За несколько мгновений до выхода на сцену я сидел в раздевалке, пытаясь сделать трубку для гашиша из жестяной банки, используя небольшой ножик для сыра, который позаимствовал во время бесплатной трапезы перед концертом. Следующее, что я знаю, это кровь, текущая по тыльной стороне руки.

“Твою мать, блядь…”

Я схватил полотенце, смастерил жгут и приложил на несколько минут. Мне и я мог выходить на сцену и играть. Шоу ведь должно продолжаться, не так ли? Дело в том, что я уже был довольно забалдевшим к тому времени, как мы прибыли в Касл Донингтон. Я знал достаточно о наркотиках, чтобы предвидеть худшее: дорога, в конце концов, была жестоким местом для кокаиновых и героиновых наркоманов, и не было никаких средств избежать этого неприятного ощущения. Никто (ну, или почти никто) не был настолько сумасшедшим, чтобы таскать кучу

героина в своем багаже, поэтому на самом деле вы просто принимали тот факт, что когда вы покидаете пределы своей страны для участия в гастролях, вам придется несколько дней провести без приема наркотиков. Чтобы облегчить боль, вы занимаетесь самолечением в любом виде, который подходит вашим нуждам. Вы пьете, курите травку…вы втягиваете носом гашиш через жестяную банку. Все, что может сработать. Со временем, через три или четыре дня, может неделю, вам становится лучше. Можно всегда определить наркоманов на гастролях: они постоянно вынюхивают вокруг, стараясь получить доступ к наркоте, и выглядя так, словно болеют гриппом. А затем, чудесным образом, им всем вдруг становится лучше.

Или не становится.

Если вы находитесь в отчаянии, вы всегда можете перейти к более опасной тактике.

Узнайте, где находятся наркоманские районы, районы красных фонарей и действуйте соответствующим образом. Если вам не хватало смелости, чтобы пуститься на такое приключение, вы могли попробовать более разумный и тонкий подход: поискать помощи у лояльно настроенного медицинского работника.

Это довольно распространенный метод, используемый парнями, которые просто не могут переносить ломку в дороге. Таких было немало в турне Монстры Рока. Черт, даже в Мегадэт и Guns'N'Roses было достаточно накроманов и алкоголиков, чтобы открывать реабилитационный центр.

Воздух был так пропитан напряжением и волнением, когда гастроли открылись, и в самый первый день, в Касл Донингтон, волнение обернулось трагедией, когда двое фанатов были раздавлены насмерть, когда толпа хлынула к сцене во время выступления Guns'N'Roses. Нельзы было относиться позитивно или цинично к чему-то вроде этого. Это было грустно и ужасно, и даже притом, что Мегадэт непосредственно не принимали в этом участие, это сказалось на всех нас. Затем, пару часов после концерта Дэвид Эллефсон вышел из туалета, так сказать, говоря, что покинет турне Монстры Рока, чтобы обратиться за лечением от героиновой зависимости. Теперь, для тех, кто следил за хэви-металлом, не было большим шоком узнать, что член Мегадэт обратился в центр реабилитации. Но почти каждый бы утверждал, что этим членом группы был не я, а Дэвид Эллефсон.

Ряд факторов способствовали выбору времени для этого решения, включая вклад тогдашней девушки Дэвида, Чарли, равно как и чувство подавляющей тревоги, исходящей из давления перед тем, как играть перед более чем ста тысячами людей. Хотя я думаю, что прозрение Дэвида было больше чем что-

либо вызвано желанием покончить с тяготами ломки. Проще говоря, он бежал от героина, и ему требовалось выздороветь.

В итоге Мегадэт были вынуждены выйти из турне Монстры рока, решение, которое имело далеко идущие последствия. Нам пришлось отменить выступления на семи футбольных стадионах, что повлияло на публику в районе полумиллиона поклонников.

Мы говорим об очень серьезных деньгах. Все в этом плане действило бесило меня — начиная от проблем с Дэвидом до последовавшего затем фиаско со СМИ. Каждый в турне знал, что происходит, но по какой-то причине наш агент и менеджер реишили придумать некую нелепую версию правды в духе Spinal Tap, в которой Мегадэт неохотно были вынуждены отказаться от турне после того, как бас-гитарист группы… *поскользнулся в ванной отеля и вывихнул свое долбаное запястье!*

“Ты что, шутишь?” — спросил я. “Это все, на что были способны? Да никто в это не поверит. Абсолютно никто”.

Само собой, никто и не поверил, зато негативные последствия были мгновенными, не только с точки зрения доходов от наших денежных сборов, но также и продаж пластинок, имиджа и репутации группы. Это был один из крупнейших туров в истории металла, и Мегадэт прекратили свое выступление в нем. В мгновение ока настоящая история просочилась наружу и все пальцы стали указывать в мой адрес. Люди уже давно размышляли о моем употреблении наркотиков, но я никогда не говорил об этом публично. Я никогда ничего не говорил, и, само собой, ничего не говорил о Дэвиде.

Поэтому когда он стал проходить курс лечения в реабилитационном центре, люди просто предположили, что в этом была моя вина. Я не особо был заинтересован в том, чтобы винить кого-либо за плохое поведение, вне зависимости мое оно или чужое.

Ответственность имеет превостепенное значение, когда оно касается развития меня как человека, поэтому я довольно быстро называю херней, слыша, как люди ноют о своих несчастьях. Мне проще сказать, что я стал профессиональным героинщиком под руководством Криса Поленда и Гара Сэмьюэлсона, но это было бы несправедливо.

Одинаково несправедливо предполагать, что Дэвид Эллефсон остался бы чист и трезв, если бы не его дружба со мной. Мы все были пассажирами на одних и тех же американских горках. Никто не приставлял ствол к нашей голове и не заставлял нас ехать.

Так же как никто не говорил нам, когда выходить. Каждый из нас принял это решение самостоятельно, с разной долей успеха.

Я последовал его примеру вскоре после Дэвида, тихо и

добровольно пройдя регистрацию в небольшом местечке в Ван-Найс, штат Калифорния. Говорить, что я был силой втянут в реабилитационный процес, было бы смешно. Я принял в этом участие отчасти из-за того, что знал, что у меня была проблема в том, что употребление мной наркотиков становится все более неуправляемым и более болезненным, чем веселым, но главным образом потмоу, что другие предполагали, что это было хорошей идеей. Моя девушка Диана неоднократно предлагала мне помощь, и ее вмешательство, так сказать, происходило из искренности и любви. Другие были настроены более прагматично.

Музыкальная индустрия, о чем я был предостережен, стала носить менее безумный, непредсказуемый оттенок поведения. Если вы хотели защитить свою карьеру, вы, как предполагалось, должны были стать трезвым.

Предположительно.

Я помню, как регистрировался в приемном отделение, заполнял анкету и чувствовал преимущественно печаль. Я был так обдолбан, что все, что еще имело для меня значение, это жить для того, чтобы получать кайф от наркотиков. Не то чтобы я получал кайф между выступлениями или репетициями; я репетировал, когда был под кайфом, я играл концерты, будучи под кайфом. Я ввел себя в очень плохое место. Я нанес боль себе и своим поклонникам. Настало время разрешить эту ситуацию.

За исключением того, что это было не так. Даже близко.

После пары дней лечения я позвонил другу и спросил его, не мог бы он мне принести что-нибудь в медицинское учреждение, чтобы помочь преодолеть боль и скуку.

"Разумеется" — сказал он. “Что тебе нужно?”

“Ты знаешь, что мне нужно”.

“Хорошо, нет проблем”.

Мой друг пришел с визитом ко мне на следующий день, с футляром от гитары в руках. Я сказал медсестрам, что музыка будет иметь расслабляющий эффект; это бы облегчило дискомфорт и тревогу. Они сочувственно улыбались. Как только они скрылись из виду, я сорвал переднюю часть гитары и вытащил воздушный шарик с героином, спрятанный внутри. Было не сложнее перевозить контрабандой героин в реабилитационную клинику, чем переправлять пиццу из пиццерии «У Домино» (чем я тоже занимался в свое время). Спустя восемь дней после регистрации, я вышел не меньшим наркоманом, чем был, когда приехал сюда. Меня заставили подписать бумагу, подтверждающую, что я покидаю клинику “вопреки рекомендациям врача”.

Я взглянул на бланк и засмеялся. “Знаете что? Если кому-то и следует покинуть это место, так это мне, потому что я приносил сюда наркотики, а вам даже не было до этого дела. Вы не настроены всерьез помогать людям”.

Разумеется, правда была в том, что в то время мне не мог помочь никто. И даже некоторое время спустя.

Состав Мегадэт, ответственный за 'So Far, So Good…So What!' просуществовал менее года, уступив в конечном счете под натиском личностных конфликтов, преимущественно обусловленных наркотиками и алкоголем. Багаж Чака Белера включал в себя приятеля, безрассудного гитарного техника по прозвищу 'Гаджет'.

Как-то вечером мы были вдвоем с Гаджетом, когда решили пойти добыть героина на улице Церер. Одним из строжайших правил, касающихся покупки героина было то, что вы никогда не носите это дерьмо на своем теле. Вы носите его в своем теле. Как только сделка была завершена, воздушный шар попадал в ваш рот. Таким образом, если вас останавливала полиция, вы могли проглотить улики. Но что сделал Гаджет? Он запихнул свой шарик между сиденьями в моем кабриолете Z28. Мы даже не успели отъехать, как к машине подбежали люди с оружием.

Фототелеграмма со съемок видеоклипа 'Wake Up Dead' с альбома 'Peace Sells'. Этот снимок сделан внутри самолетного ангара в аэропорту Бербанка, и после съемок поклонники совершили акт вандализма над самолетами.

Фотография сделана Робертом Мэтью

“Поднимите свои гребаные руки вверх!”

Я застыл на месте. Не было ни света, ни сирен. Я даже не знал, были ли эти ребята из правоохранительных органов или же они были просто дилерами, разводящими нас.

Но на самом деле они оказались полицейскими. Я проглотил свой шарик и тут же начал думать о последствиях того, что

произошло. Они начали обыскивать автомобиль, вероятно, изъяли бы то, что искали и я отправился бы в тюрьму. Однако, примечательно, что все произошло совершенно иначе. Вместо этого они арестовали Гаджета, потому что он был тем, кто находился за пределами автомобиля, совершая покупку. Хотя копам не нужен был Гаджет. Им нужен был парень, который продал нам героин. Поэтому они отпустили меня и взяли в оборот Гаджета, чтобы он навел их на дилера. Кончилось все тем, что он попал в тюрьму на несколько дней, попав в одну камеру с парнем, которого сдал. Я заплатил больше пяти тысяч баксов адвокату, чтобы решить эту проблему, но после этого я не был уверен, что мы будем в состоянии держать Чака в группе. Слишком много было безумия, слишком много драмы.

Чак был заменен к весне 1988 года; благодаря жестокой иронии судьбы, его уходу поспособствовал его собственный барабанный техник, во многом так же, как Чак заменил в свое время Гара.

На самом деле это была двухдневная история. Мы играли в Антриме, в Северной Ирландии, и я находился за кулисами перед концертом, бухая Гиннесс, когда услышал, что кто-то в толпе продает нелегальные футболки Мегадэт. Это было запрещено; на выступлениях Мегадэт единственными, кому разрешалось продавать футболки, были официальные дилеры. Поэтому я сказал: "Кому-то нужно остановить этого парня и забрать эти футболки". Признаю, что детали в этот момент начали становиться немного размытыми. Помню разговор на повышенных тонах в раздевалке и как кто-то пытался объяснить мне что-то о том, что продажи футболок собирают средства для 'дела', и помню как орал на этого парня: 'Да мне похуй на дело; никто не смеет продавать футболки на моем концерте!'

Парень продолжал говорить что-то об организованной религии и об угнетении и нетерпимости. В сущности, он подводил итоги продолжавшемуся конфликту между католиками и протестантами в Северной Ирландии, хотя я не понимал этого в тот момент и поначалу не много знал об этом проблеме. И я был слишком пьян, чтобы обращать на это внимание. К тому времени, как я взошел на сцену, я был совершенно неуправляемым.

Молодой и не боящийся снять с себя рубашку.
Фотография сделана Россом Халфином

Помню, как получил в голову однофунтовой английской монетой, брошеной каким-то парнем. Я пытался найти его, хотел вытащить его на сцену и ударить по голове своей гитарой. Я не был новичком в сценических волнениях, как-то уже ударив ногой видеоэкран во время выступления в Нью-Йорке и избил фаната в Миннесоте после того, как он бросился на сцену. Очевидно, я был чертовски пьяным в обоих случаях, поэтому когда я увидел, как парень пытается взобраться на ограждение и придти за мной, я просто жаждал надрать ему зад.

Охрана остановила его до того, как он успел добраться до вершины ограждения, но настроение было испорчено. Закончилось тем, что я некоторое время находился за усилителями, пока порядок не был восстановлен, именно там я увидел Чака со своим барабанным техником, Ником Менза, оба они курили травку и делали несколько дорожек кокаина.

Я громко рассмеялся.

“Так вот чем вы тут парни занимаетесь?”

В самом деле, именно этим они и занимались там в течение многих месяцев. Мне было насрать. Я вернулся к краю сцены и продолжил играть перед аудиторией, которая к тому времени совершенно впала в неистовство. Последнее, что помню, это как схватил бутылку шнапса, которую Чак всегда держал при себе, и сделал несколько больших глотков. Не помню оставшуюся часть выступления, но мне сказали, что случилось вот что. Я

представил последнюю композицию вечера: 'Anarchy In The U.K.' со следующим воззванием:

"Эта песня ради дела! Верните Ирландию ирландцам!"

Я точно не знаю, что я делал или что говорил. Я уверен в том, что думал, что это нечто отличное, что следует сказать, безобидный, патриотический, боевой клич. В духе Пола Ревера: "Один по суше, двое по морю". Другими словами, невежественная глупость.

Однако на самом деле мои слова создали разделение Красного моря в передней части сцены: католики с одной стороны, протестанты с другой. Что у них было общего, так это состояние алкогольного опьянения и желание подраться при малейшей провокации. И я дал им это. Выступление немедленно завершилось, и мы быстро были выведены из территории в пуленепробиваемый автобус.

Карнавал продолжился, и на следующий день мы отыграли выступление в Ноттингеме, в Англии. К тому времени, как мы отыграли саундчек, Чак был чересчур взмыленным.

В течение некторого времени Ник начал проситься на место Чака. "Я лучший барабанщик, чем он" — говорил он. "Разреши мне сыграть". Теперь он получил свой шанс.

Ник прыгнул за ударную установку и начал играть начало песни, которую я написал пару часов назад, песни, которая позже окажется на альбоме 'Rust In Peace'. Ориентировочно названная 'Holy Wars', она стала следствием моего замешательства от прошлой ночи.

Хотя большинство, включая меня самого, всегда смеются, слыша историю выступления Мегадэт на Антриме, в то время я был преимущественно смущен, поэтому хотел написать нечто вдумчивое и полное раскаяния. Поэтому сделал самоуничижительный выстрел в себя самого в тексте песни:

"Глупцы вроде меня пересекают море и приходят на чужие земли,

Что спросить у овец об их убеждениях:

'Убиваете ли по приказу Бога?'"

Ник сыграл безупречно. Место было еще не его, но оно могло в будущем им стать. С этого момента не было никакой необходимости терпеть провалы Чака, или даже мириться с тем, что мы не слишком-то хорошо ладили друг с другом. У нас был вполне способный, приветливый барабанщик, ждущий своего часа.

Найти замену Джефф Янгу оказалось более сложной задачей, но его уход был одновременно необходимым и неизбежным. У Джеффа были эксцентричности и неуверенности, и не все эти

черты четко смешивалось с моими чертами. К примеру, однажды ночью во Флориде он устроил истерику и угрожал уйти. Причина гнева Джеффа? После открытия одного из моих чемоданов он нашел старое любовное письмо к девушке по имени Доро Пеш, вокалистке метал-группы Warlock. Она была классной девчонкой, и я был польщен ее вниманием, поэтому сохранил письмо, даже притом, что из этих отношений ничего не вышло. Но Джефф, который безуспешно преследовал Доро в предыдущие месяцы, был настолько обижен, что ему казалось, что он не сможет больше играть в Мегадэт. А мне казалось, что беситься должен был я — в конце концов, этот чувак залез в мои вещи.

Этот эпизод был лишь ложной тревогой. Джефф тогда не ушел, но его поведение стало настолько неустойчивым, что я уже был готов указать ему на дверь. Когда узнал, что Джефф как-то назвал мою невесту Диану, накурившись до потери сознания, как я полагаю, что он мечтал о том, чтобы заняться с ней сексом, когда трахает свою подружку…ну, это была та черта, которую было нельзя переступать. Ты не должен срать там, где ешь, и не должен пытаться трахнуть невесту своего коллеги по группе. Особенно если этот коллега — твой босс.

Так что мы созвонились, и я сказал ему, что он уволен из группы. Никаких длинных слезливых историй, никаких объяснений. Сделано. Конечено. Через несколько минут он уже был у дома, который мы делили с Эллефсоном, приехав на розовом Юго своей девушки, постучав в дверь, и плача.

“Чувак, пожалуйста, впусти меня. Прощу прощения!”

“Убирайся отсюда нахер, Джефф!”

“Да ладно тебе, чувак” — умолял он. “Я был обдолбан”.

“Обдолбан” — не было извинением, скорее термином, который мы использовали для описания наркотического опьянения. Если вы были обдолбаны, вы торчали. И были готовы тусоваться.

Ну, разумеется, я распахнул дверь. Джефф вошел, снова извинился, а затем разделил свой тайничок с наркотиками со мной и Эллефсоном.

На следующее утро мы выперли его из группы.

Забавно наблюдать, как время лечит. Не так давно мы все собрались вместе — недолгоживший состав Мегадэт 1988-го (включая Джеффа Янга, который теперь был чистым и трезвым человеком, перенесшим рак), чтобы поработать над ремикшированием нашего каталога и хорошенько посмеяться о том годе, который прожили во зле. Мы обнимались, извинялись, смеялись над собственной порочностью и общим безумием того времени. Но в то время, чувак…это было жестоко. Мы хотели

убить друг друга, и у нас это почти получилось.

Глава 11: Вопреки рекомендациям врача

“Ты сраный изгой в этой индустрии! И знаешь, чья в этом вина? Пьяной пизды твоей мамаши”.

Со своей гитарой «Ангел Смерти» Dean VMNT.

Фотография сделана Робертом Мэтью

Если вы собирались вести машину в нетрезвом виде, это также могло стоить вам денег. Так со мной и случилось.

Летом 1988-го я ехал по бульвару Вентура, возвращаясь домой, так близко от дома и будучи настолько пьян, что даже не беспокоился о встрече с полицейскими. В то время я был по существу пуленепробиваемым, или я так только думал. Мне оставался один светофор. И все. Всего лишь один светофор отделял меня от очередной ночи свободы. Я остановился и увидел, как слева от меня кто-то высунулся с пассажирской стороны автомобиля. Он пытался кричать мне, поэтому я опустил стекло, чтобы понять, что ему нужно. Он выглядел неплохим

парнем.

“Съезжайте на обочину и остановитесь, сэр” — сказал он. Я видел, как он размахивает своим значком.

“Хорошо, офицер. Нет проблем”.

Я помню, как он говорил что-то о том, что они собираются позаботиться обо мне, вызовут мне такси и доставят меня до дома, и подумал, что это было невероятно мило с их стороны. Следующее, что я знаю, это множество мигающих огней, приближающихся ко мне со всех сторон.

Ничего себе…эти такси очень похожи на полицейские машины.

И тогда я понял, что это и были полицейские машины.

Ой-ой…кажется, кто-то попал в переплет.

Перечень веществ, найденных у меня в крови или в моей машине это довольно справедливый признак того, насколько далеко вышла моя жизнь из-под контроля: марихуана, Валиум, кокаин, героин, хлоралгидрат (лекарство для сна), алкоголь, ложка и шприц. Почему последние из этих пунктов были в моем распоряжении, я даже не смею утверждать; я не вводил наркотики внутривенно. Я делал это лишь пару считанных раз в своей жизни — первый задолго до этого ареста, и пару раз после того, когда моя героиновая зависимость стала снижаться до минимума. Мне не было причины держать шприц в машине. Но он там был. Какого хера? Дело в том, что автомобиль был как аптека на колесах, и я был одновременно ее покупателем и собственником.

Последствия моего ареста были быстрыми и простыми. Я был обязан посетить деять собраний общества Анонимных Алкоголиков и записаться на программу избавления от алкогольной зависимости на период в течение восемнадцати месяцев.

Хотя, это в любом случае не сработало. После первого часа первого же собрания Анонимных Алкоголиков, с меня было довольно. Я не знал много о программе, чтобы понимать, что процесс регистрации был необязательным, что я мог написать 'Джо Блоу' в регистрационной карточке вместо 'Дейва Мастейна', и всем было бы одинаково похуй.

(Не зря оно называется обществом Анонимных Алкоголиков). Я предположил, что кто-то наблюдает, ждет, следит за всеми пьяницами, стоящими перед правосудием. Мне приходила такая идея. Потому что я по-прежнему писал практически все песни группы, но сборы и авторские сделали меня человеком с самым большим доходом в Мегадэт. С большим отрывом от других. Поэтому я подумал, а почему не заключить сделку?

“Привет, Джуниор. Как насчет того, что я буду платить тебе за посещение собраний Анонимных Алкоголиков вместо меня?”

“Сколько?”

“Не знаю. Ну, может быть, несколько сотен баксов за каждую”.

“Хорошо, здорово”.

Это было настолько просто.

Дэвид пошел на одно собрание…затем на другое…и довольно скоро я платил ему за посещение собраний, которые, я думаю, он мог бы посещать бесплатно. Что-то изменилось. Он перестал пить, перестал употреблять наркотики. И как-то вечером я обнаружил себя смотрящим на него, чистого и трезвого, и сказал: "Твою мать! Я случайно вылечил Джуниора!"

Общество Анонимных Алкоголиков сделало свое дело для Дэвида. А для меня? Не особенно. Сама идея тусоваться с кучкой парней в рубашках для боулинга с черными волосами просто не выдерживала никакой критики. Все в Анонимных Алкоголиках поразило меня как циничное и ложное. Программа, уходящая корнями в христианство и целительную силу Бога в сочетании с бессилием человека, концепцию, которая должна быть принята для того, чтобы понять и преодолеть зависимость, и все же, вы не должны были говорить о Боге на собраниях Анонимных Алкоголиков. Я вышел с первого же собрания, говоря: 'Парни, вы настолько обдолбаны. Неудивительно, что вы получаете сотню чипсов для новичка и на каждого приходится двадцатиоднолетняя чипса. Ни один в здравом уме не стал бы придерживаться этой программы'.

Правда была в том, что я не думал, что у меня есть проблема. Ну, это не совсем так.

Я знал, что у меня есть проблема. Я лишь подумал, что смогу справиться со своей проблемой сам. Я не был серьезно настроен к тому, чтобы вести трезвый образ жизни. А что до раскания? Да, мне было жаль — жаль, что я попался. У меня не было угрызений совести по поводу случившегося или о безрассудном, самоубийственном поведении, в первую очередь ускорившим мой арест. Очевидно, существовала огромная разница.

Программы реабилитации и пенитенциарные учреждения, заполненные мужчинами, сожалеющими о своих правонарушениях в первую очередь из-за последствиий этих самых правонарушений. Но сожаление это нечто совершенно иное. Оно связано с чем-то более глубоким, нечто чистое. Оно связано с желанием быть хорошим человеком и перестать причинять боль как себе, так и окружающим тебя людям.

В этом состоянии я еще не находился.

Джефф Янг, я, Чак Белер, Дэвид Эллефсон (состав времен So Far, So Good…So What! 1987–1989)

Фотография сделана Робертом Мэтью

Жизнь продолжалась, как и следовало, несмотря на всю суматоху вокруг нас. Ник Менза пришел на смену Чаку Белеру, но поиски нового гитариста растянулись на несколько месяцев. Тем временем я продолжил писать песни, бухать и курить героин и кокаин. Эти вещи раскрыли то, как работает музыкальный бизнес — механизм группы, в частности группы платинового уровня, который продолжает пыхтеть даже когда некоторые его детали ржавеют и скрипят.

Несмотря на кадровые изменения и личностные проблемы Мегадэт осталась группой с огромным музыкальным и экономическим потенциалом, и поэтому работа и возможность выпали на нашу долю. Мы записали кавер-версию ‘No More Mr. Nice Guy’ Элиса Купера для саундтрека к фильму Уэс Крейвена — ‘Shocker'. Наш милый друг Пенелопа Сфирис была принята на должность режиссера видеоклипа к 'No More Mr. Nice Guy’, а сотрудничество с ней было как веселым, так и угнетающим.

Я с огромным уважением отношусь к Пенелопе, поэтому не буду оспаривать ее убедительные воспоминания, что я по большей части был слишком обдолбан, чтобы играть на гитаре на своем обычном уровне в день съемок. Справедливости ради, следует отметить, что это особенно сложная работа. Пенелопа расположила меня стоящим и играющим, на гигантском вращающемся пъедестале, похожем на громадную платформу.

Все могло быть куда проще, если бы пъедестал был по крайней мере плоскоим. Однако он таковым не был. Он был похож на одну из тех штук, что сктейбордисты используют для практики, когда тусуются у себя дома. Как качели. Вот так я и стоял, пытаясь играть на гитаре, пока все вокруг кружилось, вращалось и подпрыгивало вверх и вниз.

“Продолжай играть, Дейв!” — кричала Пенелопа. “Смотри в камеру!”

Еще больше вращения…больше подъем…падение.

“Повернись, Дейв! Посмотри в камеру. Нет! Это слишком быстро! Сюда!”

“Твою мать, я не могу этого сделать!”

Было довольно трудно одновременно выступать и играть на видеозаписи, даже если бы я был трезв и стоял прямо. Обдолбанный? Забудьте. Без вариантов.

Мы прожгли менеджеров почти так же быстро, как мы прожгли барабанщиков и гитаристов. Джей Джоунс, Кит Ролз, а затем Тони Мейтленд, руководивший Five Young Cannibals в своих пятнадцати минутах славы. Тони находился с Мегадэт около наносекунды, пока не передал бразды правления Дугу Талеру, бывшему музыканту, чья карьера менеджера пошла в гору благодаря работе с Motley Crue, The Scorpions и Bon Jovi.

Моей первой реакцией, услышав, что Дуг хочет управлять Мегадэт, было: 'Черт возьми, да! Наконец-то'.

На деле наши отношения оказались гораздо более сложными. Помощником Дуга была женщина по имени Джули Фоули, которая также являлась девушкой Дэвида Эллефсона. Дэвид и я по-прежнему жили в одном доме и по общему мнению проходили курс лечения. Он остался трезвым; а я нет. Поэтому как-то когда я был дома, накуриваясь героином, Джули и Дэвид подъехали к дому. Джули была в ярости и немедленно позвонила Дугу, который тут же принялся осуществлять активные действия. Он не стеснялся говорить мне, что мне требуется помощь и что моя карьера зависит от этого. В конце концов, Дуг прошел через вещи подобного рода с участниками Motley Crue. Более того, это был период, когда стало политкорректным для алкоголиков и наркоманов среди звезд — актеров, музыкантов, писателей — принимать трезвый образ жизни в очень публичной (и часто корыстной и цинично) манере. Двенадцать шагов к лучшей карьере и все такое.

Был в то время известный “трезвый коп” по имени Боб Тиммонс, чьей специализацией была работа с артистами, в первую очередь с музыкантами. Дуг уже имел дело с адвокатом, начиная с работы Тиммонса с Motley Crue. Если кто и мог поставить меня на ноги, считал Дуг, так это Тиммонс.

Я согласился пройти курс реабилитации и начать общение с Тиммонсом, больше для того, чтобы люди слезли с меня, чем для чего-либо. Конечно, было бы преувеличением сказать, что я был готов сделать какой-либо эмоциональный вклад в процессе реабилитации. Я только хотел успокоить людей, изводивших меня до смерти.

Все произошло очень быстро, как это обычно и бывает с

посторонним вмешательством:

“Мы уезжаем. Прямо сейчас. Даже не пакуй вещи. Автомобиль уже выехал”.

В моем случае автомобилем был лимузин. Ожидая его прибытия, я опустошил шарик героина, а затем сделал дорожку. Последний раз за какое-то время я понял. Я мог также получать от этого удовольствие. Пару минут спустя показался Тиммонс. Мы немного поговорили, сели в лимузин и поехали в Мемориальный Госпиталь Скриппс в Ла-Хойя. В паре кварталов от дома я со скрипом открыл окно и закурил косячок, который сделал перед отъездом.

“Что ты делаешь?” — спросил Тиммонс.

“Эй, да все нормально, чувак. Я просто хочу немного покурить по дороге. Ну, знаешь, сказать прощай жизни под кайфом”.

Я засмеялся, думая, что парень вроде Тиммонса возможно видел и делал все это, и оценит эту шутку.

Но он не оценил. “Без вариантов, дружище”.

“Ты о чем?”

“Я говорю нет. Мы уже на пути”.

За мгновение мое отношение изменилось от покорности с оттенком оптимизма до негодования.

“Да пошел ты! Ты сам на своем пути. Я еду домой. Поворачивай этот сраный лимузин обратно”.

“Не могу этого сделать, дружище. Поездка только началась”.

Какую бы положительную энергию я ни мог привнести в это дело (и ее было не так много, должен признать), она испарилась. Я не хотел находиться в этом лимузине, не хотел находиться рядом с Бобом Тиммонсом, не хотел ехать в реабилитационный центр.

Неудивительно, что Тиммонс проходил подобные вещи и раньше; он привык к тяжелым случаям, и поэтому он только говорил всю дорогу, в основном рассказывая мне историю своей жизни. Он сказал, что когда он был скандальным юношей, он был членом арийского братства. Я полагаю, вы никогда об нем не слышали, но если быть абсолютно честным, я просто не мог представить себе этого парня в арийском братстве. По нему нельзя было этого сказать. Ну, как только я стал трезвым, пару лет спустя, и начал осуществлять небольшую спонсорскую работу самостоятельно, я познакомился с некоторыми выздоравливающими алкоголиками и наркоманами, которые совершили некоторые действительно страшные, отвратительные вещи. Многие из них, что неудивительно, были членами различных банд, включая арийское братство. И некоторые из них

утверждали, что сталкивались с Бобом Тиммонсом в своих похождениях.

“Законченный ублюдок, да?” — спрашивал я.

“Ээ…не совсем”.

По их словам Тиммонс в свое время отсидел в тюрьме, предоставляя сексуальные услуги арийскому братству. Банда в свою очередь обеспечивала ему защиту. Было ли это на самом деле? У меня нет возможности узнать, но это определенно кажется правдоподобным. Тиммонс умер пару лет назад, и я никогда не спрашивал его об этом.

Наши отношения испортились довольно быстро после прибытия в Ла-Хойя. На самом деле, к тому времени, как мы приехали туда, я уже подумывал об отъезде. Я продержался чуть дольше, чем в первый раз, но не намного.

Облегчала дискомфорт моего пребывания милая молодая девушка, покрытая татуировками. Мы узнали друг друга довольно быстро и обнаружили, что у нас много общего. По крайней мере, достаточно.

“Тебе нравится героин? Мне тоже!”

“Ты поклонница Мегадэт? Срань господня! Я играю в Мегадэт!”

Как-то произошел день восстания пациентов, пациенты стационара бегали повсюду, раздраженные едой, консультациями, практически всем, что можно представить. В последовавшем хаосе моя маленькая девушка-панк выскользнула из центра реабилитации и взяла такси до Виа-де-Ла-Вале, недалеко от ипподрома Дель-Мар, расположенного в добрых десяти милях. Там он бросилась в ресторан, купила немного героина, привезла его обратно в лечебный центр, где мы оба тут же раскумарились.

Как и с моей первой поздкой в реабилитационный центр, я был шокирован тем, насколько легко было перевезить контрабандой наркотики. К тому времени, как протрезвел, я потерял всякий интерес к этой программе. Я просто хотел домой. Поэтому я позвонил человеку, который бы не стал задавать вопросов, человеку, который безоговорочно любил меня и сделал бы все, что мне требовалось, даже если это было неразумно и необязательно в моих интересах.

Моей маме.

Он забрала меня на следующий же день, и я выписался из больницы, как и прежде “вопреки рекомендациям врача”. Когда я приехал домой, на автоответчике было сообщение от Дуга Талера. На самом деле неудивительно. Я знал, что мне придется заплатить свою цену за отказ от программы. Я знал, что Дуг будет зол. Но я не знал, что он потеряет голову.

“Ты сраный изгой в этой индустрии!” — сказал он. “И знаешь,

чья в этом вина? Пьяной пизды твоей мамаши”.

Ээээй, погоди.

Это было моей первой реакцией.

Мой второй реакцией было то, что я собирался убить этого ублюдка.

Кое-что о моей маме. Она прожила тяжелую жизнь в одиночестве. Она любила своих детей и сделала бы для нас все, и часто мы не облегчали ей жизнь. Определенно, не облегчали. Но моя мама была обычным человеком, который много работал (убирая туалеты и полы другим людям) и любила выпить пива, когда возвращалась домой. Вот такой она была. Она не была ни наркоманкой, ни алкоголичкой. Я понял гнев Дуга; я сыграл свою роль в этой истории. Он хотел управлять мной, а я был неуправляем. Я был непредсказуем и ненадежен, и в результате лишь поставил под угрозу его безопасность и репутацию. Хорошо. Разозлись на меня. Ударь. Но бросаться подобными оскорблениями в мою мать? Совершенно бессовестно.

Неудивительно, что этот день стал последним днем пребывания Дуга в качестве менеджера Мегадэт. Хотя он сказал, что развернет клеветническую кампанию, я набрался смелости и принес ему извинения за то, что поставил под угрозу его безопасность и за то, что не был хорошим клиентом, пока все не зашло далеко. Музыкальный бизнес, ка правило, довольно простителен к плохому поведению, и действительно часто вознаграждает это, особенно тех, у кого действительно есть некоторый талант и солидный послужной список.

Нашим следующим менеджером стал Рон Лаффит, которого я знал и любил еще со времен Металлика. Рон был представительным и умным, и казалось, что у нас много общего: его мать была немкой, моя была немкой; его фамилия была французской, моя была французской; он был по гороскопу Дева, я был Дева. Учитывая, что у нас обоих также были длинные, красновато-коричневые волосы и мы оба имели схожие общительные личности, мы вполне могли сойти за братьев. В самом деле, Рон был в то время для меня больше чем менеджером. Он был моим другом. Мы вместе тусовались за пределами студии, тренировались в додзе в боевых искусствах и обучались великим чемпионом по боевым искусствам — Бенни “Джетом” Уркидезом. Мы вместе прыгали с парашутом. Потихоньку-помаленьку я начал становиться здоровым. Очевидно, это не произошло в одночасье, но, определенно, я был в лучшей форме физически и эмоционально, чем я был достаточно долгое время. Трудно объяснить траекторию моей наркомании и трезовости — она не была параболической, скорее

длинной и изогнутой.

Продолжив писать песни для следующей пластинки, 'Rust In Peace', я постарался жить как относительно "нормальный" парень почти тридцати лет. Я разработал и придерживался здоровой диеты, сосредоточился на своей работе и забросил случайное употребление спиртного напитка. Или даже двух или трех. Я еще не был убежден, что для меня было нецелесообразно веселиться как другие. В программе было много людей, и под этим я в первую очередь имею в виду Анонимных Алкоголиков, которые были не особенно терпимы к тем, кто не принимал участие в программе. Если у вас не было маленького медальона, и вы не посещали заседания музыкантов, не ходили вокруг, говоря: “Но, Слава Богу, чувак” — вы не входили в клуб.

И я не входил в клуб.

В то же самое время я обнаружил, что хожу в бары, и немного оглядываясь через плечо, интересуясь, кто наблюдает и следит за мной. Зачем? Потому что у меня был страх.

Даже притом, что я так себя вел, меня это не смущало, на самом деле я был потрясен угрозой Дуга Талера. Это разозлило меня, и побудило отомстить. Но я также знал, что единственный способ достичь убедительности это привести себя в порядок.

В связи с этим я продолжил поиски великого гитариста, кого-то, кто бы заставил всех забыть о Джеффе Янге, и возможно даже остановить тоску по Крису Поленду.

Процесс был безумно медленным, прослушивание шло за прослушиванием. Появился один парень, который начал рассказывать каждому, кто его слушал, что он написал вступление к 'Wake Up Dead’. Теперь обратим внимание на важный момент — его прослушивание произошло примерно во время записи четвертой пластинки Мегадэт.

'Wake Up Dead' была на 'Peace Sells', записанной тремя годами ранее. Вот тебе на.

Затем пришел парень, который вошел в студию как-то утром, похожий на сессионного гитариста Allman Brothers: длинные светлые волосы, стянутые в хвост, сапоги с квадратными носками, джинсовая куртка, с южным акцентом в голосе.

“Хорошо” — протянул он, подключая гитару. “Я готов послушать ваши песни”.

Я ответил ему нечто вроде: *“Ты что издеваешься, твою мать? Это прослушивание! А не урок гитары”.*

Джуниор и я разработали систему борьбы с таким безумием. Мы уходили и выключали передатчики на беспроводных коробках, установленных на гитарных ремнях, эффектно завершая таким образом прослушивание. В данном случае мы

лишь переглянулись друг с другом и одновременно проделали это движение.

Здесь все кончено.

Я даже не помню, сколько таких людей мы вытерпели; через некоторое время я начал терять всякую надежду найти подходящего музыканта. Наконец, как-то в феврале 1990-го я вошел в офис Рона Лаффита и увидел обложку альбома на его столе. Альбом назывался 'Dragon's Kiss'. Это был сольный альбом гитариста по имени Марти Фридман, которого я смутно знал по его работе с группой под названием Cacophony. Я взял пластинку, стараясь не рассмеяться. На обложке Марти был одет в какой-то блестящую кожаную куртку (или комбинезон; было трудно сказать) открытый до пояса. Его волосы были уложены в длинные, струящиеся двухцветные кудри.

“Ты разыгрываешь меня, да?”

“Просто послушай ее, хорошо?” — сказал Рон.

Менее чем чрез две минуты после начала первого трека я был сражен. На самом деле более того. Я был в шоке.

“Этот парень хочет играть с нами?”

Рон кивнул, улыбаясь.

Марти предстал впечатляющей фигурой в день своего прослушивания: с дырками в джинсах, пятидолларовых туфлях, с теми же разделенными цветом волосами, с которыми он предстал на обложке альбома. Его оборудование состояло из гитары бюджетной марки, Carvin, и крошечного оборудования для стойки. Чтобы перевозить и устанавливать эту слабую установку он пользовался услугами нелепо большого гитарного техника по имени Тони ДеЛеонардо. Когда я наблюдал, как Тони принимается за работу, я обеспокоился, что оборудование не сможет отдать должное игре, которую я слышал на сольной пластинке Марти. Поэтому я сделал предложение.

“Эй, Тони” — сказал я шепотом. “Когда наступит время соло, встань на эту кнопку здесь, ладно?”

Так как у меня была настоящая стена усилителей Маршалл, я подключил один из моих усилителей к Марти, так чтобы он смог играть ритм через него. Затем мы подключили еще один усилитель, для того, чтобы он вступил во время соло.

Дополнительная кипа усилителей отчетливо бы продемонстрировала, годится Марти для этой работы или нет. Спрятаться не было никакой возможности.

И не сказать, чтобы скрываться было необходимо. Марти пролетел на прослушивании безупречно. Как и со всеми нашими прослушиваниями, мы засняли на видео его выступление, но Марти сыграл настолько прекрасно, что мы даже не потрудились

ознакомиться с пленкой. Я позвонил в офис Рона Лаффита практически сразу и сказал ему: “Мы нашли своего гитариста”.

У Марти были навыки, и до такой степени, что почти ничто другое не имело значения. Ни плохие волосы или отсутствие стиля, ни тот факт, что его имя не могло звучать менее металлически. Я полагал, что мы отправим его в Школу Рока, так же, как у нас это было с другими членами группами, может, заставим его сменить имя. Средним именем Марти было Адам, поэтому я подумал…хмммм …*Адам Мартин. Весьма неплохо*.

(Марти позже воспользовался моей идеей и назвал свою издательскую компанию Адам Мартин). Как это было и с Дэвидом Эллефсоном, он не пошел на это, и я также не мог называть его Джуниором. Так или иначе, все получилось само по себе.

Так и получилось. Состав был укомплектован — Мегадэт снова стали локомотивом из четырех человек, группой, у которой был потенциал для жизни, чтобы превзойти даже тот состав, который выпустил первые две пластинки. Мы вошли в студию, вооруженные парочкой отличных песен и страстью играть жестко и трезво, как величайшая трэш-метал группа планете. Хотя через несколько недель все начало разрушаться, и на этот раз, мне некого было винить в этом кроме себя самого. Я продолжал наблюдать за игрой Марти, слушая, что исходило из-под его гитары…и…ну… я рухнул. Не знаю, как еще сказать об этом. Он был лучше меня — более талантливый, более совершенный, более…да все, что угодно. Наблюдение за Марти заставило меня понять, что я ослаблен. Я не прогрессировал как музыкант. Я стал инертным. Понимание этого было больше, чем я мог вынести, и чтобы справиться с этим я вновь обратился к теплым объятиям героина и кокаина.

Состав, которому в скором будущем суждено стать известным или даже печально известным составом времен Rust In Peace. Слева направо: Дэвид Эллефсон, Марти Фридман, я, Ник Менза.

Я не хочу сказать, что Марти был в какой-то мере ответственен за мой рецидив.

Очевидно, это была не его вина. Его талант был лишь катализатором. Я хотел видеть Марти в группе, знал, что он был подходящим человеком, чтобы заполнить пустоту, которая возникла на целых два года. Мне просто требовалось пересилить свою ненадежность и неврозы.

Центром в достижении этой цели был человек по имени Джон Боканегра, директор программы в лечебном центре в Беверли-Хиллз, где я в третий раз провел лечение в реабилитационном центре. В данной конкретной поездке, какой бы ни была причина, я был готов внести изменения. Я хотел стать лучше. Я хотел чувствовать себя лучше.

Джон не был похож ни на одного врача-нарколога из тех, что я встречал в прошлом. Да, у него было то же чванство, то же непочтительное, беззаботное поведение, но еще больше было внутри, и я это сразу почувствовал. Он нравился мне и я доверял ему — фактически, мы стали так близки, что он выступил шафером на моей свадьбе. Джон был огромным мужчиной, пять футов три дюйма в высоту и весом около 250 фунтов с огромными, свисающими усами и темными волосами, лениво лежащими посередине.

Если бы не его огромная бандитская татуировка на шее, он мог сойти за одного из тех веселых парней, которых вы видите в марьячи в субботу вечером в плохих мексиканских ресторанах.

Как только вы знакомились с Джоном, вы понимали, что в его прочности не было никакой искусственности. Это был не тот человек, который прошел тюрьму будучи сучкой. В первый раз, когда он рассказал мне, что был гангстером до того, как стал вести трезвый образ жизни, я рассмеялся над этим словом.

“Гангестером? Каким еще гангстером?”

Джон продолжал рассказывать мне без тени иронии о своей карьере бандита.

Однажды он рассказал, как пошел в банк и застрелил охранника во время совершения кражи со взломом.

“Какого хера, чувак?” — спросил я недоверчиво. “Зачем ты застрелил его? Что он сделал?”

"Первое, что я сказал, когда вошел в банк: 'Никому не двигаться'" — объяснил Джон. Затем он сделал паузу и пожал плечами. “А этот парень двинулся”.

Предполагая, что история правдива, я не совсем понимал, как получилось, что Джону удалось избежать провести остаток своей жизни в тюрьме. Он сказал, что прошел через какую-то долгосрочную программу в карцере, в конечном счете, стал вести

трезвый образ жизни и получил условно-досрочное освобождение. После освобождения Джон стал наркологом, и я могу честно сказать, что он сыграл важную роль в моей реабилитации. Я не стал вести трезвый образ жизни во время этой поездки, но с помощью Джона я наконец-то стал способен найти корни своего наркотического поведения и столкнуться с последствиями собственных решений. Он помог мне увидеть, что можно было действительно изменить жизнь к лучшему. Джон много значил для меня, и я знаю, что он также много значил для Дэвида Эллефсона. Можно увидеть вдохновение, произведенное на меня Джоном в песне 'Captive Honour', с ее жестоким описанием преступления и наказания, для которой Джуниор выступил соавтором текста песни.

Я носил белый цвет, чтобы попробовать нечто совершенно иное. Марти и я в турне.

Фотография сделана Россом Халфином

В течение многих лет я слышал голос Джона, когда пел 'Captive Honour', но никогда не спрашивал об этом Джуниора. Наконец, однажды он рассказал мне, что написал свою часть песни услышав, как Джон рассказывает некоторые страшные истории о своей тюремной жизни.

Существовала и другая сторона Джона, которая мне действительно нравилась, потому что продемонстрировала мне, что он ни в коей мере не притворяется. Однажды он рассказал мне, что в приборной панели его автомобиля у него был спрятан шприц.

“Ну, это весьма глупо” — сказал я. “За каким чертом?”

“На всякий случай”.

Если вы не наркоман и никогда им не были, это могло показаться смешным. Но до меня дошло. Я понял его настрой. В

какой-то мере даже восхищался им.

Даже когда я увидел первые результаты своего труда, мне пришлось побороться с некоторыми естественными побочными продуктами двенадцатиступенчатого процесса.

Гнев и амбиции подпитывали мое искусство, давая почву для беспокойства Мегадэт и зачастую создавая нигилистический взгляд. Мог ли я писать песни будучи трезвым? Мог ли я создавать свирепые гитарные партии как раньше, но без помощи химии? Абсолютно.

Но что бы произошло, если бы я стал человеком мира? Спокойствия? Я провел большую часть своей взрослой жизни, провоцируя и подталкивая других на действия. Мог ли я жить без конфронтации, без агитации? Я понятия не имел, и я не был уверен, хочу узнать это. По сути, я стал отверстием в пончике, пытающимся жить своей жизнью в мире с теми, кто меня окружает. Это было совершенно неестественное и необычное состояние.

Моя популярность как музыканта возникла из моего эпатажа так же, как и с помощью моего таланта. Людям нравились Мегадэт не потому, что я пел как Джеймс Тейлор — очевидно, я так и не пел — а из — за напряженной музыки. Люди не приходили на концерт Мегадэт, ожидая увидеть долбаного Далай-ламу. Они хотели увидеть блестящего гитариста, поющего о смерти и уничтожении, о боли и возмездии. Мог ли я дать им все это, чувствуя себя так, словно превращаюсь в ванильный пудинг?

Знаете, кто помог мне найти ответ? Элис Купер. Мы не разговаривали с ним с момента нашего последнего турне, когда Элис выразил обеспокоенность по поводу моего пьянства и наркомании. Я позвонил ему якобы для обсуждения своей идеи о татуировке.

Она бы объединила изображения логотипа Мегадэт и логотипа Элиса: Вика и Детки На Миллион Долларов. Элис сказал, что это звучит круто, сказал, что мне не требуется разрешения или чего-то в этом духе, а затем быстро перевел разговор в другую сторону.

“Как у тебя дела?” — спросил он.

“Хорошо” — сказал я. “Мы собираемся в студию на запись новой пластинки, и я пытаюсь смотреть на вещи иначе. Это трудно”.

“Я знаю, о чем ты. Если тебе нужна моя помощь или что-то еще, я хочу чтобы ты знал, что я здесь, чтобы помочь тебе”.

Я засмеялся, больше из нервозности, чем от чего-то еще. “Серьезно, Элис? Ты что, собираешься стать моим крестным отцом, что ли?”

Он не колебался с ответом. “Конечно, если это то, что тебе сейчас нужно”.

Вот так Элис Купер стал моим крестным отцом. Сейчас мы не слишком много говорим, и полагаю, что наши отношения дошли до той точки, когда они скорее на бумаге, чем где-то еще. Но все в порядке. В то время он был рядом, и с тех пор он всегда рядом. У меня тонна уважения к Элису, и как к человеку, и как к музыканту, и я всегда буду считать его своим другом. Даже не особо пытаясь, он заставил меня сказать то, что я, честно говоря, не думал, что осмелюсь сказать: “Мне нужна помощь”.

Глава 12: Прожитые годы

“Знаешь что? Это лишь вопрос времени. Это лучшая женщина для тебя на земле”.

Дэвид Скотт Мастейн и Памела Энн Касселберри 3 марта 1991 года, в Гонолулу, Оаху, Гавайи.

Я никогда не видел такой красоты раньше, и на этом снимке выгляжу как пластинка жевательной резинки Даблминт

Первый раз я увидел свою жену, когда она тусовалась с другом в клубе в Северном Голливуде под названием FM-Станция, одним из ранних мест в растущей империи Филси МакНасти. Я был там с парочкой людей, включая Ника Менза и его приятеля Хуана. Это было примерно в 1989-ом, начале 1990-го, когда я дрейфовал туда — сюда из режима трезвости, реконструируя состав Мегадэт и записывая песни для 'Rust In Peace’.

Как обычно, моя личная жизнь находилась в состоянии беспорядка. Более шести лет я встречался с Дианой; хотя наши отношения едва ли были моногамными, по крайней мере, с моей стороны. Я искренне считал долгое время, что она станет женщиной, на которой я женюсь. Мы были обручены в течение шести лет, не хватало лишь года, чтобы мы стали гражданскими мужем и женой. Диана была красива и сексуальна, но мы постоянно дрались, до того момента, когда это стало настолько обыденно, что оставалось лишь засечь время до завершения отношений. Она приходила ко мне, мы немного развлекались, что-то говорили друг другу, дрались, она уходила, я звонил ей, она возвращалась, мы снова были вместе, занимались сексом…и

все это повторялось снова и снова. В конце концов, я пришел к выводу, что у нас с Дианой ничего не получится. Я позвонил ей во время одного из своих пребывний в реабилитационном центре, во время тех моментов ясности, которые так блестяще описываются наркоманами и алкоголиками.

“Я больше не могу тебя видеть” — сказал я ей. “Мы просто слишком ядовиты друг для друга”.

Как и ожидалось, она взбесилась — кто хочет получить пинок под зад от парня, находящегося в реабилитационном центре? Разговоры об этом тягостны. Но я думаю, что она знала, что этот момент приближается. Я также считаю, что она знала, ей лучше будет гораздо лучше без меня. Что касается меня, ну, я вносил изменения в свою жизнь, и выход из неблагополучных отношений был еще одним шагом в процессе самосовершенствования. ‘Tornado Of Souls’ стала для меня способом борьбы с завершением отношений. На самом деле так все и было, в песне объясняется как я чувствовал себя в то время; отбросим лирическую составляющую — эта песня не об убийствах и смерти. Она о распаде, приходящем, когда застреваешь в плохих отношениях.

“Сегодня утром я получил звонок,
Который подвел под всем черту
Повесив трубку, мне захотелось плакать
Но, черт возьми, колодец высох”

Говоря откровенно, не то чтобы я искал свою вторую половинку. После разрыва отношений с Дианой и немного очистившись, мне нравилось получать удовольствие, наслаждаясь некоторыми вещами, связанными с тем, что ты рок-звезда. Я был вокалистом, композитором и гитаристом в Мегадэт. И если я не был в точности Бредом Питтом, ну что же, тем не менее, я не был худшим парнем на земле. Давайте будем честными: если у вас есть деньги и вы играете на гитаре, вы можете трахнуть кого-нибудь.

Бог знает, что в хэви-метал было немало уродливых придурков, которые никогда не испытывали недостатка задниц в своем распоряжении. Теперь я был в лучшей позиции, чтобы принять участие в этом фуршете.

И тогда Памела Энн Касслбери прошла мимо меня и помешала моим планам.

“Видишь девушку вон там?” — спросил я своего друга Хуана.

“Которую?”

“Высокую блондинку”.

Хуан одобрительно кивнул. "Угу. Очень милая".

“Да. Я хочу, чтобы ты подошел к ней и сказал, что я хочу встретиться с ней”.

Хуан, всегда приятный парень, засмеялся и подошел к блондинке. Я увидел, как они болтают, увидел, как Хуан показал в мою сторону. Я поднял свой стакан (наполненный Кока-Колой с прописной К) и улыбнулся ей. Блондинка ничего не вернула мне взамен. Через несколько мгновений Хуан вернулся, посмеиваясь.

“Она сказала, что если ты хочешь с ней встретиться, то тебе следует подойти к ней самому”.

Довольно справедливо. Чего у меня всегда было в достатке, что касается женщин, так это уверенности в себе. Так я подошел и начал рассказывать о себе. “Привет, меня зовут Дейв”.

Блондинка прервала меня. “Да, я знаю, кто ты” — сказала она холодно. Тот факт, что она казалась незаинтересованной, лишь подстегнул мой интерес к ней. Забавно, как это работает, а? Я тут же приступил к пресловутым ухаживаниям.

“Слушай, ты действительно понравилась мне, и я бы хотел провести немного времени с тобой. Но я сегодня помогаю другу, который пытается остаться трезвым и мне придется тусоваться с ним33. Можем ли мы как-нибудь днем сходить пообедать куда-нибудь?”

Я был дьявольски льстивым придурком, но знал, что это сработает. Это подразумевало сострадание и ответственность вместе с честностью и порядочностью. Я дал ясно понять, что считаю ее привлекательной, и также что готов ждать ее. Я не раскрывал своего скрытого мотива: увидеть ее в свете дня, в придорожной кофейне, под блестящей правдой теплого калифорнийского солнца. Даже если вы пили, девушка могла выглядеть довольно хорошо в дымке Филси МакНасти в два часа утра; но затем вы видели ее в ярком дневном свете без макияжа и могли поклясться, что она была совершенно другим человеком.

Если это звучит поверхностно и невнимательно, хорошо, я признаю свою вину. Я проводил нечто вроде конкурса красоты, отбирая претенденток на звание Будущая Жена.

На самом деле, конечно, все они боролись за звание Будущая Жена Сейчас. Перед тем, как официально расстаться с Дианой, я начал встречаться с девушкой по имени Лесли. И после того, как увидел Лесли, я возжелал блондинку из FM-Станции.

Она сказала мне, что ее зовут Пэм, и мы договорились встретиться в ближайшее время. Один ленч, другой, и довольно скоро я начал влюбляться в нее. Пэм была одной из тех роскошных калифорнийских девушек — высокая и худая, с кожей, которой не требовалась пудра, которая была даже еще красивее в неприкрытом свете. Она была просто обычной девушкой из Апленда, штат Калифорния, с не такой уж сложной предысторией, но довольно тяжелой. Ее отец умер от рака, когда

Пэм была еще маленькой, и она взяла на себя роль супруга для матери и отца для маленького брата. В какой-то степени Пэм стала кормильцем семьи (или по крайней мере одним из кормильцев), что привело к искаженному самоощущению. Ее мама, в конце концов, вышла замуж снова, за парня, который поначалу казался ей принцем, но оказался чем-то меньшим. Короче говоря: на долю Пэм пришлось немало страданий, прежде чем появился я, и пока мы довольно быстро влюблялись друг в друга, я не был уверен, что она знала, во что себя втягивает.

Безусловно, она знала о Мегадэт, и знала, кем я был. Но она не была ни группи, ни кем-то вроде того. Пэм даже не нравится хэви-метал (включая Мегадэт). И никогда не нравился. Теперь я сажусь в свою машину, и если Пэм за рулем, то радио, несомненно, настроено на одну из радиостанций, передающих музыку кантри. Поначалу это меня отталкивало, потому что я просто предполагал, что кантри — дерьмо. Но большинство кантри музыкантов сейчас играют весьма гимновый поп, и некоторые из их песен вовсе не так плохи. Я хочу сказать, что они находятся под таким сильным влиянием Mutt Lange, что звучат похоже на Def Leppard. Тяжелые баллады, голоса, доведенные автоматической настройкой до совершенства. Технология достигла такого уровня, что позволяет каждому петь как Марайя Керри.

Несмотря на это, мне нравилась Пэм достаточно, чтобы в последнюю очередь думать о ее музыкальных вкусах. В то же время я был не совсем предан этим новым отношениям. Мы вернулись в мою квартиру как-то вечером после обеда в местечке под названием Чин Чин. Я поил ее вином и кормил, водил по самым дорогим ресторанам, которые мог найти.

Пэм плохо себя почувствовала и извинившись, удалилась в туалет, и вышла оттуда изможденной и бледной. Она сказала, что ей нужно немного отдохнть. Я не знал об этом в то время, но она страдала от грыжи пищевода. Вдруг раздался звук у двери. Звук ключа, входящего в замок.

Вот дерьмо…

Мгновение спустя в квартиру вошла Лесли, у которой, разумеется, был ключ к моей квартире.

Мне даже не особенно нравилась Лесли. Я познакомился с ней через своего телохранителя, и она была милой и подходящей девушкой, и мы с энтузиазмом занимались жестким трахом. Но за пределами спальни мы не были особенно родственными душами. На самом деле, даже этот аспект наших отношений не был таким уж великолепным. Я был бы абсолютно рад увидеть, как она уходит. Но не совсем в этой манере.

Лесли сделала два шага по квартире, увидела Пэм на диване, развернулась и вышла, хлопнув за собой дверью.

Не спрашивайте меня, зачем, но я побежал за ней. Моим стандартным механизмом было солгать, умаслить и попытаться взять ее очарованием. И я был очень хорош по этой части. Хотя в какое-то мгновение здравомыслия я перестал ублажать Лесли и подумал о Пэм.

Чертов идиот! У тебя наверху прямо сейчас есть кто-то, кто на самом деле тебя волнует. Зачем ты преследуешь эту женщину?

Я также понял, что женщина наверху может уже переворачивать мою квартиру верх дном, измельчая мою одежду, выбрасывая вещи из окна. На моей памяти женщины совершали подобные вещи, когда обнаруживали, что ты их водишь вокруг пальца.

Во время церемоний, у моря. Пэм была просто ослепительна. Я написал для нее песню 'The Hardest Part of Letting Go Is Saying Goodbye'. Но она сказала, что ей не понравилась эта песня

Поэтому я поспешил обратно домой, взбежал по лестнице, но Пэм уже не было. В течение пары минут я умудрился потерять двух девушек. Не то чтобы я долго горевал. В моей телефонной книжке было еще много номеров, бесконечный запас девушек на одну ночь, которых можно поиметь в дороге. Или дома, если на то пошло. Но все это лишь часть болезни, разве нет? В период лечения или нет, я был способен наносить вред людям.

Хотя произошло странное. Я скучал по Пэм. Будучи в турне с Мегадэт я позвонил ей и извинился.

“Давай попробуем снова” — предложил я. “Будем двигаться медленнее”.

Этого не случилось — я имею в виду медленную часть. Мы снова начали встречаться, и через несколько месяцев я решил, что хочу жениться на ней. Я не говорил вслух об этом решении, но тем не менее, чувствовал это. Меня не просто привлекала Пэм.

Я чувствовал связь с ней, которую раньше не ощущал ни с

кем другим. Также сыграло свою роль, что моя мама дала Пэм свое одобрение. Я знал, что они хорошо ладили, но именно после того, как мама умерла в 1990-ом, я узнал, насколько она любила Пэм. Мама и я нашли общий язык в очень положительной, взрослой манере в течение последних лет ее жизни. Она всегда очень сильно поддерживала меня, несмотря на то, через что я заставил ее пройти, но вместе с периодами трезвости пришло желание облегчить ее жизнь. Одновременно, маму радовал тот факт, что я стал успешным. Независимо от того, сколько ее религия твердила ей избегать меня, она не могла этого сделать; я был ее гордостью и славой. Обычно она расплачивалась чеками, поэтому увидев ее фамилию, люди обычно спрашивали: "Это ваш мальчик?" А она просто светилась от счастья, кивая.

'Rust In Peace' был выпущен в октябре 1990—го; вскоре после его выхода я взял с собой маму в Европу, чтобы она могла посетить место своего рождения: город Эссен в Германии. Это была отличная поездка, которую она всегда мечтала совершить, и я счастлив, что мы сделали это, прежде чем она умерла. Отпевание было несколько странным, отчасти из-за напряженности в отношениях между девушкой Дэвида Эллефсона (и будущей женой) Джули. Я был по-прежнему в ярости относительно ее участия в моей ссоре с Дугом Талером; усложняющим был тот факт, что Джули встречалась с Роном Лаффитом до того, как он стал нашим менеджером.

Служба была памятной в других отношениях, которые были менее тревожными.

Моя сестра Мишель, к примеру, выбрала этот случай, чтобы потянуть меня в сторону и поделиться со мной тем, что сказала моя мама.

"Знаешь, Дэвид…Мама очень любила Пэм".

Это не мелочь, поскольку моей маме не нравились практически все, с кем я встречался, включая Диану. "Вы двое постоянно деретесь" — говорила она. "Почему тебя это беспокоит?"

Я серьезно относился к тренировкам по кикбоксингу и мое тело стало свидетельствовать об этом.

Фотография сделана Россом Халфином

Справедливый вопрос, и в конце концов тот, на который я не мог найти ответ. Моя мама была настолько проницательной. Я женился на Пэм, конечно, потому что любил ее, но также потому, что получил окончательное утверждение от своей матери.

Мегадэт отправились в турне вскоре после этих событий. Это был длительный тур, завершившийся в апреле несколькими выступлениями в Японии, следом за которыми была парочка концертов на Гавайях. Я сделал это намеренно. Я подумал, что будет клево вот так завершить тур: проехав весь мир, набив мозоли на задницах и завершить все Гавайями. Затем, после последнего шоу, провести четыре или пять дней, отдыхая, расслабляясь на пляже и хорошо проводя время. К тому времени, как мы приехали в Гавайи, Пэм уже была там. Она не знала, что я приобрел самую совершенную нить жемчуга, которую мог найти, пока мы были в Японии. Она также не знала, что я позвонил своему коммерческому директору и попросил его найти грушевидный бриллиант и облачить его в оправу с другими бриллиантами.

Пэм не знала ничего об этом, за исключением того, что мы планируем провести хороший отпуск на Гавайях. Затем я сел на телефон и начал обзванивать людей: своих сестер, семью Пэм, Джона Боканегра, своего спонсора в обществе Анонимных Алкоголиков.

“Пэм и я женимся” — говорил я. "Пожалуйста, приезжайте сюда. Ах, да, и помалкивайте об этом. Она еще не знает".

Когда я приехал в наш номер в отеле, Пэм была в душе. Она вышла из душа, завернувшись в полотенце, без макияжа, выглядя еще красивее, чем когда — либо, и улыбнулась мне.

“Чем ты планируешь заняться в следующую субботу?” —

спросил я.

Пэм пожала плечами. “Буду здесь с тобой. А что?”

Я пытался сохранить бесстрастное лицо, но это оказалось невозможно. Я начал улыбаться. "Ну, мне просто интересно, может, ты захочешь выйти за меня замуж".

Она начала плакать, затем достаточно успокоилась, чтобы сказать да, что было хорошо, учитывая сколько билетов на самолет я уже купил. Затем мы приступили к сложной задаче поиска свадебного платья размера 1 в Гавайях. Это правда, что некоторые островитяне азиатского и филиппинского происхождения довольно небольшой комплекции, но также верно, что многие из наших тонганских и самоаских друзей нет.

Гавайи оказались одним из тех мест, чье коренное население носит размер L. Вокруг не слишком много народу ходит в одежде размера 1s.

Но, слава Богу, мы нашли одно платье, и на самом деле это было красивое платье, которое отлично подошло Пэм. Нельзя сказать то же самое о моем смокинге, который на расстоянии казался отрезанным от Reynolds Wrap. Но, по правде говоря, кого это волнует? В любом случае никто не смотрит на жениха. Девушка Ника Менза, Стэфани, была подружкой невесты. Моим шафером был Джон Боканегра. Теперь кто-то посчитает, что мне нужно было пригласить Дэвида Эллефсона для выполнения этого задания, но я не позвал его. По правде говоря, в то время я был ближе к Джону. Если бы я женился, когда я впервые встретил Дэвида (и какой катастрофой бы это было), то да, у него была возможность стать моим шафером. Но как все имеет свое место и по мере развития группы, наша дружба пошла на спад и стала утекать будто сквозь пальцы. Я не знаю, причинило это боль Дэвиду или нет; может и так. Я предполагаю, что говорит о многом, когда вы переходите на сторону бывшего заключенного. Но так и было. Я чувствовал, в тот момент времени, что многому обязан Джону Боканегра. Он был отличным человеком — в очень рок-н-ролльном виде.

Когда началась свадебная церемония, я понятия не имел, как все это будет происходить, и мы полностью полагались на интуицию. Но лимузин подошел, Пэм вышла из него, и она была просто ошеломительна. Непохожая ни на что, что я видел раньше. Это может звучать странно, учитывая, что у нас было много любовных игр в постели. Я видел Пэм одетой, видел ее голой. Но я никогда не видел ее такой; она была… ангельской.

Ничего себе! Мама была права.

Правда, когда Пэм шла по траве, я почувствовал мимолетную тревогу. Но когда она взяла меня за руку и посмотрела мне в

глаза, страх исчез, и вместо него я услышал другой голос, больше похожий на мой собственный: “Знаешь что? Это лишь вопрос времени. Это лучшая женщина для тебя на земле”.

Так, к сведению: это была трезвая церемония. В Японии не было наркомании совсем. Я был в ясном, здоровом месте. В месте оптимизма. Я точно знал, что делаю.

После церемении мы сели в лимузин и поехали обратно к отелю, с песней 'Living Years' Mike and the Mechanics в качестве саундтрека для поездки. Она, может, звучала не совсем по-металлически, но я очень люблю эту песню. Мне нравится мелодия и ее чувственный посыл. Я знаю, что эта песня об отцах и сыновьях и проблемах когда они оба не состоянии общаться. Хотя, по сути, на самом деле, это песня о любви. И важности говорить то, что чувствуешь тем, кого любишь.

Той ночью мы пошли на большое луау34 и будучи там разговорились с пожилой парой, которые были женаты более пятидесяти лет. В какой-то момент я начал общаться наедине с мужем, тихим, задумчивым человеком, достаточно старым, чтобы годиться мне в дедушки.

“Как вам это удалось?” — спросил я. “Я хочу сказать… полвека?”

Старик улыбнулся. “Все просто. Никогда не ложись спать злым на свою жену”.

“Никогда?”

"Никогда".

Я засмеялся так сильно, что чуть не задохнулся. “Да ладно, чувак. Это невозможно”.

Он посмотрел на свою жену, сидящую в нескольких футах от него, дружелюбно болтающую с другими гостями. “Конечно, возможно. Неважно, что она делает, неважно как ты зол на нее, просто поцелуй ее перед сном”.

Бог знает, что у меня и Пэм не идеальный брак. Но мы по-прежнему вместе уже около двух десятилетий. Выбросьте те ночи, когда мы были отеделены работой и поездками, и я могу сосчитать на одной руке количество ночей, когда я засыпал, не поцеловав ее перед сном.

Что могу сказать? Старый чувак оказался прав.

Глава 13: Молюсь Господу о спасении своей души

“ Я устал от гастролей, устал от Мегадэт, я никак не развлекаюсь…ты не хочешь, чтобы я пил, поэтому вместо этого я принимаю Валиум”.

Во время выступления на бис под конец шоу я всегда поднимаю свою гитару над головой.

Фотография сделана Россом Халфином

В какой-то момент вам нужно признать те вещи, которые люди говорят о вас, особенно когда они по сути верны. Так было и в случае с моим отношением к тому, что Мегадэт была приравнена к “политической” группе. Меня смущал такой ярлык, когда мы начинали, но с ‘Rust In Peace’ и 'Countdown To Extinction’ это становилось все труднее отрицать, и, по меньшей мере, я был в курсе того, что происходит в мире; следовательно, эти замечания и мнения, порой не всегда тонкие, нашли свое отражение в текстах Мегадэт.

Концепция 'Rust In Peace', к примеру, появилась из наклейки на бампере, которую я однажды увидел во время движения по

шоссе. Я забыл точную формулировку, но это было нечто вроде “Пусть все твое ядерное оружие покоится с миром”, и у меня в голове тут же созрел образ боеголовок, находящихся в каком-нибудь поле, покрытые граффити.

Не совсем воинственно настроенное отношение, не правда ли? И все же, временами меня обвиняли в приверженности к правым. Меня также воспринимали как защитника окружающей среды, что не совсем согласуется с традиционными республиканскими взглядами. По правде говоря, я считаю себя “политическим” лишь в том смысле, что я гражданин Соединенных Штатов Америки и, следовательно, могу (а возможно даже обязан) свободно говорить о вещах, которые задевают мои интересы.

Итак, у вас есть альбом 'Rust In Peace', куда входят песни о глобальном потеплении и экологических катастрофах (‘Dawn Patrol’), военнопленных (‘Take No Prisoners’), и, разумеется, религии (‘Holy Wars…The Punishment Due’).

Думаю, что большинство знакомых с музыкой Мегадэт скажут, что я политически активный музыкант (работавший на MTV в качестве “корреспондента” во время президентской компании 1992-го, что вероятно, закрепило эту репутацию), но меня не так просто поймать на слове или дать мне четкое определение, и я надеюсь, что такого никогда не случится. Я смотрел на это так: если бы у Клинта Иствуда была партия, названная в честь него, тогда эта партия будет моей. Хорошо, я знаю, Клинт Иствуд был официально избран мэром Кармела (штат Калифорния) от республиканской партии. Но я не говорю о Клинте Иствуде как о гражданине. Я говорю о персонажах, которых он играл, начиная от преступника Джоузи Уэйлса и Дерти Харри до стареющего, мстящего стрелка Уильяма Манни в «Непрощенном». Человек, любящий свою страну, стоит за тех людей, которые не могут сами себя защитить, и которому в принципе насрать, что другие думают о нем. Вы можете не всегда соглашаться с этим парнем, но вы не можете не уважать его.

Я не являюсь зарегистрированным членом двух основных политических партий страны, и подозреваю, что это останется неизменным. Я считаю себя беспартийным: я в целом недоверчиво отношусь к профессиональным политикам, поэтому когда я вхожу в кабину для голосования, я, как правило, делаю выбор в пользу тех, кого считаю меньшим из двух зол. В 1990-ом, когда Билл Клинтом взошел на вершину демократической партии и бросил вызов Бушу-старшему, для меня было гораздо проще голосовать за Клинтона.

Мои ощущения по поводу Эла Гора немного сложнее.

Учитывая мое отношение к окружающей среде, для меня было трудно не прнимать во внимание этого человека; в то же время я был ярым противником Родительского Исследовательского Центра По Вопросам Музыки, основанного Типпер, женой Гора. Я был сторонником, если не обязательно поклонником Джорджа Буша-младшего, в первую очередь, потому что восхищался его подходом к решению проблемы терактов 11 сентября, и не имел ничего против участия Америки в Ираке. Кроме того, я бы ни за что не стал голосовать за Джона Керри, сторонника элитизма, который был груб и надменен, когда я однажды попытался взять у него интервью для MTV. Я знал, что у него нет ни малейшей возможности быть избранным президентом — люди видели насквозь это самодовольное дерьмо.

Для меня это очень просто на самом деле. Я хочу иметь возможность носить оружие; слушать музыку, которая мне нравится; есть, пить и веселиться; и не вредить никому (за исключением, очевидно, самообороны). Это сокращенная Нагорная проповедь из Библии: относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе.

Вызвала ли отвращение лирическая тематика 'Rust In Peace' у поклонников металла, нельзя сказать точно. Пластинка стала самым большим успехом Мегадэт на тот момент, было продано более миллиона копий и это принесло группе первую номинацию на Грэмми. Не то чтобы мне было не насрать (ну ладно, может чуть-чуть), но она также получила практически всеобщее признание критиков. Почти по всем мыслимым стандартам, 'Rust In Peace' стала переломным событием для Мегадэт. Забавно, что все начиналось не так здорово. Мы записывались в местечке под названием Рамбо Рекордерс, принадлежащем Кэптэн и Теннилу, среди прочих. Только представьте! Мегадэт записывались в том же самом месте, где была записана 'Muskrat Love'. Я скептически относился к тому, что говорил Рамбо о хорошей атмосфере, и мое ощущение усугубилось в один прекрасный день, когда я вошел туда и увидел нашего продюсера, Дейва Джардина, поедающего хот-дог с соусом чили и курящим сигарету прямо за пультом.

Помещение просто завонялось.

Через пару дней Джардин был заменен Майком Клинком, чьи полномочия были сильны, но не безупречны. У меня и Клинка с самого начала не заладились отношения, особенно когда он сказал: “Слушай, дружище, если позвонит Эксл, мне придется на некоторое время уехать”.

“Что?”

“Да, я делаю альбом и для Guns'N'Roses, поэтому если я понадоблюсь Экслу…ну, ты понимаешь”.

“Да, я понимаю. Лучше тебе надеяться на то, что он не позвонит”.

И он не позвонил. Клинк довел запись почти до самого конца, пока не начал приносить с собой на работу своего нового щенка, и проклятая собака прогрызла отверстие в стене, а потом прыгнула на мою гитару, и нам пришлось распрощаться с ним.

Но хочу сказать все откровенно. Майк Клинк всегда был признанным продюсером 'Rust In Peace’, и я определенно не стану отрицать его вклад. Это потрясающая пластинка, от начала до конца.

Гастроли в поддержку ‘Rust In Peace’ растянулись на несколько месяцев, начиная от нашего участия в турне Битва Титанов с участием Slayer и Suicidal Tendencies. Я помню эти выступления как чрезвычайно волнующее и в основном развлекательное время, равно как и вливание новой крови — Марти и Ника, в сочетании с тем фактом, что мы раскручивали действительно очень сильную пластинку, придавшую турне несколько отличных от наших обычных гастролей вид. Разумеется, нам помогло (если так можно сказать) то, что у нас был парень вроде Доминика (я не буду разглашать его настоящее имя) в команде дорожников.

Дом был гитарным техником Марти. Ранее он работал с Guns'N'Roses, когда они еще функционировали как группа и мы тусовались с ними, много обменивались дорожниками. Мы позаимствовали их звуковика, Дейва Керра; их руководителя службы безопасности, Джона Закера и Доминика. Дом имел бесцеремонное, неуважительное отношение к своей работе.

Со своими резкими, ящерицеподобными чертами и чувством юмора на уровне восьмиклассника Доминик не был самым привлекательным парнем в мире. Но когда он был рядом, не было недостатка в развлечениях. Если вы замечали, как Дом жует пачку жевательной резинки и спрашивали, нет ли у него еще, он отвечал примерно так:

“Да, погоди секунду”.

Затем он вытаскивал яичко из своих шорт, растягивал свою мошонку и добавлял:

“Только дай мне выбрить отсюда волосы”.

Доминик конфликторвал с каждым на Битве Титанов, но его основной мишенью был Марти. Когда Марти засыпал в аэропорту, Доминик рисовал свастику у него на лбу, особенно неприятные штуки, учитывая то, обстоятельство, что Марти был евреем. Зная любовь Марти к японской культуре, Доминик нацарапал слово “Поедатель Кошек” на приставке Game Boy, принадлежащей Марти. Я думал, что это было чертовски смешно, но по правде

Марти был так разгневан, что решил дать ему отпор. Как только Доминик заснул в самолете, Марти вытащил алюминиевый чемодан Zero Halliburton из воздушного отсека для хранения вещей и написал на нем сверху:

“Внутри наркотики — пожалуйста, проверьте сами!”

Когда мы приземлились в Австралии, Доминик взял свой чемодан, но был слишком пьян или находился в таком сильном похмелье, что не мог заметить, что над его вещами совершили акт вандализма. Чтобы пройти таможню в тот день ему понадобилось чуть больше времени, чем обычно; когда он наконец появился, он дрожал как осиновый лист и по его телу стекал пот, он угрожал убить Марти, который не чувствовал ни малейшей вины.

Я и Макс Норманн у пульта в студии, построенной нами в Аризоне. Макс также выступил в роли продюсера на первых двух пластинках Оззи: ’Diary Of A Madman’ и ‘Blizzard Of Ozz’.

Фотография сделана Россом Халфином

“Вот тебе за то, что нарисовал чертову свастику у меня на голове!”

К концу турне мы все сговорились против Доминика. На последнем рейсе домой, когда мы сели в самолет, Доминик шел, пошатываясь по салону, будучи в стельку пьян и сразу отрубился в своем кресле, которое как назло, оказалось аккурат рядом с католическим священником. Не могу представить, что думал этот бедняга, наблюдая, как мы работаем над Домиником. По очереди с Шарпи мы раскрасили в черный цвет кончик носа Доминика, так что он выглядел как Чучело из Волшебника Страны Оз или жертва обморожения. Затем кто-то написал “666” на его щеках (я уверен, что преподобный нашел это занимательным). К тому времени, как работа была завершена, даже стюардессы присоединились к нам, предлагая воспользоваться их помадой, чтобы придать Доминику вид самой уродливой проститутки в мире.

Наконец, он проснулся и совершил одну из алкогольных прогулок от передней части самолета к туалету, находящемуся в задней. Шатаясь и издавая стоны, явно из-за большой степени дискомфорта, вызванного алкоголем, Доминик рванулся вперед, и как только он сделал это, мы услышали, как повсюду раздается смех. К тому времени, как он попал в туалет, пройдя мимо пары сотен пассажиров, самолет практически трясся в конвульсиях.

А затем смех прекратился.

Внезапно послышался звук шагов, все громче и громче — Доминик бежал из уборной, а его лицо было покрыто красной губной помадой и черными чернилами. Он остановился у моего места и наклонился ко мне.

“Хорошо, Мастейн, ты ублюдок” — сказал он. “Кто это сделал?”

Я пожал плечами, пытаясь подавить смех. “Не спрашивай меня. Я ничего не видел”.

Вместе с успехом пришло давление, и когда мы вошли в студию 6 января 1992-го года, чтобы записать 'Countdown To Extinction’, у нас не было никаких сомнений, что планка должна быть установлена еще выше. После того, как вы продали миллион копий, альбом меньшего масштаба был просто обречен на провал. Это всего лишь реальность музыкального бизнеса. Для меня это был весьма необычный период. Пэм была беременна нашим первым ребенком, и впервые я чувствовал себя так, словно достиг в своей жизни определенного баланса. Наш дом находился всего в паре кварталов от Энтерпрайз Студиос в Бербанке, где мы записывались, поэтому я мог просто ходить пешком на работу.

Для продюсирования 'Countdown To Extinction’ мы обратились к Максу Норману.

Макс работал ранее над пластинками Оззи Осборна — 'Diary Of Madman’ и ‘Blizzard Of Oz’, которые в свою очередь привели его к тому, чтобы приступить к микшированию ‘Rust In Peace'. Мы поладили с ним, пластинка получилась замечательной, поэтому я подумал, а почему просто не позволить Максу взять на себя контроль над 'Countdown'?

Менее чем через месяц после того, как мы вошли в студию, 11 февраля 1992 родился мой сын Джастис. Пэм и я сделали все, что могли, чтобы подготовиться к его рождению, но как и большинство молодых родителей мы были абсолютно неготовы. Не к фактическому рождению, а к его последствиям. Ну, вы знаете — к тому моменту, когда тебе разрешают забрать ребенка домой. Пэм перешла на смехотворно чистый режим диеты, занималась физическими упражнениями и употребляла пищевые добавки, поэтому была в боевой форме в день, когда у нее отошли

воды. Она упорно отказывалась от обезболивающих и анестезии в течение долгого времени в больнице, пока, наконец, я не закричал: “Дорогая, пожалуйста, прими этот чертов Демерол! Если ты не примешь его, тогда я его сам приму”.

Упорство Пэм в этом вопросе было обусловлено в значительной степени тем, что ее мать Салли не раз хвасталась, что родила Пэм без всякой анестезии. Она превратила весь этот процесс в нечто героическое. Лишь спустя некоторое время, проведенное в больнице, наблюдая за тем, как Пэм кривится в муках, ее мать наконец признала, что возможно на самом деле в конце концов ей что-то дали.

“Например?”

“Я не знаю, Дейв. Это было так давно”. Она сделала паузу, оглянулась вокруг и в недоумении потерла нижнюю часть спины. “Я смутно помню какой-то укол в этом месте”.

“О, это просто замечательно, Салли. Они сделали вам эпидуральную анестезию”.

Пятнадцать минут спустя Пэм уже принимала волшебную иглу, и вскоре после этого Джастис появился на свет. На следующий день, пока я спал в кресле рядом с постелью Пэм, какой-то ребенок зашел в палату, чтобы доставить букет цветов. Перед тем как уйти, он сообщил мне, как остановился у стола медсестры и воскликнул: “Мэм, вы знаете, кто у вас там? Мегадэт!”

На что пожилая медсестра ответила: “О, нет, молодой человек. Это замечательная больница. У нас уже долгоое время нет никакой смертности”.

Правдивая история…

С наступлением апреля был оглашен приговор по делу Родни Кинга и за этим последовали беспорядки, всколыхнувшие весь Лос-Анджелес. Это было странное и сюрреалистичное время, с танками и национальной гвардией, выстроившимися вдоль улиц в течение нескольких дней подряд — я уже практически ожидал увидеть в любой момент выходящую из-за угла Сару Коннор, за которой по пятам следовал Терминатор.

Был введен в действие комендантский час, что подразумевало, что я буду работать по банковскому рабочему дню, с десяти утра до шести вечера. Хорошо подходит для семьи, особенно когда в доме появился новый ребенок, а жена находится в чрезвычайном стрессе и страдает от послеродовой депрессии; не слишком хорошее время для создания пластинки, в процесс создания которой обычно входит почти круглосуточное уделение времени.

Тем не менее, пластинка была готова в срок, и мы знали еще

до ее выпуска, что сделали нечто особенное. Мы знали, что песни хороши, мы знали, что наша сыгранность хороша. Мы были плотными, быстрыми, громкими, возможно даже местами немного мелодичными. И трезвыми. Я уже говорил о трезовсти? Впервые за долгое время у нас была настоящая группа, со вкладом в написании песен от каждого из четырех участников.

Ник Менза предложил название альбома и большую часть стихов к заглавному треку, представляющему некое обвинение от уродливого племени “спортсменов”, наслаждающихся подготовленной охотой. Политические заявления были на протяжении всей пластинки, начиная с 'Architecture Of Aggression' (о войне в Персидском заливе) до 'Foreclosure Of A Dream', песни об экономических потрясениях, включающую знаменитый аудиофрагмент (“Читай По Губм”) президента Джорджа Г. В. Буша. Эта песня появилась как следствие разочарования Дэвида Эллефсона рейганомикой, когда семейная ферма в Миннесоте была лишена его права на пользование36. Кроме того были песни о моей борьбе с наркоманией (‘Skin Of My Teeth’), жестокостях тюрьмы (‘Captive Honour’) и последствиях войны (‘Ashes In Your Mouth’, ‘Symphony Of Destruction’).

Накануне выпуска пластинки, в июле 92-го я был взволнован как никогда. Я знал, что у нас в руках пластинка, которая сможет изменить лицо хэви-метал.

Так что же произошло на самом деле? Ну, 'Countdown To Extinction' был монстрообразным альбомом, дебютировавшим на второй строчке популярного хит-парада Биллборода в июле 92-го. Помню, как получил телефонный звонок и сделал большой вдох, думая: “Черт возьми, да!”

А затем, спустя пять секунд спросил: "А кто номер один?"

“Билли Рэй Сайрус”.

“Что? Да ты что шутишь что ли, твою мать? Парень с песней 'Achy Breaky'?”

“Да…сожалею”.

Клянусь Богом, это главное, что я помню о лете 1992-го: величайшее достижение Мегадэт стало тенью. 'Achy Breaky Heart' звучала повсюду (я знаю об этом непонаслышке — помните, что я говорил, что моя жена любит кантри), и альбом, породивший жалкий сингл, был почти таким же повсеместным. ‘Some Gave All’ дебютировал на первой строчке в хит-параде популярных альбомов и удерживался на нем, когда 'Countdown To Extinction’ был выпущен полтора месяца спустя. Мне казалось, что Билли Рэю Сайресу было достаточно довольствоваться хит-парадом кантри, но этот парень, очевидно, решил отправиться с миссией по завоеванию музыкального мира.

Настолько одурманивающей была его власть, что на самом деле на какое-то мгновение я отвел взор от Металлика, задумавшись, как смогу превзойти Ларса и Джеймса, и просто попытался понять ужас системы, которая эффектно вознаграждала дерьмо вроде 'Achy Breaky Heart'. Мегадэт продали дохуя копий этим летом, но все это было ничто по сравнению с Билли Рэем Сайрусом. Я просто не мог этого понять. Кто-то однажды спросил меня, пересекались ли наши пути, поскольку мы оба были на вершине хит-парада в то же самое время и все такое, и я пошутил: “Да, я сказал ему, что у меня есть идея о создании ситкома о парне, чья дочь-подросток ведет двойную жизнь и становится знаменитой поп-звездой. Этот ублюдок украл мою идею”.

Правда в том, что мы никогда не встречались, и я уверен, что не был бы особенно рад этой встрече, если бы она состоялась. Я не питаю уважение к его музыке. По-прежнему нет. Но теперь я не воспринимаю это настолько близко к сердцу. В конце концов, подсчитывать вкусы бесполезно.

Также не существует возможности дать рациональное объяснение моей одержимости успехом, признанием, уважением. Было так, как было — и по-прежнему в определенной степени все именно так, хотя я считаю, что сейчас лучше с этим справляюсь. С помощью 'Countdown To Extinction' Мегадэт от группы месяца стали настоящей супергруппой. Альбом был очень быстро распродан тиражом в полумиллиона копий (золото), затем миллиона (платина), и он просто…продолжал…продаваться.

Внезапно мы получили влияние на том уровне, который никогда не знали. Было запланировано огромное турне. Рок-пресса встала перед нами на колени. Деньги будто текли рекой. У меня была карьера, о которой я всегда лишь мечтал и кроме того у меня была потрясающая семья. Должно быть, я был одним из самых счастливых парней на планете. Но, само собой, я им не был. Вместо этого, я мчался в сторону…эээ…смерти.

К осени мы были в пути и вновь я стал одержим преследованием Металлика.

Каким бы хитом ни был 'Countdown To Extinction’, он не достиг успеха последнего релиза Металлика, одноименного альбома 'Металлика' (также известного как 'Черный Альбом'), достигшего первой строчки годом ранее, летом 1991-го, и они продолжали выпускать успешные синглы. Среди них был 'Enter Sandman’, песня, от первого прослушивания которой у меня едва не случился сердечный приступ.

Немного предыстории…

Примерно во время записи Металлика ‘Черного Альбома’

Мегадэт предложили записать песню, которая бы выступила в качестве саундтрека к продолжению фильма «Невероятные Приключения Билла и Теда». По правде говоря, нам предложили заглавный трек, и мы ухватились за эту возможность.

“Как называется фильм?” — спросил я.

“«Билл и Тед Отправляются в Ад»”.

“Клево” — подумал я и приступил к работе над написанием песни под названием 'Go To Hell'. Когда она была завершена, директор Интерскоуп Рекордс, ответственный за выпуск саундтрека, отделался лишь прохладным одобрением.

“Она недостаточно мрачная” — сказал он.

Ладно…тогда я изменил некоторые строчки, сделал их мрачнее, записал вокальную партию и предоставил песню. Всем она понравилась. Некоторое время спустя я обнаружил, что название фильма измнено на «Фиктивное Путешествие Билла и Теда», “творческое” (то есть маркетинговое) решение, стоившее нам не только заглавного трека, но также поставившее меня в неловкую ситуацию — я был вынужен объяснять, почему написал песню, которая имеет то же название, что и песня, написанная Элисом Купером, моим крестным отцом, ради Христа. Это было ужасно. Очевидно, я не особенно хотел, чтобы все отправлялись в ад. И очевидно я бы не стал проявлять к Элису откровенное неуважение, украв его название. Я просто следовал директиве Голливуда. К сожалению, на этом я и обжегся.

Песня открывалась следующим текстом, озвученным ребенком:

“Сейчас я готовлюсь ко сну,

И молю Господа спасти мою душу

Если мне суждено умереть, прежде чем я проснусь,

Я молю Господа забрать мою душу”

В конце песни предлагался рычащий, видоизмененный куплет от вашего покорного слуги:

“Теперь я готовлюсь ко сну

Бла, бла, бла, спасти мою душу

Если я умру прежде, чем проснусь,

Я отправлюсь в ад ради бога!”

Затем вышел 'Черный Альбом‘ и 'Enter Sandman' стала самым продаваемым синглом Металлика. Забудьте на секунду, что у Джеймса и Ларса была своя история, связанная с моими песнями. Забудьте, что вступительный аккорд к 'Enter Sandman’ звучал подозрительно похоже на вступление к малоизвестной песни под названием 'Tapping Into The Emotional Void’ (записанной группой Excel в 1989-ом). Но что действительно поставило меня в тупик, так это бросающая в дрожь интерлюдия в средней части песни:

“Сейчас я готовлюсь ко сну
И молю Господа спасти мою душу
Если я умру прежде, чем проснусь,
Я молю Господа забрать мою душу”

Конечно, не я написал молитву ребенка, с которой она была содрана (нами обоими). И возможно это было лишь чистой случайностью. У меня нет возможности доказать обратное. И 'Go To Hell’ и ‘Enter Sandman’ нашли свое отражение в Не знаю я и о том, слышали ли Джеймс или Ларс о существовании 'Go To Hell' во время ее записи в студии. Я лишь знаю, что когда я услышал 'Enter Sandman', я был в шоке.

Наша сценическая одежда и образ были в серьезном беспорядке, как и вся индустрия в эту эпоху.
Фотография сделана Россом Халфином

Совпадение было просто ошеломляющим и послужило еще одним напоминанием того, ичто мне никогда не избежать тени Металлика. Она всегда будет нависать надо мной — длинная и темная.

Я выработал в себе по меньшей мере в некотором роде чувство юмора ко вему этому в среднем возрасте. В конце концов, можно бороться с ветряными мельницами на протяжении столь длительного времени, и при помощи работы и помощи тех, кто знал меня лучше всего, я научился ценить то, что было в моей жизни. Однако, в то время я был чертовски взбешен. Я получил немало словесных оскорблений на протяжении многих лет за то, что никак не могу избавиться от Металлика. Некоторые из них весьма оправданы. Я знаю, что многие смотрят на меня, и я сам, включая Ларса и Джеймса в этом лагере, и говорят: “Почему ты

просто не можешь быть счастлив от того, что достиг?" И они правы.

Продажа двадцати миллионов альбомов не является незначительным достижением. Но это примерно половина от того, что продала Металлика, а я был должен стать частью всего этого.

Вам нужно было быть здесь, чтобы понять, каково это было чувствовать, как меняешь мир. А затем это ощущение убирали у вас из-под ног, и вы видели и слышали напоминания о том, что могло происходить с вами каждый божий день, всю оставшуюся жизнь. И знаете — да, вы просто, черт возьми, знаете — что бы вы ни делали, в какой-то степени это никогда не будет достаточно хорошо.

Таким я и был.

Я был похож на парня за рулем BMW 5 Series, ненавидящего эту чертову тачку лишь потому, что его сосед пошел и купил себе 7-ю. Вы никогда не выиграете эти бои. Все ваши попытки просто обречены на ничтожность.

К тому времени, как мы были глубоко погружены в турне 'Countdown To Extinction', я неплохо шел по пути, ведущему к неприятностям. Что-то одно никогда не провоцирует рецидив. Наркомания гораздо более сложная, чем это. Я могу указать на многочисленные факторы, способствовавшие тому, что в конечном итоге стало почти временем на грани жизни и смерти: конфликты с другими парнями в группе, давление кормить зияющую пасть, которой стали Мегадэт, одиночество в жизни на дороге, отвращение к самому себе, которое я ощущал будучи ребенком, и которое теерь периодически надирало мне зад, когда я стал взрослым. Сделайте свой выбор.

Какой бы ни была причина или серия причин, я обнаружил себя как-то ночью вскрывающим мини-бар отеля, забирая пару бутылок пива. Рациональное объяснение было почти у меня в руках: я усердно работал, скучал по жене и сыну; я заслужил выпить.

И вообще, моей настоящей проблемой был кокаин и героин; пара бутылок пива мне бы не повредила.

И снова неверно.

Вскоре я спотыкался как Микки Рурк в фильме «Пьянь».

"Это за всех моих друзей!"

За исключением того, что их не было рядом. Наоборот. Только я и бутылка. Позже в турне я свалился с больным горлом, и мне, конечно, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, но вместо этого по настоянию руководителей менеджмента и записывающей компании, я продолжал усиленно работать,

лечась сиропом от кашля с кодеиновой добавкой. Кодеин является опиатом, и довольно скоро я готовился к концертным выступлениям с бутылочками сиропа от кашля. Когда они закончились, я перешел на водку и 7Up с коньяком. Пэм и Джастис присоединились к турне в начале 1993-го, и Пэм сразу же встревожилась. С одной стороны она беспокоилась о моем здоровье. С другой она нашла меня физически отталкивающим.

“От тебя воняет” — сказала она. “Ты воняешь, как алкоголик”.

Используя свой проницательный алкоголический ум, я переключился на Валиум, который является ничем иным, как концентрированным алкоголем, по крайней мере, с точки зрения его влияния на мозг. Поскольку я был рок-звездой, мне было недостаточно принять десять или двадцать таблеток; мне требовалось пять сотен, примерное количество, чтобы продержаться в состоянии кайфа на следующие пару лет. Я мало знал о том, что Валиум имеет длительный период полураспада: он остается в твоем огранизме, вырабатывая свое магическое действия, много времени спустя после усвоения организмом. Ты принимаешь одну таблетку, а на следующий день половина ее до сих пор находится в тебе. И так далее. Его концентрация довольно быстро достигает смертельного уровня. Пэм стала подозревать меня и, в конце концов, нашла мой тайник с таблетками, что вызвало полное признание вины с моей стороны.

“Я устал от гастролей, устал от Мегадэт, я никак не развлекаюсь…ты не хочешь, чтобы я пил, поэтому вместо этого я принимаю Валиум”.

"Тебе придется остановиться" — сказала она. “Ты убиваешь себя”.

“Знаю”.

Я согласился выбросить таблетки. Пэм проследила, как я смываю их горсть в унитазе.

Ну, почти все из них, так или иначе. У меня оставалось около трех десятков, которые я съел за один присест, вернувшись обратно в Калифорнию — акт самоуничтожения и глупости, приведшие к госпитализации и появлению смерти с косой.

Я оказался в медицинском центре Беверли-Хиллз, под присмотром терапевта, имя которого останется в нашей истории тайной, давайте просто скажем, что к нему обычно обращались как к Доктору Айболиту. Мы неплохо подружились после моих многочисленных поездок в его лечебный центр, но нет никаких сомнений, что этот парень был отчасти из-за этической стороны. В первую нашу встречу этот парень вызвал меня на поединок по армрестлингу. Этому чуваку было около семидесяти, но у него

были кулаки Джэка Лалейна, и ему потребовалось около десяти секунд, чтобы хлопнуть моим костлявым наркоманским запястьем по столу.

“Отлично” — ответил я. “Теперь, когда вы вывихнули мне руку, пожалуйста, могу я получить немного чертовых наркотиков?”

Хотите верьте, хотите нет, это не было необоснованной просьбой в реабилитационном центре. Первое, что они сделали, это подключили меня к капельнице с Верседом, затем ввели некоторые питательные вещества, и добили все это Висторолом или Клонопином. Скоро вы были под таким же кайфом, как обычно на улице. Эта поездка, после моей передозировки Валиумом, не слишком-то отличалась. Чтобы поставить меня на ноги, Доктор Айболит назначил мне среди прочего…Валиум! И после того, как я был обдолбан до состояния оцепенения, этот парень зашел в мою комнату и уговорил меня купить его дом.

Держу пари, вы не поверите.

Ни адвоката, ни нотариуса. Ничего. Только я, док и договор. Не знаю, зачем я подписал его. Черт — в то время я был не в своем уме. Лучше спросить, какой терапевт накачивает наркотой своих пациентов, а затем продает им свою недвижимость? Ответ: шарлатан. И наркоман. Доктор Айболит был и тем и другим. Оказалось, что этот старый дед колол себя в промежность в больнице. Никакого движения там не было, так кто, черт возьми, мог это заметить? Как и ожидалось, он, в конце концов, умер от передозировки, что по моему опыту является выходом, которые избирает значительное число людей в реабилитационном бизнесе.

Во всяком случае, находясь в лечебном центре, я начал отмирать — в эмоциональном, духовном и физическом смысле. Последнее из все этого было последней из моих проблем. Честно говоря, мне было насрать, живу я или нет, и некоторое время мне казалось, что нет. Однажды я споткнулся и упал в уборной, просто упал между туалетом и ванной, и у меня на руке открылась отвратительная рана. Я позвонил Пэм и сказал ей, что думаю, что просто перенапичкан препаратами и мне требуется ее помощь.

К концу дня она и Рон Лаффит забрали меня оттуда и посадили на самолет. Пунктом назначения было место, известное как Мидоус, реабилитационный центр, расположенный в Викенбурге, штат Аризона.

Буду откровенен: я не помню практически ничего с первой недели, проведенной в Викенбурге, где я чуть не умер. Моему телу потребовалось много времени, чтобы избавиться от

интоксикации и восстановиться. Как только я избавился от наркотиков, и не имея риска впасть в коронарный приступ, что просто невозможно на ранних этапах реабилитации, началась действительно трудная и болезненная работа. Семь недель интенсивного консультирования в стационаре и терапии. Не только для меня. В самом начале процесса было установлено, что Пэм и я можем извлести пользу из парного консультирования. Если вы никогда не были в этом конкретном углу психотерапевтического ада, хорошо, позвольте мне рассказать вам — это настоящее долбаное удовольствие.

Я нисколько не виню в этом Пэм. Она ожидала сказочный брак с рок-звездой, а вместо этого она получила…меня: развращенного, имеющего проблемы с наркотиками, алкоголичного, суицидального сумасшедшего. Так или иначе, я был таким в неудачные дни. И таких дней было слишком много в первые два года нашего брака. Однако, противостоять этой реальности было равносильно пытке. Парное консультирование привело к терапевтическому залу зеркал. В дополнение к обычным собраниям Анонимных Алкоголиков, меня отправили на сеанс мужской групповой терапии, семинар по сексу, семинар по управлению гневом…и снова и снова. В их глазах единственным принуждением, которого мне не хватало, была необходимость играть. Опять же, было весьма ясно, что я играл в азартные игры с жизнью и средствами к существованию, поэтому, возможно, в конце концов, я не особо по этому скучал. Конечно, некоторые из этих вещей были полезными. Но многое из всего этого было полным дерьмом. Я не мог провести прямую линию между тем, чтобы быть героинщиком (которым я был) и секс-наркоманом (которым я не был, не считая случайных пьяных связей). Хотя аргумент консультантов был в том, что все модели поведения были связаны, и что просто в силу своей работы я был подвержен и пропагандировал широкий спектр отвратительных привычек, все из которых было необходимо решить. Моей бедной жене было предложено принять участие в собраниях Анонимных Алкоголиков, но это продолжалось всего несколько минут. Все эти несчастные женщины открыто фантазировали о кастрации своих супругов во время сна, после чего они обнимали друг друга в знак поддержки. От этого у Пэм побежали по коже мурашки.

А затем были две отдельные версии “семейной недели”, которую я вынужден был терпеть. Это была кульминация или наоборот — самый неприятный момент реабилитационного процесса, аналогичный теме “возмещения ущерба”, когда ты выступаешь на собраниях АА. Обряд посвящения, так сказать. Период после вмешательства. Вы сидите со своими близкими и

они избавляют себя от сдерживаемого гнева и негодования, рассказывая вам о каждом вредоносном или неловком поступке, совершенным тобой когда-либо, в трезвом или пьяном состоянии. Это жестоко, и я прошел через это дважды. Первый раз с Пэм и своими сестрами (моими кровными родственниками) и второй с ребятами из Мегадэт (моей профессиональной семьей). Оба эти сеанса были напряженными, откровенными и истощающими. Мои коллеги по группе поначалу были настолько злы, что даже не хотели принимать участия в этом процессе, но как только был дан зеленый свет поливанию меня дерьмом, они не смогли больше сдерживаться. Не только моя наркотическая зависимость беспокоила их, но и тот факт, что я поставил их карьеры под угрозу. Я понял это. Я уволил предыдущих членов Мегадэт точно по той же причине. Но я не верю, что в тот момент они понимали глубину моей проблемы или степень моего страдания. Я даже не был уверен, что хочу продолжать писать песни или исполнять музыку. Я чертовски уверен, что не знал сам, хочу ли я продолжить существование Мегадэт. Однако, что я точно знал, так это то, что в то время я не мог принимать участие в гастролях, и это признание глубоко обеспокоило как других ребят в группе, так и наш менеджмент.

Мы отменили в значительной степени раскрученное турне в Японии после моей госпитализации. Теперь, когда я казалось, восстанавливался, другие парни хотели воскресить это турне. Наиболее непреклонен был Марти Фридман, который к тому времени покинул свою резервацию. Марти был абсолютно очарован японской культурой, влоть до того, что в конечном счете стал похож на Ричарда Чемберлена в «Сёгуне».

Мечтой Марти почти длиною в жизнь было сыграть в Будокане, и мой рецидив стоил ему такой возможнсти. За это я искренне сожалею. Но все же мне было не настолько жаль, что я хотел поехать прямо из Викенбурга в Японию. Ребята в кончном счете, пусть и неохотно, но приняли мои извинения и поддержали мое решение. Дело не в том, что наш агент Энди Саммерс, забронировал турне, включавшее также выступления в Австралии, без моего разрешения или ведома. Мы отменили турне во второй раз, еще больше разозлив японскую аудиторию и промоутеров. А затем уволили Энди.

Был июнь когда Мегадэт наконец выступили живьем. Мы приняли приглашение появиться на одной сцене с Металлика и Даймонд Хэд в Милтон Кинс Боул в Бакингемшире, Англия. Оттуда мы отправились в европейское турне. Хотя, для того, чтобы это произошло, нам потребовались изменения. По настоянию менеджмента была введена в действие политика

воздержания. Я не против проведения чистого и трезвого турне, но у меня были сомнения относительно того, может ли такое поведение считаться законным. Эта идея казалась немного чрезмерной и откровенно невозможной к претворению в жизнь. Мы все были взрослыми людьми, в конце концов. Однако, наш менеджмент был непреклонен, и я пошел им навстречу. Ожидалось, что каждый из нас подпишет контракт о намерении воздерживаться от употребления наркотиков и алкоголя во время гастролей; кроме того пункт конфиденциальности запрещал участникам группы и дорожной команде обсуждение событий, происходящих во время гастролей или в студии. Иными словами, все, что случается в группе, остается в пределах группы. Опять же, благородное желание…пока ты не требуешь, чтобы люди приняли его. В этот момент оно перестает быть благородным и становится несколько фашистским.

Но именно такой была атмосфера в Мегадэт в то время. Экстремальные меры по борьбе с экстремальной проблемой. Хотя я не считаю, что он был единственным, кто был не согласен с политикой, но Ник Менза в конечном счете был единственным воздержавшимся, когда настало время подписывать документы. И это привело к весьма убогой встрече между нами двумя. Мы прибыли в отель после трансатлантического перелета, и во время прохождения регистрации я подошел к Нику и спросил, почему он не подписал договор.

Diamond Head, Мегадэт и Металлика в Милтон Кинс Нэшнл Боул, Милтон Кинс, Англия, 5 июня 1993 г.

Фотография сделана Россом Халфином

Фланелевая ткань стала модным материалом для футболок. Я терпеть не мог этого, потому что метал-сцена быстро начала выглядеть как шоу группы Pearl Jam.

Фотография сделана Россом Халфином

“К черту его!” — закричал он. "Я нихуя не буду подписывать!"

Его взрыв эмоций не особо удивил меня. Подход Ника к разрешению конфликта состоял в том, чтобы постепенно становиться все громче и враждебнее, пока его противник либо сдастся либо уйдет от замешательства. Мне всегда нравился Ник; я считал, что он был хорошим ребенком с плохим характером и проблемами с неуверенностью, усугубившимися употреблением наркотиков. Обычно я перебивал его в таких вопросах, но не в этот раз. Если трезвость была частью договора, а профессионализм его целью, тогда мы все должны были соблюдать правила. Включая Ника. Спор продолжался какое-то время, пока, наконец, я не загнал его в угол. “Ник, если ты собираешься пьянствовать и быть членом этой группы, тогда у нас обоих возникнут проблемы”.

“Да пошел ты. Я ухожу!”

Это было менее чем за 24 часа до того, как мы должны были выходить на сцену, и хотя я сомневался, что Ник был достаточно безумен, чтобы уйти от Мегадэт, я счел личным оскорблением, что он угрожал мне уходом. Он был раздажительным, детским, эгоистичным.

“Чувак, если ты уйдешь сегодня вечером, то наплюешь на мои средства к существованию” — сказал я. “И если ты сделаешь это, тебе придется заплатить мне”.

Затем он сказал мне отъебись, что ввело меня в режим временной потери памяти.

Используя движение, известное в боевых искусствах как “Орлиный Коготь”, я схватил его за горло, блокируя большим

пальцем левой руки его дыхательное горло и заводя правую руку согнутую в локте. К тому времени я практически потерял рассудок. Меня отделяли примерно две секунды от того, чтобы раздробить гортань Ника и выбить дерьмо из его лица, и все в одно и то же время. К счастью, в нашем распоряжении в то время был телохранитель по имени Джордж, который был довольно грозным человеком. Бывший Зеленый Берет, Джордж мгновенно среагировал, схватив меня сзади и не давая мне двигаться, пока моя ярость не утихла. Мы провели остаток ночи, пытаясь залечить поврежденные эго и прийти к какому-нибудь примирению. В конце концов, вопрос был решен, и мы отыграли следующую ночь и с Металлика и Даймонд Хэд. Но все произошло не так, как мне хотелось бы.

Очевидно, это было большое дело — появиться на одной сцене со своими бывшими коллегами по группе. Но я был полон решимости сыграть круто; я не хотел позволить никому видеть, как я отступаю, появиться слишком энергичным или, не дай Бог, испытывающим благоговение перед знаменитостями. Как только я увидел Джеймса, мне очень захотелось поговорить с ним, как вы обычно разговариваете с другом. К сожалению, у хороших парней в Металлика довольно извращенное чувство юмора. Они пригласили меня в свою гримерку, где стояла большая тарелка того, что оказалось кокаином, притягивая к себе внимание и находясь без присмотра. Я был очень разочарован в них за это. Все знали, что я пытался вести трезвый образ жизни, и все было похоже на то, что они достигли нового минимума, оставив тарелку белого порошка в своей раздевалке, чтобы подразнить меня или посмеяться надо мной. Это лишь усилило то, что я уже знал: Металлика считали себя безгрешными, тогда как Мегадэт воспринимались как группа, которая жила ради развлечений.

Мы были по сути сломленой группой. Все теперь касалось денег, наркотиков, власти и эгоизма. Не касалось музыки и, черт побери, не затрагивало дух товарищества. У нас в группе было достаточно проблем, но это должно быть было одним из тех времен, когда каждый должен был хотеть сказать: “Черт возьми, да! Мы играем с Даймонд Хэд и Металлика!” Но вместо этого мы говорили: "Если я хочу выпить сраного пива, я выпью сраного пива!" Как будто это имело какое-то значение. Я посмотрел на Ника, и увидел человека, который готов был бросить все ради бутылки Хайнекена.

На самом деле я вел себя практически так же. Только теперь я был одним из тех невыносимых, недавно принявших трезвый образ жизни пьяниц, которых презирают большинство людей. Вот дерьмо, пару месяцев назад я презирал самого себя.

Мы прошли через европейскую часть турне, вернулись в Штаты, а затем поехали снова, на этот раз выступая на разогреве у Aerosmith, в том, что можно было объявить как Великий Тур Трезвости 1993-го. Aerosmith отлично очистились после многих лет ведения развратной рок-н-ролльной жизни. Боб Тиммонс был с нами в пути в этом турне, по-видимому помогая группе оставаться на прямом и узком пути.

Не могу сказать, что покинул это турне с большим восхищением или уважением к Aerosmith. Безусловно, они были профи, и мне всегда нравились некоторые их вещи, но я был немного удивлен тому, как с нами обращались. Были, к примеру, вещи, которые мы ожидали, как например возможность проводить достойный саундчек в подень перед концертом; разумное количество времени (минимум один час) на установку оборудования; место, где мы можем на сцене установить наш задник. Ну, после нескольких дней не получая того, чего мы ожидали — вещи, которые якобы были предусмотрены в нашем договоре — я разозлился. И начал вести себя импульсивно. Как-то вечером в Далласе, когда во время нашего концерта поклонноик бросил на сцену футболку Aerosmith, я вышморкался в нее и бросил ее обратно в толпу. После концерта я провел радио-интервью.

“Дейв, мы любим Мегадэт здесь, в Техасе” — сказал ди-джей. “Почему вы не играете немного подольше?”

Я рассмеялся. “У нас нет много времени на выступления, потому что у Aerosmith не слишком много времени, чтобы жить”.

Я подумал, что это немного забавно. Очевидно, Джо Пери и Стивен Тайлер так не считали. Они услышали интервью во время поездки на концерт на своем лимузине. На следующий день я обедал в Тако Бэлл, когда наш туровой менеджер подошел ко мне и сказал: “Эй, Дейв, просто хочу дать тебе знать, что мы сегодня уезжаем домой. Нас выперли из тура”.

Я чуть не подавился своей чалупой39. “Что? Ты шутишь”.

"Нет. Извини".

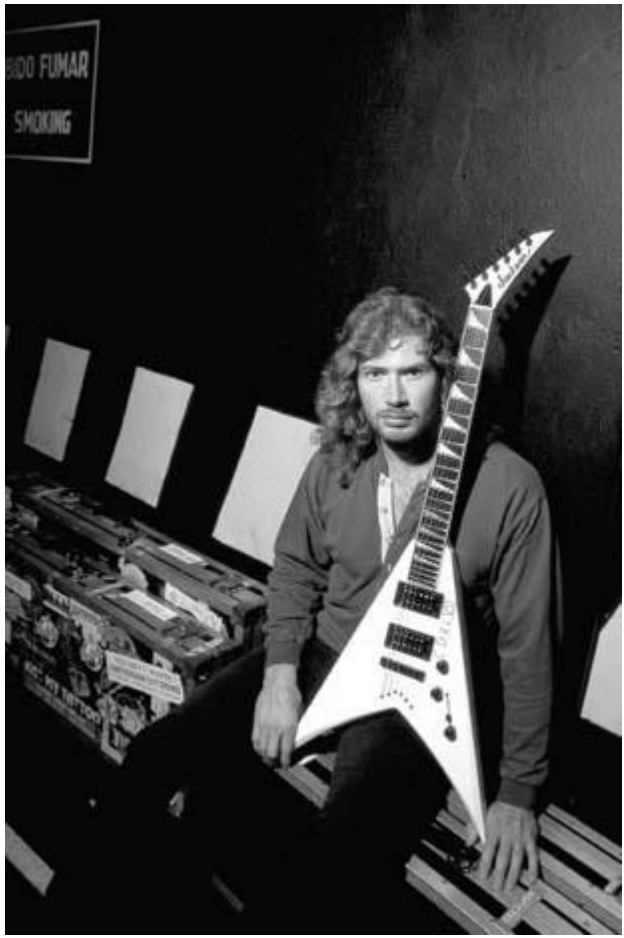
Я не просил объяснений. Вместо этого, по какой-то причине я хотел знать, кто нас заменит.

“Jackyl” — ответил он.

О, Боже.

Вот и мы, мультиплатиновая группа, находящаяся на гребне с хитовой пластинкой…и нас заменили на дрянной, третьесортной гибрид хэви-метал и южного рока. Можно было почти рассмеяться над всем этим безумием.

Почти…



Глава 14: Внутренние предатели

“Господи, чувак. Расслабься. Это не Нью-Джек Сити”.

После весьма неудачной стрижки. Числа на пленке были частым делом.

Фотография сделана Россом Халфином

Мне нравилась пустыня Аризоны. Она безжизненная и широкая. Служит ежедневным напоминанием, что где-то мог существовать космический план, в котором я играл лишь незначительную, практически незаметную роль. Полагаю, вы назвали бы это перспективным изображением. И, разумеется, эта пустня казалась удаленной на световые годы от мира Лос-Анджелеса и Голливуда, токсичных газов славы. Так что, хотя я был выписан из Мидоус и получил (временное) медицинское заключение “полностью здоров”, мы с Пэм решили, что Феникс будет нашим новым домом. Мы хотели жить и работать там. Для осуществления этого плана Дэвид Эллефсон и Марти Фридман также переехали в Аризону, так что мы могли сотрудничать более эффективно на следующей пластинке Мегадэт — 'Youthanasia'.

Единственным человеком в группе, который отказался переселиться, был Ник Менза.

Я не верю, что Ник был обижен моими попытками поддерживать режим трезвости или тем, что он вносил в группу меньший вклад. На самом деле пока в то время Ник скорее боролся со своими собственными демонами, все, что касалось Мегадэт, стало несколько скучным. Чем больше мы становились, тем больше боролись. Мы боролись в основном по поводу творческих и финансовых вопросов: в каком духе писать песни, кто будет писать песни, и сколько денег будет от этого получать каждый участник группы.

Чтобы разобраться в этих вопросах, а такжде для решения различных личностных конфликтов, мы проводили сеансы групповой терапии практически еженедельно. Это было мучительно больно; как правило, моя роль заключалась в том, чтобы сидеть в центре комнаты и слушать, как все остальные говорят мне, каким высокомерным, эгоистичным, бесчувственным мудаком я был.

“И да, кстати, Дейв, мне нужно больше денег, пожалуйста”.

Доходы от сочинения песен стали бесконечным источником конфликтов. В самом начале Мегадэт все было так просто: если ты написал песню, она была твоей. Конец истории. А тут началось нытье: *“Вах, вах, вах! Я не получаю достаточно денег. Это несправедливо”.* Проблема заключалась в следующем: звукозаписывающая компания хотела, чтобы я писал песни. Предпочтительно все из них. И от тех, что я не писал, от меня ожидалось, что я изменю и улучшу их путем бесконечной модификации и попыток исправить. Было бы легче для меня и полезнее для остальных участников группы, если бы наши композиторские способности были равны. Но это был далеко не тот случай, и все прекрасно знали об этом.

Поэтому мы приняли новую и постоянно меняющуюся деловую схему, разделявшую пирог авторских на мелкие кусочки. Вот как было в ранние дни. Если ты писал музыку, ты получал 50 %. Если ты писал текст песни, ты получал 50 %. Если ты занимался и тем и другим, ты получал 100 % авторских за эту песню. Если написал текст, сотрудничая с другим участником группы по музыкальной составляющей, тогда ты получал 75 % авторских за эту песню; человек, с которым ты сотрудничал в музыкальной части, получал 25 %. Если ты не написал ничего — если ты всего лишь был музыкантом, игравшим в студии и ездившим на гастроли — ну, тогда ты не получал ничего по части авторских. Ты получал очень высокую зарплату и довольствовался живыми выступлениями. Для любого в Мегадэт

на пике своей карьеры это не было мелочью, особенно когда индоссамент и доходы от мерчандайзинга были внесены в общую совокупность факторов. Для всех нас это была лучшая жизнь, чем мы могли когда-либо представить.

Это было примерно так же сложно, как я всегда себе представлял эту формулу. К сожалению, всякий раз ноль добавлялся к концу формулировки авторских, соответственно увеличивались зависть и ревность, вызывая дальнейшее вмешательство и изменение учета. Если один человек написал текст песни, у всех остальных будет возможность добавить или изменить пару строчек, фактически разделяя текст песни на три или четыре части. То же самое можно было сказать и о музыке. Это было просто невыносимо.

“Разве ни один из вас не может написать долбаную песни в одиночку?” — говорил я иногда.

Был один важный случай во время гастролей в поддержку 'Youthanasia', когда мы обсуждали эту тему во всей ее бессмысленной красе. Это произошло в рамен-магазинчике в Токио. Все четверо из нас были там: я, Ник, Марти, Дэвид. Как это обычно бывало в те дни, центральной темой разговора стала не музыка или сценические выступления, или что-то духовное, а деньги.

“Знаешь что?” — сказал Ник. “Думаю, что у нас должен быть налог на сотрудничество”.

“Что?” Я понятия не имел, о чем он говорил, при этом мне не понравилось, как это прозвучало.

“Ну, знаешь, система, чтобы быть уверенным, что каждому платят деньги, если мы все пишем музку”. Лицо Ника осветилось. Он собирался сказать что-то важное, нечто, чтобы довести до меня свою точку зрения. “Это как Кенни Джи. Он говорит, что не может писать песни, пока все группа не будет с ним сотрудничать”.

Произошла долгая, тягостная пауза. Потом меня прорвало.

“Думаешь, я собираюсь платить тебе за то, что ты будешь моей музой или типа того? Это просто смешно! ”

Обед прошел в тишине после всего этого, и мы все вернулиь в наш номер в отеле.

Где-то по дороге я мысленно отметил, что Мегадэт изменились навсегда. Теперь мы были в первую очередь коммерческой организацией.

Несмотря на распри и ссоры, механизм Мегадэт отлично работал. Я был менее заинтересован в том, чтобы улучшить эти отношения, чем в том, чтобы попытаться выяснить, какого черта меня так тянуло к самобичеванию того или иного рода.

Называйте это духовными поисками, психологической прогулкой, которая помогла мне вступить в контакт с различными мистиками, шаманами и жрецами, практически у всех из которых было что-то интересное, если не сказать сумасшедшее, чтобы предложить по вопросу моего внутреннего смятения.

Я пошел к женщине, которая была духовной целительницей и чей дар был во многом схож с тем, что есть у тех, кто говорит, что у них есть дар: он может быть от Бога, или от Сатаны или она могла быть просто пиздаболкой и ничего могло вообще не произойти. Как бы то ни было, когда я впервые пришел к ней, она знала немало обо мне и провела надо мной работу, благодаря которой мне стало лучше. Я прошел через все процедуры, которые она мне советовала пройти. Я доверял ей. Пока она не позвала гуру поработать над ней. Этот парень провел на ней сеанс акупунктуры и вставил иглу в ее область вагины, которая вызвала у нее неконтролируемые множественные оргазмы. Она бросила своего мужа ради этого индийского раджи, который проводил надо мной “очищение”, используя иглы и банки. Сама процедура была настолько тяжелой, что паренек упал в обморок, но не раньше, чем сообщил, что видел спектральное изображение человека в серебряной чалме, который провозгласил радже: “Теперь я отпущу его”. Это, якобы, было началом моего освобождения от сатанинского влияния, оказывавшего на меня влияние еще в детском возрасте. Затем был филипинский священник, чья процедура по очищению включала в себя видение головы демонического быка, выходящего из моего живота.

Хорошо…я готов первым признать, что все это могло быть херней, но я желал экспериментировать. Я находился в поиске. Чего? Честно говоря, я и сам не знал.

Возможно, ответов. Мира. Сил, чтобы изменить свою жизнь. Я изучил «Введение В Чудеса» Мэри Энн Уильямсон. Я присоединился к группе мужчин и попытался охватить все эти глупости вроде Железного Джона. Я делал все за исключением обращения к Богу, потому что, честно говоря, это было последним место, куда я захотел бы заглянуть.

Поэтому, ради обретения комфорта я обратился к теплому соседству алкоголя и наркотиков. Был один наркодилер, проживавший в нашем районе, и мы сдружились, начали тусоваться вместе, время от времени торчали. Довольно скоро это стало больше чем время от времени, и прежде чем осознать это, я находился в реабилитационном центре. Я бы не назвал это полноценным рецидивом (да, существуют различные степени зависимости, как бы трудно для понимания это ни звучало). Был

период, когда я снова то вел трезвый образ жизни, то бросал его; я был новичком на собраниях Анонимных Алкоголиков и неоднократно участвовал в групповой поддержке, хотя едва ли я был неофитом. Я просто продолжал возвращаться к тому, с чего начинал.

Фотография сделана Дэниэлом Гонзалесом Торисо

В Милтон Кинс у грузовиков за сценой.
Фотография сделана Россом Халфином

Самое смешное (или грустное) заключалось в том, что я начал вырезать нишу в перенаселенной, ханжеской двенадцатиступенчатой вселенной. Я посещал собрания, запоминал банальные вещи, спонсировал других пьяниц и наркоманов, и все время вел себя так, словно мне было что привнести в их жизнь. Я заходил в комнату, вставал и рассказывал свою историю, пытаясь рассказывать наиболее глубоко или смешно, или и то и другое вместе: “Привет, я Дейв, и я излечился от алкогольной и наркотической зависимости; я хочу сказать…я больше похож на ищущую героин ракету, и для тех из

вас, кто провел работу над собой, я скажу, что у меня есть внутренний враг". Все начинали охать и ахать и осыпать меня аплодисментами. Некоторое время это по сути бросалось мне в голову. Я развил чувство духовного превосходства (опять же, это не редкость среди выздоравливающих наркоманов и алкоголиков), которое было абсолютно произвольно и незаслуженно. Но все это ушло, когда я начал тусоваться со своим соседом — тяжело стать прозелитом, когда ты только что купил восемь шариков кокса и грамм героина.

Каким-то чудом была записана пластинка. Мы начали ее записывать в местечке под названием Фейс Фо Студиос в Фениксе, но из-за технических проблем нам потребовалось переехать в другое место на ранней стадии процесса записи. Логическое и финансовое благоразумие диктовало возвращение в Лос-Анджелес, где студийного времени было хоть отбавляй, однако в тот момент я бы ни за что не уехал из Аризоны.

Мне нравилась пустыня, и я отдыхал, будучи на некотором расстоянии от сумасшествия Лос-Анджелеса.

Во всяком случае, по совету Макса Нормана, мы построили собственную студию в арендованном складе в Фениксе и приступили к работе.

31 октября 1994-го в Хэллоуин, вполне в тему, была выпущена 'Youthanasia'. В то же время в Интернете заработал первый вебсайт Мегадэт, предоставив поклонникам группы возможность взаимодействовать с участниками группы посредством онлайн-чата и электронной почты, и вместе с тем быть в курсе различных рекламных мероприятий и новостей о группе. При помощи Макса и меня в качестве сопродюсера, 'Youthanasia' была, во многом, наиболее отшлифованной и доступной пластинкой Мегадэт на тот момент. Несколько более мелодичной и радиоформатной. Тем не менее, мы остались верны своим трэш-металлическим корням — рычащему вокалу и бензопильным риффам, но при этом отчетливо двигались в сторону стилистических перемен, которые вскоре станут неожиданно желанными (в мейнстримовом масштабе). Это произвело хорошее впечатление на одних критиков, и не так хорошо на других. Казалось, у фанатов нет никаких проблем. 'Youthanasia' достигла четвертого места в хит-параде альбомов — в целом продаваясь на уровне платины, она стала наиболее продаваемой пластинкой в истории группы.

Темп жизни естественным образом ускорился. На протяжении большей части года мы работали практически без остановок, разъезжая с гастролями по Соединенным Штатам, Европе, Азии и Южной Америке (дважды). Мы записывали песни для

саундтреков, выпустили сборник ранее неиздававшихся треков и документальный фильм под названием Evolver: Создание 'Youthanasia'; мы также сняли несколько обязательных музыкальных клипов. Это оказалось большей проблемой, чем она того стоила, так как видео, сопровождавшее сингл 'A Tout Le Monde' было запрещено к ротации на MTV из-за полемики вокруг текста песни, который якобы выступал в поддержку суицида. Это не так.

Я написал эту песню, и мне лучше знать, о чем она. Вот что произошло на самом деле. Мы исполнили эту песню живьем на MTV в 1994-ом, в день релиза 'Youthanasia', на торжестве под названием «Ночь Живых Мегадэт». В какой-то момент я напутал с сет-листом и произнес короткий монолог перед композицией 'Skin Of My Teeth'.

“Следующая композиция будет о том, сколько раз я пытался покончить с собой!”

Только это была не та композиция. Следующей песней была 'A Tout Le Monde', которая вовсе не об этом (хотя она о смерти и умирании). В тот момент у меня было два варианта: сыграть новое вступление и признать свою ошибку или просто сыграть 'A Tout Le Monde’. Менять сет-лист и играть 'Skin Of My Teeth' было не вариантом. Мы выступали в прямом эфире, и все уже были готовы погрузиться в 'A Tout Le Monde', поэтому все так и случилось. Как и ожидалось, дерьмо попало в вентилятор, и 'A Tout Le Monde’ была назвала “суицидальной композицией”, а Мегадэт группой, выступающей в поддержку суицида. Само собой, не помогло даже то, что альбом назывался 'Youthanasia’, хотя любой идиот мог понять, что название было просто игрой слов, использованных в качестве хитрой ссылки на обезболивающий эффект общественного мнения на молодежь Америки. До подростков дошло. Они вкурили тему. А взрослые вышли из себя. Довольно типичная ситуация.

К тому времени, как мы добрались на фестиваль Монстры Рока в Бразилии в сентябре 1995-го, мы все были изможднены и находились в постоянном состоянии тревоги.

Это выступление должно было стать кульминацией турне в поддержку 'Youthanasia' — выступление с Оззи и Элисом Купером среди прочих, но я просто хотел попасть домой и разобраться в своих мыслях. Сохранение энергии доброй воли, требовавшихся для поддержания турне такого масштаба является сложной задачей даже при самом лучшем раскладе; для Мегадэт это было практически невозможно. Конечно, мы веселились, отыграли в паре мест, где никогда раньше не выступали, Но все это дошло той степени, когда мы делали это на автомате, а это

выматывающее душу времяпровождение. Я не сидел на наркотах и не вел трезвый образ жизни — скорее что-то среднее. Я знал точно, творчеству. Я терпеть не мог даже видеть своих коллег по группе, потому что мне казалось, что все они думают лишь о деньгах. Конечно, теперь у меня несколько иные ощущения в отношении почти всех из них — время и трезвый образ жизни сделали свое дело. Как бы то ни было, в тот момент у меня было трудное время для признания того факта, что я платил за все и нес бремя ответственности за успехи и неудачи Мегадэт, и эти парни постоянно жаловались о деньгах.

Мне требовалось нечто иное — глоток свежего воздуха. Я просто хотел быть счастливым, создавать музыку, так чтобы это было просто и приятно. И в то время я не получал этого в рамках Мегадэт.

Одним из первых людей, с кем я обсуждал возможный сайд-проект, был Джимми ДеГрассо, который играл на ударных в этом турне в группе Элиса Купера. Джимми был открыт для этой идеи, и мы согласились поговорить об этом подольше после завершения гастролей, когда мы вернулись в Штаты. В то время все это имело некий туманный вид, это было, нечто, что я держал в голове как способ необходимого отвлечения от рутины Мегадэт. Я подумал о том, чтобы взять Фли из Red Hot Chili Peppers в качестве басиста, но он был недоступен, тогда я обратился к Роберту Трухильо, который в тот момент играл в Suicidal Tendencies. Роберт был потрясающим, но он был более фанковым музыкантом, и в любом случае он был чересчур занят, тогда он свел меня со своим учеником по имени Келли ЛеМье, которому едва было восемнадцать лет, но он был многообещающим бас-гитаристом. Я встретился с Келли, услышав, как он играет, и пригласил его присоединиться к моему проекту. Он принял мое приглашение.

Оставалось лишь найти вокалиста, так как я хотел сосредоточиться на написании, продюсировании и игре на гитаре. Мой первый выбор пал на Джелло Биафра из продуктивной панк-группы Dead Kennedys. Джелло имел репутацию капризного и антагонистического парня, и на нашей встрече он не разочаровал мои ожидания.

“Какой лейбл?” — спросил он.

“EMI”.

Он нахмурился и презрительно покачал головой. “Ах, да нахуй этих парней! Они производят ядерные боеголовки”.

“Что? Ты о чем?”

В течение следующих пяти минут Джелло пустился во впечатляющее, едва понятное, рассуждение о политике Thorn EMI и ее связь с военно-промышленным комплексом, и о том, как

General Motorts предлагает финансовую поддержку компаниям, производящим автоматическое оружие, которое в конечном итоге попадает в руки сторонников превосходства белой расы, и что Кока-Кола ведет себя так же и Anheuser- Busch…и так далее пока у меня голова не пошла кругом.

Наконец я прервал его. “Эй, подожди минуту, брат. Я просто хочу записать несколько песен. Я пришел сюда не для того, что меня избили до смерти какой-то пропагандой”.

Мы так никогда и не пришли к соглашению, но я покинул эту встречу со здоровой дозой уважения к Джелло, который более чем жил согласно своей легенде. Он был на костылях той ночью, и я спросил его, что произошло, и он объяснил, что как-то вечером пошел в панк-рок клуб и ввязался в небольшую стычку с какими-то шишками. Когда он рассказал эту историю, я громко рассмеялся.

Красиво, чувак. Чертов дедушка панк-рока был избит парочкой панков! Как это, наверное, ужасно было?

Когда Джелло оказался вне рассмотрения, у меня оставалось несколько вариантов.

Я представлял себе группу, которая будет сочетать в себе элементы панк-рока, металла и классической музыки, и мне требовался панк-вокалист, который бы понял, чего я хочу добиться. Единственным человеком, о котором я знал, что он соответствует этому профилю, был Ли Винг, душевный и талантливый вокалист лос-анджелесской группы под названием Fear. Ли почти сразу подписал контракт, и я начал писать песни, которые в будущем на пластинку. Все это произошло довольно быстро. Группа получила название MD.45, чье название основано на наших инициалах: MD (Мастейн, Дейв) и VL (Винг, Ли) и римском числительном 45. Во всяком случае, так я задумывал; не совсем технически верно, как это оказалось, но какая нахрен разница? Это по-прежнему клевое название для группы.

Примерно в то же самое время у меня значительно обострились проблемы с наркотиками. У меня были проблемы с группой, проблемы с моим менеджером и агентом, проблемы с моей женой. У меня были большие долбаные проблемы, и я боролся с ними так, как это часто делал: торчал от наркотиков. Когда мы были в турне в поддержку 'Youthanasia', Макс Норман демонтировал студию и отвез все обратно в Калифорнию. Я хотел, чтобы Макс поработал со мной над окончательным вариантом микса пластинки MD.45, поэтому я начал проводить время в Ван Найс, где Макс собрал студию заново. Будучи там я воскресил свою дружбу со старыми приятелями — героином и кокаином. Очень быстро моя жизнь начала выходить из — под

контроля.

Пэм знала о происходящем, но была бессильна это остановить. Бог знает, что она пыталась. Как-то она позвонила моему другу и наставнику по боевым искусствам, Сенсею Бенни "Джету" Уркидезу, и спросила, не мог ли он заехать и нанести мне визит в студию.

Возможно, думала она, само присутствие Бенни вызовет у меня стыд и заставит подчиниться. В этом ключе это не сработало. Все верно, мне было стыдно, но моей реакцией был скорее уход от драки, чем собственно драка. Я уходил в разные комнаты, стараясь избегать контакта с Сенсеем. Он терпеливо следовал за мной, пытался заговорить со мной, а я просто игнорировал его. Отыгрывая назад этот момент сейчас, в своем воображении, я не могу поверить в то, что так себя вел. Рядом со мной находился легендарный человек, по меньшей мере настолько же важный для боевых искусств, как я для хэви-метал, обращающийся ко мне, пытаясь спасти мою жизнь, а я вел себя с ним как непочтительный глупец: ускользал через черный ход, пытаясь спрятаться от него.

Даже разговор об этом, спустя все эти годы, все еще вызывает у меня чувство глубокого смущения.

Покинув в тот день студию, я пошел прямо к своему знакомому наркоману и скрывался там некоторое время. Какой-то парень подошел к двери и вручил ему сверток.

Они пожали друг другу руки, а затем мой друг открыл сверток и высыпал его содержимое на стол. То, что я увидел, было замечательно: огромные куски кокаина и героина, которые он немедленно начал крошить на мелкие, более податливые части. Сирены должны были прозвенеть у меня в голове, но в моем смятенном душевном состоянии, все, что я мог подумать это — *"Твою мать. Да этот парень рулит!"*

Было легко дружить с моим наркодилером, потому что у нас не было никаких ожиданий или обязательств друг к другу. Мы оба были приятелями-наркоманами, нас связывала лишь общая тяга к кайфу, только и всего. В то время у меня был выбор. Я мог уехать обратно в Аризону и встретиться с группой и менеджментом, и столкнуться в лоб со всеми проблемами, которые у нас были. Но я не хотел этого делать, и не хотел рассказывать им, как себя на самом деле чувствую, не опасаясь последствий. Я не мог справиться с возможностью того, что они могут уйти, и я останусь в полном одиночестве, и тогда это станет напоминать времена, когда я был ребенком, собирающим свои вещи в середине ночи и убегающим от своего отца, оставляя позади друзей и начиная все с нуля.

Если вы думаете, что такой опыт не оставляет отпечаток на ребенке, то вы ошибаетесь.

Это напрочь отвергло меня от построения каких-либо значимых отношений. Я предполагал, что дружба не предназначалась на долгий срок; ей была уготована рано или поздно кончиться.

Хотя некоторые люди удивляют. Когда ты пытаешься оттолкнуть их, они не двигаются с места. И когда тебе требуется помощь, они будут рядом с тобой, даже если ты не хочешь, чтобы они были рядом.

Я познакомился с Хадаром Рахавом так, как это иногда делают люди, чей возраст приближается к среднему: через детей. Джастис учился в той же школе, что и дети Хадара, и между нами возникла дружба, основанная на простой, вневременной общности.

Хадар мне сразу же понравился. Я был несколько в восторге от него, практически по тем же самым причинам я был в восторге от Сенсея. Хадар был серьезным человеком, крепким парнем, не только внешне, но и в действительности. Его отец, Натан Рахав, был национальным героем в Израиле, и это обстоятельство, очевидно, наложило свой отпечаток на Хадара, который стал бойцом диверсионно-десантного отряда в израильской армии, после чего он в конце концов переехал в Соединенные Штаты, чтобы работать в сфере безопасности частных лиц. Когда мы говорили с Хадаром, и он делился некоторыми кровавыми историями о войне и борьбе с терроризмом, я иногда чувствовал себя как маленький ребенок, который привык читать комиксы и мечтать о том, чтобы стать супергероем. Это был парень, который на самом деле сделал множество вещей, сделать которые большинство мужчин лишь мечтают.

Неудивительно, что когда Пэм узнала, что я не был в студии, работя с Максом Норманом, а скрывался, она обратилась к Хадару за советом и помощью. На самом деле, это было не первое, что она сделала. Перед тем, как позвонить Хадару, она позвонила нашему коммерческому директору и попросила его заблокировать мне доступ ко всем моим банковским счетам. В сущности, это был не самый целесообразный способ борьбы с моими потерянными выходными, но ей нужно было что-то делать.

Я намеревался совершить недолгий визит в наркоманский дом, просто чтобы набрать в тайник достаточно наркоты, чтобы протянуть несколько дней и вернуться к работе. Вместо этого я завис там на какое-то время. А потом еще на некоторое время, пока в конце концов вообще не потерял счет времени. Я предпочитал курить и и нюхать наркотики, что по-прежнему

казалось менее тошнотворным и менее жутким способом получения кайфа. Но в этот раз я был просто не в себе: накуренный, в депрессии, с суицидальными мыслями. Каких бы запретов у меня не было, они растаяли в этой квартире, пока довольно скоро я не наполнял шприц жидким героином и не вводил его себе в вену.

Как долго это длилось? Думаю несколько дней. Меньше недели. Мы сидели в постоянном состоянии наркотического опьянения, слушая музыку, поглощая еду, игнорируя внешний мир. В какой-то момент раздался телефонный звонок. Мой дилер подошел к телефону. Зная, что Пэм в конечном итоге выяснит, где я прячусь, я сказал ему, что не хочу ни с кем говорить. Он постоял там мгновение, держа телефонную трубку в руке, слушая. Затем он сказал мне, прикрывая телефонную трубку рукой.

"Это кто-то из студии. У них на твое утверждение есть какие-то миксы?"

Я кивнул, показав жестом, чтобы он передал мне телефон. “Да, это Дейв”.

“Ты мудак!”

Вот дерьмо, это была Пэм. "Эй, детка" — проворковал я, пытаясь включить свое обаяние.

“Да пошел ты! Я снаружи стою с Хадаром, и мы идем за тобой”.

“Не, не, не. Все хорошо, я спущусь сам”.

Тогда я вышел из дому, где меня ждали Пэм и Хадар, вместе с отрядом бронетранспортеров, заполненных бойцами диверсионно-десантного отряда, приятелями Хадара, готовыми, как казалось, к перестрелке грандиозного масштаба.

“Господи, чувак. Расслабься” — сказал я. “Это не Нью-Джек Сити”.

Пэм не засмеялась. “Залезай в машину” — сказала она. “Мы уезжаем. Немедленно”.

“Да, ладно, только дайте мне зайти внутрь и забрать свои вещи”.

Хадар стоял рядом с ней. Он покачал головой. "Ты никуда не пойдешь. Ты идешь с нами".

Они полагали, и должен добавить — весьма верно, что если я вернусь внутрь, я введу себе еще дозу. На дорожку. Учитывая тот факт, что я уже был совершенно обдолбан, с огромным уровнем героина и кокаина, курсирующими по моему телу, я не был уверен, что выйду снова из этой квартиры. Я мог умереть. Откровенно говоря, так или иначе, меня это не особо заботило.

Они посадили меня в машину, и мы поехали в реабилитационный центр, расположенный в Санта-Монике, под

названием Степс. По дороге я спросил, можем ли мы остановиться, чтобы я мог купить немного сладкого. Мы съехали с шоссе, и когда Пэм и Хадар вышли из машины, я приступил к наркоте, используя небольшое количество героина, завернутое в фольгу — по сути это была дорожка героина. Это простой способ получения кайфа: ты зажигаешь кончик фольги, героин начинает гореть, а ты вдыхаешь его дым. Проще некуда: ты мгновенно получаешь кайф. К тому времени, как Пэм и Хадар вернулись к машине, она была полна дыма.

“Я не мог взять его с собой” — сказал я. “Не пропадать же добру”.

Они даже не пытались остановить меня в тот момент. Они просто опустили окна и выехали из парковки. Ветер быстро заполнил машину, угрожая потушить дым, тогда я закрыл окна. И понеслось. Они опускали окна, я поднимал. Вверх, вниз…Вверх, вниз.

Наконец Хадар начал смеяться. “Эй, Пэм” — сказал он с сильным израэльским акцентом. “Думаю, что я накурился от него”.

Пэм даже не улыбнулась, просто уставилась на дорогу. Она уже раньше бывала в такой поездке, и эта ситуация давно потеряла всякий юмор.

Сказать, что я знал об упражнениях реабилитации, значит не сказать ничего; к тому времени я мог работать на посту медсестры. Я зарегистрировался, пошел в свою палату, что-то перекусил и затем приступил к процессу детоксикации. Первая неделя или около того всегда неизменны: избавление организма от токсинов и облегчение состояния после остановки приема наркотиков. Затем начинается самое неприятное: терапия.

Я немного успокоился, узнав, что Стив Си (как его называют в АА), один из администраторов, с которыми я познакомился и которым доверял в Мидоус, теперь работал в Степс руководителем программы. В то же время, было немного странно и деморализующе видеть Стива в этом образе, зная, что это сигнализировало об аболютном и полном провале с моей стороны. Это одна из многих проблем наркомании и реабилитации: ты покидаешь центр, каждый хлопает тебя по плечу и желает всего хорошего, но ты постоянно чувствуешь, что когда ты уходишь из поля зрения, кто-то говорит: “Он вернется”. В моем случае, они были обычно правы. Более того, мои отношения со Стивом перекочевали из Мидоус. Какое — то время мы были друзьями. Мы даже вместе ездили в средиземноморский круиз с нашими женами. К сожалению Пэм и жена Стива — Шантель, не особенно хорошо ладили (я связываю это с

ревностью со стороны Шантель), и поездка оказалась чем-то вроде катастрофы. Я надеялся, что сохраняющаяся недоброжелательность не перекинется на мое присутствие в Степс, так как я по-прежнему питал значительное уважение к работе Стива, но оно перекинулось.

Во время одной из наших первых встреч Стив начал нести херню. Хотя, сам по себе это не повод для беспокойства. На самом деле это довольно распространено в реабилитации. Есть определенное отношение и поведение, которыми руководствуются консультанты, когда хотят использовать лечение, основанное на отрицательное мотивации.

"Эй, надеюсь, что твоя ипотека оплачена, мудак, потому что скоро ты будешь мертвым, и для твоих жены и детей будет позором не иметь места, где жить".

Вещи такого рода.

Вообще говоря, чем более опытен наркоман, тем больше вероятность, что такой подход не будет никакого эффекта. Чертовски верно, что на мне это не работало. Так или иначе, Стив на мне это тоже испытывал, но было довольно ясно, что его антагонизм, включавший в себя некоторые недобрые упоминания Пэм, коренился в истинном гневе.

Он не казался мне особенно обеспокоенным моим лечением или реабилитацией. Он был просто зол.

В конце концов, мы прошли и это. Я провел свое время и прошел программу в меру своих возможностей (которых было не слишком много). Реабилитация для меня всегда была прежде всего местом, где можно было подлечить скорее свое тело, чем душу. Она была, без преувеличиения, спасителем жизни. Но она никогда не делала много для моего духа. Степс должен был быть одним из лучших высококачественных медицинских центров — это место, известное обслуживанием знаменитых клиентов. Хотя, по правде говоря, оно казалось совершенно обычным.

В реабилитационном центре довольно страшная динамика — люди тянутся к единоышленникам, не успев пройти регистрацию. Этим вещам не препятствуют и фактически даже способствуют руководители программы. Каждый в реабилитационном центре ищет фиктивную супругу, мать, отца, брата…кого угодно. Каждый сломлен в некоторой степени, и потому рефлекторно ищет других, кто имеет трещины в тех же местах, поэтому можно обменяться мнениями и попытаться залечить раны друг друга.

Опыт научил меня задаться вопросом, является ли это самым здоровым подходом (особенно между секс-наркоманами, которые в конечном итоге трахают друг друга в ванных комнатах), но что есть, то есть. Я находился в Степс около полутора недель, когда к

нам пришел парень. Он был высоким и жилистым, со светлой кожей и волосами и страстью рисовать граффити на стенах. Оказалось, что он музыкант, мы немного поговорили, узнали друг друга, обменялись своими историями — все это обычное дерьмо.

Он был достаточно приятным парнем, и я сочувствовал его проблемам, но все же… понимание того, что мы внезапно стали лучшими друганами, просто потому что оба были музыкантами-наркоманами, не имело большого смысла. И эта динамика, настолько распространенная в реабилитационном центре, была одной из причин, по которой этот процесс так никогда и не прижился во мне.

Хотя скажу так: когда я покинул Степс, после тридцатидневного срока пребывания, я был чист и трезв.

В который раз.

Глава 15: Душа на продажу

“Ты что, твою мать, с ума сошел?”

Фотография сделана Дэниэлом Гонзалесом Торисо

Рон Лаффит — один из самых безупречных и профессиональных людей из тех, что вы когда-либо хотели встретить. Я говорю об этом как с точки зрения критики, так и в качестве комплимента, посколько и то и другое отражает способность Рона преуспевать в музыкальном бизнесе без явных усилий, как и его сверхъестественная способность приспосабливаться к определенному типу дипломатии. Он тот человек, который может смотреть вам прямо в глаза, или в объектив камеры, и делает вам множество комлпиментов, даже если на самом деле считает, что вы просто кусок дерьма.

Это чрезвычайно ценное качество, особенно если вы находитесь на верхних уровнях индустрии развлечений. Я ни обладаю этим, ни понимаю этого. У меня с Роном были свои разногласия: часть из них были личными, часть профессиональными. В конце концов, конец нашей дружбы был неизбежен, как и прекращение наших управленческих договоренностей. Рон во многом послужил стимулом к сеансам групповой терапии, которые почти свели меня с ума, пока я находился в реабилитационном центре в Аризоне. В то же время, или вскоре после этого, я заметил, что он, похоже, играет

меньшую роль в ежедневных мероприятиях Мегадэт. Телефонные звонки иногда оставались без ответа; рекламные возможности временами успускались. Такого плана вещи. Когда мы находились в турне в поддержку 'Youthanasia', я узнал, что Рон принял приглашение от Электра Рекордс. Он не сказал мне об этом сам, и я получил звонок от друга, который сообщил мне об этом, справедливо это или нет, что у него нет планов отказываться от позиции менеджера Мегадэт. Если это было так, значит он планировал работать по обеим сторонам улицы. Очевидно, что этого не могло произойти. Менеджер должен бороться за своих клиентов; он должен быть готов дать по яйцам руководителям записывающих компаний, если это потребуется. И тяжело это сделать, когда ты сам получаешь зарплату от звукозаписывающей компании.

К тому времени, как мы начали записывать следующую пластинку, 'Cryptic Writings', осенью 1996-го, мы избавились от Рона и наняли Майка Рено из ESP Менеджмент.

Майк помог мне, когда я работал над проектом MD.45, и хотя эта пластинка ('The Craving') не достигла большого коммерческого успеха, как я надеялся (этот факт объясняется главным образом анемичным промоушном со стороны Кэпитол Рекордс) в ней были позитивные моменты. Достаточно того, я считал, что она заслуживает быть переизданной пару лет спустя. В то время мы ремастерировали 'The Craving' и заменили вокал Ли Винга на мой с целью пробудить интерес со стороны поклонников Мегадэт, которые могли упустить из внимания эту пластинку.

Привыкаю к аризонской жизни и умиротворению пустыни.

Фотография сделана Россом Халфином

Конец 90-х, справедливо сказать, был временем художественной и творческой реконструкции Мегадэт. Также справедливо сказать, что изменения принесли смешанные результаты. 'Cryptic Writings' был записан в Нэшвилле, а продюсером выступил Данн Хафф. Впервые я встретил Данна несколько лет назад, примерно когда Марти Фридман пришел в группу. Мы проводили прослушивание в местечке под азванием Пауэр Плант, где группа Giant репетировала в студии дальше по коридору. Giant состояла из Данна и его брата Дэвида Хаффа, и еще парф других музыкантов, чьи имена выскочили у меня из головы. Не столь важно. Несмотря на тот факт, что был сессионным музыкантом, этой группой руководил Данн Хафф, и этот факт стал предельно ясным, когда я впервые услышал, как он играет на гитаре. Я был настолько впечатлен, что я послал одного из своих парней поговорить с Данном о возможности "Данн не дает уроки" — сказали мне.

Ответ застал меня врасплох. Я рассердился. "Ну, и хуй с ним! Он знает, кто я?"

"Да, он знает. И все-таки он не дает уроков. Но будет счастлив поджеммовать с вами"."Скажите ему, чтобы шел на хуй!"

Это было моей ошибкой, порожденной в равной степени высокомерием и невежеством. Сессионщики — люди совершенно иной породы. Когда они говорят: "Я поджеммую с вами", на самом деле это означает: "Присаживайся, чувак, и я покажу тебе все, что знаю". Я не понимал этих правил в то время. Я осознал это лишь к тому времени, как мы стали записывать 'Cryptic Writings'.

Боссом Майка Рено в ESP Менджмент был Бад Прагер, чьими клиентами в 1970-х и 1980-х были Bad Company и Foreigner. Для практических целей Бад и Майк были нашими со-менеджерами и их резюме, в частности Бада, отмело любые сомнения, которые у меня могли иметься в том, что Мегадэт может подвергнуть опасности свое трэш-метал наследие. Под управлением Бада Foreigner продали 80 миллионов копий только в Америке, эволюционировав от средней рок-группы до мейнстримовых поп суперзвезд.

Можно бесконечно дискутировать о качестве их музыки, но не было смысла подвергать сомнению успех Foreigner. Черт, да на их фоне Металлика были просто карликами. Для меня это звучало очень хорошо. И теперь я признаю: я не решаю вопросы с закрытыми глазами. Бад был хит-мейкером. Он хотел, чтобы мы работали в Нэшвилле, центре музыкальной индустрии страны (и

в немалой степени также и поп-музыки), с Данном Хаффом, наиболее примечательным продюсерованием прозрачных поп-сессий для Рибы Макинтайр, Майкла Джексона и Селин Дион. Вот дерьмо, этот чувак играл на 'My Heart Will Go'. Большего мейнстрма и быть не могло. Я знал, когда мы переехали в Нэшвилль, что грядут изменения, и что в качестве сопродюсера от меня будут ожидать толчка Мегадэт в направлении, в котором мы никогда играли раньше. В любом случае я пустился в него — сознательно, добровольно, потому что хотел создать хит номер один. Я хотел то, что было у Металлика, даже если это означало продать свою душу дьяволу.

Я понял, к черту это. Это сработало у Роберта Джонсона, может быть, сработает и у меня. По крайней мере, я бы получил долгожданный гитарный урок от Данна Хаффа.

Рабочая атмосфера в Нэшвилле была насыщенной и профессиональной, если не несколько нервирующей, с постоянным, решительным вниманием к созданию того, что вышло бы за рамки трэш и хэви-метал музыки. К лучшему или к худшему 'Cryptic Writings' с самого начала позиционировался как запись, представляющая по меньшей мере несколько мелодичных, попсоватых песен. Хотя не весь альбом целиком. Кому-то требовалось лишь прочесть тексты песен 'She-Wolf' и 'The Disintegrators' чтобы найти отголоски старого цинизма и политических комментариев Мегадэт. Конечно, некоторые из наиболее острых песен ('Evil That's Within' и 'Bullprick') были оставлены на стадии редакции, поскольку Бад счел текст песни оскорбительным, а оставшиеся острые песни часто купались в мерцающих мелодиях и мягком звучании, тем самым смягчая удар. Они были не совсем слащавыми, но в опасной к тому близости.

Преобразования произошли в основном в студии, куда Данн и Бад несомненно привнесли попсовый подход. Самой большой песней на альбоме, к примеру, была 'Trust', песня, которая в прежние времена Мегадэт звучала бы совершенно иначе. Это была перегруженная песня, повторяющиеся вокальные парти которой создают еще больший радиоформатный звук. Она начиналась моим обычным злобным и рычащим исполнением, со скоростью в сотню миль в час:

“Потерянный во сне…все не то, каким кажется!”

“Помедленее” — сказал Данн. “И постарайся растянуть слово 'не то'”.

“Потерянный во сне…все не тоооо, каким кажется”.

Данн потер подбородок. “Хорошо, хорошо. А теперь выброси G”.

“Какую G?”

“В конце слова *‘nothing’*. И еще чуть-чуть помедленнее, попробуй сделать паузу после слова 'lost'”.

“Lost…in a dream…nuu — thin’s what it seems”.

“Да! Вот оно! Отлично!”

Ничего себе…

В тот момент я понял, что исполнил вокальную партию, которую бы Тим МакГроу с гордостью назвал своей собственной. Поэтому я вернулся к самому началу, немного перестроился, обрезал протяжный кантри-звук, и удовлетворился тем, что можно было по праву считать поп-металлом. (Действительно, мы возвращались туда-обратно столько раз на слове 'nothing', что я сказал, что у Данна на надгробие будет написано ДАНН “УМЕР ЗА 'NUTHIN'” ХАФФ).

И это в значительной степени демонстрирует то, как проходил весь процесс записи.

Один из моих любимых снимков, самые отлично сидящие штаны, которые куда-то мистическим образом исчезли.

Фотография сделана Россом Халфином

Бывали времени, когда я заходил в студию, обнаруживая, как Бад и Данн возятся с пультом управления, играют с треками, не спрашивая моего участия. Как правило, это вызвало у меня паучье чутье до такой степени, что я мог разразиться потоком угроз и обвинений. Но я этого не делал. Я подозревал, что они производили изменения, смягчавшие звук Мегадэт, а я ничего не делал, чтобы остановить их. В конце концов, придет успех, рассуждал я.

Я не ошибся. 'Trust', песня о нечестности по иронии судьбы

стала крупнейшим хитом в истории Мегадэт, достигнув пятого номера в хит-параде рок-музыки Биллборда; она также была номинирована на Грэмми. Три других песни также вошли в горячую двадцатку хитов. Альбом почти достиг платинового статуса, но был в некотором роде менее удачным, чем я ожидал. Вместо того, чтобы представить Мегадэт огромной новой аудитории, он был встречен со степенью неопределенности преданными фанатами, которые разумно интересовались: *“Какого черта здесь происходит? Это не мой любимый Мегадэт! Это как Мегадэт моего отца или что-то вроде того”.*

В то время у меня были небольшие проблемы с тем, чтобы принять все это, но оглядываясь назад, я вижу отчетливо, как это произошло и что означало. Конечно, существует возможность стать более мелодичными, оставаясь по существу верным своим металлическим корням. Но это тонкая граница, особенно для такой группы, как наша, которая была быстрее и сильнее, чем практически любая группа, делавшая успехи.

Мегадэт была феноменом, основанным на сырой энергии и таланте, и когда ты отнимаешь и смягчаешь это, группа перестает быть феноменальной. Она становится обычной. Пытаясь расширить свою аудиторию, ты рискуешь оттолкнуть своих основных поклонников, и я думаю, мы так поступили, выпустив 'Cryptic Writings’ и еще больше при помощи нашей следующей пластинки, метко названной 'Risk'.

Поворотный момент в 'Cryptic Writings' включал в себя появление на шоу Говарда Стерна. К нам обратились по поводу выступления живьем на специальном шоу в честь дня рождения Говарда. Мы надеялись, что это станет музыкальным попрывом для нас и для WXRK, радиостанции, транслировавшей шоу Говарада. 'K-Rock’, как была известна WXRK, являлась одной из самых влиятельных альбомно-ориентированных рок-радиостанций в стране; она могла в буквальном смысла сделать или сломать группу. Как развитой мультиплатиновой группе Мегадэт не требовался K-Rock, но определенно его поддержка могла стать полезной в достижении группой еще большей мейнстримовой позиции, к которой, надо признать, мы стремились.

Парой месяцев ранее Пэм и я отправились в Европу с двойной целью — отдохнуть и восстановить отношения. Мы остановились в прекрасном отеле Костес, и хотя в то время не был религиозным человеком, я встал на колени и молился с Пэм во имя успешного зачатия и здорового, счастливого ребенка. Мы опустились на колени у кровати перед тем, как заняться любовью и снискать божье благословение. Для меня это было нечто новое.

Раньше я молился *о* сексе (*Пожалуйста, Господи, пусть этой блондинке с большими сиськами в первом ряду будет не меньше восемнадцати); я молился во время секса (Пожалуйста, Господи, не дай ей заразить меня чем-нибудь*); и молился после секса (Пожалуйста, Господи, пусть она исчезнет отсюда — прямо сейчас!). Но я никогда не молился перед сексом.

А теперь я молился. И сразу после этого Пэм заплакала. Несколько недель спустя мы узнали, что она беременна. Математические рассчеты показали, что чудо произошло в Париже — французское зачатие, если угодно.

Перемотаем эту историю на январь 1997-го: Пэм ожидала рождение ребенка, а мне предлагали сыграть на вечеринке Говарда Стерна.

“Это отличная возможность” — сказал Бад Прагер. “K-Rock говорит целой нации, как правильно одевать штаны. Если они скажут одевать одну штанину, все послушаются”.

Я совершил поездку, но не без ущерба своей семье. Срок Пэм истекал за несколько дней до выступления на шоу Стерна, поэтому я предположил, что если она к тому времени не родит, тогда я смогу принять роды.

Пэм любезно согласилась, и все отлично сработало. Наша дочь Электра родилась без осложнений 28 января 1998-го. Опытный папа, я фактически принимал роды.

Серьезно. По мере того, как роды прошли без осложнений, и Электра показала свое маленькую чудесную головку, доктор сказала: "Не хотите принять ее?"

“Серьезно? Вы шутите?”

Она улыбнулась. “Нет, сэр”.

Тогда она отошла в сторону, и я вынул свою дочь на свет. Я не просто стоял там со слизью в руках; я не просто отрезал пуповину. Я сделал больше. Я был первым человеком в этом мире, который прикоснулся к ней. Думаю, что это одна из причин, по которой у нас с ней такие близкие отношения по сей день.

Два дня спустя мы были в Нью-Йорке, играя на дне рождения Говарда. Я был в изнеможении. Я был новым папой. Я был здоровым и трезвым. Я был готов помочь 'Use The Man’ получить ту степень успеха, которую он заслужил. Хотя я не был фанатом этого шоу, я, конечно, знал о нем, понимал его степень распространения и влияние. Я знал, что Говард иногда крутил музыку Мегадэт в прямом эфире, и ценил это. Я определенно не смотрел на Говарда с презрением; фактически я скорее относился к нему с любовью, чем с чем-либо еще.

К сожалению, наша встреча была менее вдохновляющей. Мы

сыграли нашу песню, затем сели на диван, чтобы поговорить, и тут же Говард пустился в типичную, антагонистическую линию допроса.

“Слышал, что вы Свидетель Иеговы”.

“Э-э, нет. Ими были мои родители”.

“Неужели? Это не ты их убил?”

Хотите верьте, хотите нет, с этого момента разговор пошел на спад, отчасти потому, что я не думаю, что Говард был особенно заинтересован в том, чтобы разговаривать со мной, а также потому что я не был очень хорошим человеком.

“Я слышал, что вы побили Джеймса Хэтфилда”.

“Да, это правда”.

“Вы меня тоже побьете?”

К тому времени, как интервью закончилось, я просто хотел его схватить и сказать: “Говард, ты хоть представляешь, насколько ты меня только что достал?” Здесь был парень, с которым я надеялся стать друзьям. По крайней мере, я надеялся, что он оценит то что мы сделали, чтоб попасть на его шоу. Я хочу сказать, что я принял роды у жены!

Трое участников группы и все люди, которые работали на нас, полагались на меня, чтобы принять правильное решение, записать правильную песню, танцевать и правильно двигаться на сцене, так что каждый мог зарабатывать достаточно денег, чтобы их жены были счастливы и платить за обучение детей в частной школе, няням, иметь деньги на пластинки для исправления зубов и все остальное. После я стоял в раздевалке, думая, какой катастрофой было шоу, и чувствовал себя так, словно обосрался в кровати.

Я спустился вниз по лестнице и увидел представителя звукозаписывающей компании, и мог сказать, судя по его поведению, что шоу явно прошло не слишком хорошо. Я надеялся, что это не имеет ничего общего с выступлением Мегадэт; мы просто зажгли. Думаю, мы выполнили свою часть сделки. Хотя, какой бы ни была причина, все это не получилось.

Имитирует ли жизнь искусство или искусство имитирует жизнь, безусловно, была точка, в которой и то и другое пересекались. Я не знаю ни одного человека в музыкальном бизнесе, особенно в хэви-метал, который бы не считал фильм 'This Is Spinal Tap' одновременно болезненно забавным и потрясающе точным. Это особенно верно в отношении Мегадэт — больше чем просто споры, употребление наркотиков, некомпетентный менеджмент и изменения в составе. Барабанщики в Spinal Tap внезапно загорались; а у Мегадэт они просто были ненадежными или неумелыми или иным образом были несовместимы с миссией

группы, какой бы она ни была в тот момент времени.

Ник Менза начинал как наивный ребенок, живущий рок-н-ролльными фантазиями. Я любил Ника, когда он пришел в группу, и люблю его до сих пор, но был период времени от середины до конца 90-х, когда он стал просто неуправляемым. У нас были хорошие отношения в течение многие лет, но все это достигло критической точки, когда мы поехали с гастролями после выпуска 'Cryptic Writings'. Дорога всегда усугубляла межличностные проблемы в группе. У Ника появилась беспокоящая привыка прятать гей-порно в местах, вызывавших наибольшее смущение, когда это обнаруживалось.

Например, он оставлял таинственные манильские конверты на стойке регистрации в отеле, поэтому когда намеченная цель регистрировалась и спрашивала, нет ли для нее каких-нибудь сообщений, клерк вручал ей конверт. Затем бедняга открывал конверт и в нем было какое-нибудь графическое изображение фелляции одного чувака с другим чуваком, а ничего не подозревающий сотрудник ресепшна стоял там в подавленном виде.

Такие вещи случались с пугающим постоянством. Вы предлагали пиво посетителю в туровом автобусе, и когда открывали холодильник, сверху была фотография одного парня, трахающего другого парня в зад. Мы все очень быстро устали от подобного поведения. Это было просто слишком извращенно, даже по развратным стандартам хэви-метал. Наш автобус был на пути к дому. Мы должны были чувствовать себя там в безопасности. Не было ничего необычного в том, что тут и там сновали наши супруги и дети. Мне не хотелось беспокоиться о том, что Джастис открывает коробку печенья, подвергаясь воздействию порно, просто потому, что комический компас Ника вышел из строя.

Но это было лишь частью проблем с Ником. У него также появились серьезные проблемы со здоровьем, некоторые из которых были несомненно связаны с его образом жизни. Он стал чрезвычайно возбужденным и отвлеченным. Все это дошло до той степени, когда Ник стал спать большую часть дня. Он пропускал саундчек, просыпался где-то за полчаса до концерта, натягивал свои велосипедные шорты и кроссовки, а затем выходил и играл. Как и ожидалось, это сказалось на его игре. В 'Trust' было крещендо, которое он постоянно пропускал. Ночь за ночью. Ник не допустил бы этого, когда был моложе и голоден до музыки. Было неловко для него, и неловко для Мегадэт лажать на крупнейшем хите в истории группы.

Я наблюдал упадок Ника со смесью печали и гнева, а не с

большой степенью шока.

Мегадэт страдала от индивидуальных особенностей каждого участника группы, что влияло на группу. Были проблемы с наркотиками, алкоголем, женщинами и деньгами.

Никто из нас не был ангелом. Просто настал черед Ника.

Раскол произошел летом 1998-го, во время перерыва в хэви-метал турне Оззфест.

Мы должны были собраться в Далласе. Я вылетел из дома в Аризоне; предполагалось, что Ник прилетит из Лос-Анджелеса в то же самое время. Я добрался до аэропорта — Ника нет. Я вышел на улицу, где уже ждал наш автобус — Ника нет. Я вернулся внутрь, проверил багажную карусель, заглянул в туалеты — Ника нет. Какое-то время осматревшись по сторонам, я вернулся в автобус, и там находился Ник, неуклюже лежавший в кресле, голову была наклонена к окну. На нем были солнцезащитные очки Ray-Bans, но было видно, что он плакал. Ник нанес макияж на лицо в попытке скрыть слезы на лице, и теперь пастообразные полосы стекали у него по щекам. Я сел рядом с Ником и спросил его, что случилось. Поначалу он не отвечал мне, но в конце концов начал говорить. У него были проблемы со здоровьем. Это я уже знал. Я не ожидал услышать, что у него рак.

Ник получил травму колена некоторое время назад, и эта травма привела к образованию кисты. А теперь Ник рассказывает нам, что киста оказалась злокачественной. Я не знал, диагностировал эту вещь сам Ник или нет, и честно говоря, меня это не особо заботило. Я просто хотел, чтобы он был в здоровым, и ему ничего не угрожало.

“Ты должен вернуться домой” — сказал я. “Не волнуйся, мы найдем кого-нибудь, чтобы закончить гастроли. Наш приоритет номер один — твое здоровье”.

У нас не было времени, чтобы оплакивать уход Ника или даже беспокоиться о его состоянии. Мы были на гастролях, и нам требовался новый барабанщик. Срочно.

Первым, о ком я подумал, был Джимми ДеГрассо, который проделал отличную работу на пластинке MD.45. Джимми как большинство сессионных музыкантов: если ему нужна работа, он самый близкий, самый профессиональный парень под солнцем. Но если ты просишь его стать участников группы, он как бы чувствует себя в замкнутом пространстве. Я испытал это лишь однажды с Джимии, и поэтому не могу сказать, что это шаблон, но оказалось, что как только он стал участником Мегадэт, он изменился. Хотя, в самом начале, для нас он был как глоток свежего воздуха: “Давай играть! Давай играть!”

Он был великолепен. Но сессионные музыканты именно

такие и есть. Они привычные к тому, что им платят за каждый день, поэтому они всегда хотят приступить к работе как можно скорее. Недостатком этого является лишь то, что иногда им недостает способностей видеть картину в целом. Они постоянно думают о следующей зарплате, следующем концерте, потому что именно так они обучены жить. Они не откладывают все на зиму; они живут одним днем. Само собой, сессионщики не все такие. Некоторые из них проницательны и умны, но большинство импульсивны и недальновидны. Такой вот у них образ жизни.

Когда Джимми присоединился к группе, мы не совсем знали, чего ожидать. Все мы знали, что он был талантливым и энергичным, но будет ли он в состоянии быстро изучить каталог Мегадэт это совсем другое дело. И у него было не слишком много времени на подготовку. Я до сих пор помню первый вечер, когда Джимми играл с нами, во Фресно, штат Калифорния, и некоторые парни из других групп на Оззфесте стояли у сцены радостно ожидания крушения поезда. Но Джимми отлично справился. И сделал это без всякого саундчека! Это был фестиваль на открытом воздухе с парой групп в составе, так что всем нам не оставалось ничего кроме лайнчека — просто чтобы убедиться, что все инструменты работают как нужно. Затем мы вернулись в свою раздевалку, вытащили портативный стереофонический радиоприемник и проиграли Джимми наши песни, а он сидел там, играя на воздухосборнике, размахивая вникуда, и совершая движения по памяти. Сложнейший подвиг, что он отыграл весь сет Мегадэт с минимальным количеством ошибок.

К тому времени Ник перенес операцию и получил результаты теста на биопсию пару недель спустя, а я уже принял решение принять Джимми на постоянной основе. Я сделал звонок из номера отеля в Портленде, штат Мэн, с Бадом Прагером на другой линии, мне требовался дополнительный набор ушей, потому что я знал, что это будет трудный разговор.

“Привет, Ник. Как ты?”

“Хорошо, чувак. Слушай, я получил свои результаты обследований и она злокачественная, я хочу сказать — доброкачественная!”

Казалось странным, что он будет путать такие слова, особенно в чем-то столь важном. Но в те дни поведение Ника было всегда неустойчивым, непредсказуемым, так что никогда нельзя было сказать точно, чего ожидать от него и чему верить.

“Это здорово” — ответил я. “Рад это слышать”.

“Да, спасибо. А кстати, как там у вас с Джимми?”

Я сделал глубокий вдох. “На самом деле по этой причине мы и звоним тебе. Бад тоже на линии, и он хочет поговорить с

тобой”.

“Привет, Ник” — сказал Бад, вступая в разговор.

Повисла пауза, словно он догадывался, что сейчас произойдет что-то плохое. А потом раздалось: “Привет, Бад”.

Я продолжил. “Дело вот в чем, Ник. С Джимми все идет хорошо, и мы собираемся на данный момент придерживаться этого состава. Хорошо?”

Чувак, вспоминая об этом сейчас, меня едва не передергивает. Я до сих пор с сомнением отношусь к тому, что у Ника было подозрение на рак. Очевидно, он потерял всякий энтузиазм играть в группе и просто решил взять тайм-аут. Тем более что время для этого было удачным и он всех нас оставил в догадках. Тем не менее, мое отношение к этой ситуации было бесспорно черствым. По правде говоря, я не слишком хорош в расставаяниях. Ты быстро обрезаешь хвост у собаки, верно, при помощи одного быстрого взмаха? Ты не продляешь ее агонию. Я знаю, что некоторые укажут на иронию моего увольнения стольких членов группы после того, как меня бесцеремонно выкинули из Металлики, но существует разница. Я никогда не увольнял никого без предупреждения. Я твердо верю во второй шанс. Некоторые даже заслуживали третий и четвертый. Ник, по меньшей мере, использовал их немало.

Я ожидал, что он примет решение о своем увольнении спокойно; в какой-то степени я думал, что он сам хотел, чтобы это произошло. Он устал от Мегадэт, или по меньшей мере, устал от работы, которая необходимой для сохранения его места в группе.

Но я ошибался.

“Этому не бывать, парни” — сказал он. “Это моя группа, и я буду бороться за нее”.

Я на мгновение задумался, прежде чем говорить. “Ник, тебе еще давно следовало бороться за это”.

Под этим я имел в виду, что Ник должен был задуматься о том, чего он на самом деле хочет. Он должен был остановить это порно “Джек в коробочке”. Ему следовало отказаться от сайд-проектов после того, как мы попросили его сузить свой фокус и начать относиться к своей работе более серьезно. Бог знает, о чем думал Ник, когда сказал, что откроет свое Интернет-дело под названием NiXXXpix, представляющее именно то содержание, о котором вы подумали. Глобальная Сеть в то время все еще была Диким Западом, и я уверен, что Нику померещились долларовые знаки в этой авантюре. Я не против зарабатывания денег. Я даже не обязательно против музыкантов, снимаюших стриптизерш и порно-звезд в дороге44. Но я точно знаю одно: я не хочу, чтобы

меня ассоциировали с порно. Отбросьте на секунду мораль и посмотрите на этой с деловой и профессиональной точки зрения. Порно — это конечный тупик для музыканта. Публика более терпима к наркоманам и преступникам, чем к тем, кто вовлечен в секс-индустрию.

В студии в Аризоне со своей гитарой Jackson King V модели Anarchy.

Фотография сделана Россом Халфином

С точки зрения карьеры, вы уже никогда от этого не избавитесь. Когда вы идете по этой дорожке, в мейнстрим вам дорога уже закрыта. Конец истории. Ну, может быть, если вы барабанщик и люди не знают вас настолько хорошо, тогда у вас есть шанс избавиться от этого. Мегадэт были моей группой, и видеть, как мой барабанщик продает контент для типичных онанистов, было не тем, что я считал хорошим бизнесом. По крайней мере лично для себя.

Всякий раз, когда я пытался рассмотреть этот вопрос (и другие) с Ником, он отвечал с гневом и ненадежностью. Ему следовало перестать в то время сраться со мной — беспрерывные огрызания и угрозы, хитрожопые предложения пойти в додзе и устроить спарринг. Он должен был вырасти из этого детского поведения и понять, после неоднократных предупреждений, что у него была одна из лучших работ, получить которую барабанщики могут лишь мечтать.

Гармония это адская вещь в группе — и в целом Джимми привнес некую долю волнения и профессионализма к ударной установке. К сожалению, как только мы залатали эту брешь, все начали чувствовать некоторое отдаление от Марти Фридмана.

Вклад Марти в Мегадэт ослаб, прежде всего из-за нежелания играть ту музыку, благодаря которой Мегадэт стали известны, музыку, которую хотели слышать наши фанаты. Короче говоря,

полагаю, что у Марти начался творческий кризис.

Как и Крис Поленд, я не думаю, что Марти когда-либо видел себя в роли трэш- метал гитариста. Он был хорош в этом — черт возьми, да Марти мог играть все, что угодно, но не могу сказать, что эта музыка когда-либо трогала его сердце или вдохновляла его. Практически с того момента, как он пришел в Мегадэт, Марти был неудовлетворен тем, чтобы просто играть на гитаре в этой группе. В какой-то степени я терпел его внешние интересы, потому что он был таким талантливым, но это было вечное перетягивание каната — я пытался обуздать его, а Марти постоянно сопротивлялся, исследуя новые возможности. Он выпустил сольную пластинку вскоре после присоединения к Мегадэт, потому что его по-прежнему связывали контрактные обязательства перед другим лейблом.

“Когда твой контракт закончится, пожалуйста, больше этим не занимайся, хорошо?” — сказал я. “Важно, чтобы мы выглядели группой”.

Поначалу Марти согласился на эту исключительность, но затем все равно выпустил сольную пластинку. А затем еще одну. Кроме того, он постоянно вел уроки гитарного мастерства. Он получал тысячи долларов за то, что показывал людям, как исполнять песни Мегадэт — музыку, которую написал я! Если бы я был жадным, я бы потребовал часть этого дохода, но я никогда этого не делал. Я позволил этому оставаться как есть, хотя внутри это закусывало меня. Было нечто странное и сбивающее с толку в том, что мы не могли найти связь на духовном уровне, и к тому же этот парень работал и получал прибыль от моей музыки. Это было совсем не круто.

Хотя, если уж на то пошло, я полагаю, что недовольство Марти в Мегадэт и его возможный уход можно связать прежде всего с тем, что он потерял интерес к этой музыке. Можно прикидываться некоторое время, особенно если вы настолько профессиональный музыкант, как Марти. Можно стоять на сцене и выполнять движения на автомате, придумывая блестящие соляки и играть роль хэви-метал бога. Деньги хороши, девчонки хороши, наркотики хороши. Как и все мы, Марти наслаждался плодами своего труда.

Быть участником группы, жить дорожной жизнью, ведя этот упаднический образ жизни — все это может делать странные вещи с людьми. Парой лет ранее, когда мы записывали 'Countdown To Extinction', как-то один участник группы принес видеозапись в студию. Она попала к нему через кого-то из парней одной крупной группы.

“Вам нужно это увидеть” — сказал он с озорством. Затем он

поставил видео и стал следить за нашей реакцией.

Я был весьма опытен; было не так много того, что я бы счел шокирующим. Но изображения, вспыхнувшие на экране, чуть не заставили меня вырвать: какой-то чувак в черной кожанке и других аксессуарах раба избивался жирной голой теткой, вооруженной кнутами и нечто похожим на гигантские вязальные спицы.

“Срань Господня!” — закричал я, когда он воткнула одну из игл в соски парня, а затем в пенис!

Но это было еще не самое худшее. Ближе к концу, пока парень сидел избитый и окровавленный, тетка сходила по-большому, насрав прямо на пол, затем схватила парня за затылок и заставила его начать есть. И он начал! В этот момент мне захотелось покинуть комнату. Марти тоже был ошеломлен. Само собой, все это вещи одного порядка: образ жизни, наркотики, секс, обесценивание человеческой жизни и последующее унижение собственного достоинства. Через некоторое время ты просто немеешь от всего этого. Ничто не кажется тебе слишком возмутительным; ничто особо не кажется ненормальным. Все это просто…скучно.

Думаю, что Марти достиг этой точки к тому времени, как мы записали 'Risk'. Он начал сочинять медленные, более мелодичные песни, поощрая дальнейший прогресс к поп-ориентированному подходу, представленному на 'Cryptic Writings'. В то же время он принял индивидуальный подход к стилю, отражающему измененное отношение к металлу. Он постригся, стал иначе одеваться. Вспоминая как все это было, довольно очевидно, что Марти достиг своего конца в Мегадэт. Тем не менее, вместо того, чтобы уйти, он попытался подстроить группу к своим ощущениям. И с помощью Бада Прагера и Данна Хаффа, у него это почти получилось.

Не помогло делу и то, что Ларс Ульрих придал мне стимул в прессе, заявив, что я боюсь рисковать со своей музыкой. Он умно рассмотрел этот вопрос, сочетая комплименты вместе с критикой, но я почувствовал себя так, словно он бросил мне перчатку:

“Я уважаю Дейва как музыканта; я лишь хочу, чтобы он предпринимал больше рискованных вещей, подталкивал себя к этому”.

Вместо того, чтобы не обращать на это внимания, я позволил этим словам прожечь дыру в своей душе.

Я мог принять вызов при помощи релиза нашей следующей пластинки. И я мог назвать ее 'Risk', просто на случай, если кто-то не догнал смысл послания.

Не то чтобы я хотел, чтобы получилось так, как это

получилось в итоге. Все это отчасти…случилось само собой. С моей стороны не было никаких намерений, но я признаю за собой некоторую небрежность.

Я знал, что что-то было не так во время записи этой пластинки. Бад как-то остановился у моего дома и предложил внести некоторые изменения.

“Знаешь, что я хочу сделать?” сказал Бад. “Я хочу записать пластинку, которая заставит парней из Металлика сказать: 'Сукин сын! И почему мы сами об этом не подумали?'”

Он нажал на нужные кнопки. Хотя я знал, что это нездоровый подход — возвращение к старым воспоминаниям, причинившим мне много боли, попытки свести счеты со своими бывшими коллегами по группе — и я согласился. Бад был полон решимости продолжать толкать Мегадэт в сторону от металла, в сторону поп-музыки.

Последним шагом на этом пути стала песня, которая была не похожа ни на что, что мы записывали ранее.

“Может, кантри” — предложил Бад. “Или диско”.

“Ты что, твою мать, с ума сошел?!” Я не мог поверить в то, что услышал. Но он не шутил. “Слушай, мы вошли в горячую десятку с 'Cryptic Writings'. У нас есть парочка хитовых синглов”. Он сделал паузу, чтобы я это переварил как следует. “Я прав?”

“Да”.

“Хорошо. Ты доверяешь мне?”

“Да, Бад, я доверяю тебе”.

В конце концов, мы остановились на том, что было основано на синти-попе дискотечном звуке. Песня называлась 'Crush 'Em', и она была написана в качестве хоккейного гимна и для болельщиков хоккея. Я люблю хоккей, и я подумал, что будет клево написать что-то, что можно включать на играх, чтобы раскачать толпу — нечто такое, что даст всем нам отдохнуть от песни Гэри Глиттера, которую мы слышим на каждом спортивном событии в мире. Я писал эту песню не для поклонников Мегадэт и даже не для радио. Я писал ее для хоккея. И она попала на пластинку.

Тот день, когда мы записали демозапись 'Crush 'Em', был одним из моих худших дней в профессиональной жизни. Не успели мы закончить, как я вышел из студии, последовал прямо в ванную комнату и меня вырвало. По правде говоря это была сухая рвота — я был настолько расстроен весь процесс записи, что не мог в то утро заставить себя что-нибудь съесть. Я знал, что совершил большую ошибку. Бад убедил всю группу, что нам был нужен еще один хит, и 'Crush ‘Em’ и станет такой песней. Я мог прекратить все это. Но я этого не сделал. Я хотел сделать всех

счастливыми. Я хотел быть хорошим солдатом. Если бы дела пошли плохо, по крайней мере, никто бы не сказал, что я был недоволен. Но было такое ощущение, что все не так. Я продолжал представлять себе как Kiss зписывают видео к 'I Was Made For Lovin' You' и думать, что для Мегадэт это было примерно похожим просчетом.

О, это плохо. Плохо, плохо, плохо.

Так и вышло. 'Crush 'Em' была использована в качестве саундтрека к фильму "Универсальный Солдат: Возвращение" и стала основным гимном НХЛ, как я и надеялся.

Тем не менее, я не особенно успокаивал себя этим. 'Risk' был по праву отвергнут фанатами Мегадэт (которые почувствовали себя обманутыми), а критики устроили настоящий разнос (которым была предоставлена возможность на блюдечке с голубой каемочкой вдоволь постебаться над нами). И хотя в 'Risk' были некоторые удачные элементы и тексты, которые я могу не стесняясь назвать своими, по большей части это был провал — музыкальный и коммерческий просчет.

Вслед за 'Risk', я поклялся вернуть свою музыкальную целостность, которая в первую очередь состояла в том, чтобы взять бразды правления над Мегадэт. Это также подразумевало увольнение Бада Прагера, что было нелегко, так как мне нравился Бад и должен признаться, он сделал для Мегадэт именно то, ради чего и был нанят. Это также подразумевало уход от Кэпитол Рекордс к новому лейблу — Сэнкчюэри, и требовалось убедить других участников группы, что настало время вернуться к нашим металлическим корням.

К сожалению не все с этим согласились.

Глава 16: Подобный Богу

“Я ненавижу свою жизнь. Ненавижу работу. Ненавижу свою группу. Ненавижу своих детей. Ненавижу тебя. Хочу повеситься прямо сейчас”.

Зацените гидравлику на тыльной стороне моей правой руки!

Фотография сделана Дэниэлом Гонзалесом Торисо

На свой сороковой день рождения где-то между Ванкувером и Фениксом во время восемнадцатичасовой автобусной поездки по тихоокеанскому побережью, я оказался на телефоне, разговаривая со своим старым другом и вечным соперником Ларсом Ульрихом.

Время было у меня в руках, время для размышлений. Двумя днями ранее мы отменили выступление в Сиэтле, чтобы почтить память жертв трагедии 11 сентября. Вечером 12 сентября мы отыграли в Ванкувере перед чрезвычайно благодарной и воспитанной публикой. Вскоре после шоу, совершив путешествие по воздуху в Северную Америку до пункта конечной остановки, мы сели на автобус, чтобы совершить длинный путь домой.

Пэм запланировала большое празднование в честь дня моего рождения, и я не хотел ее разочаровывать.

Но затем состоялся разговор с Ларсом и последующее приглашение встретиться с ним в Сан-Франциско. Идея, как я ее понимал, состояла в том, что Металлика участвовали в некотором сеансе групповой терапии, не такая уж плохая идея, и возможно была какая-то польза в том, чтобы коснуться причин моего увольнения спустя все эти годы. Ларс сказал мне, что там будет

присутствовать консультант. Он не сообщил, что наша встреча будет заснята на пленку и использована в качестве сцены для документального фильма. Я не был осведомлен об этом пока не приехал в Ритц-Карлтон.

Вы можете задать резонный вопрос, почему я подверг себя таким болезненным испытаниям, почему я позже отложу свое прибытие домой лишь для того, чтобы удовлетворить запрос от Ларса, с которым не был особенно близок. Ну, это трудно объяснить. Вомозножно, это было как-то связано со степенью незащищенности, последовавшей трагедии 11 сентября. Возможно это всего лишь чувство, что старые раны нужно залечить. Возможно — и мне больно это признать, я все еще питал некоторую надежду на реюнион, в котором я бы выступил на одной сцене с Металлика. Не могу сказать точно. Несмотря на это, я был готов к участию в этом процессе. Я полагал, что пережил достаточно консультаций, вызванных Металлика, что мог бы также пройти консультацию с самой Металлика.

Когда я прибыл в отель, Ларс познакомил меня с консультантом и сказал: “Эй, чувак, не против, что мы снимем это на пленку? Потому что это будет часть того фильма, над которым мы работаем”.

Я не глуп. Может быть, немного мазохист. Но не глуп. Я сразу понял, что попал в засаду. Тем не менее, я подумал, что может быть что-то ценное в том, чтобы принять участие в этом проекте. Моим единственным условием было то, что мне будет предоставлено право утверждать любые сцены, в которых я принимаю участие: если мне не нравится фильм или моя роль в нем, значит, продюсеры не буду использовать эти съемки о моей встрече с Ларсом.

Затем мы провели интервью, и оно было действительно откровенным и искренним.

Я постарался быть абсолютно откровенным, в результате чего мы оба заплакали и поделились чувствами, которые никогда не выражали открыто. Я говорил больше, чем Ларс. Я сбросил с себя груз ответственности за все те вещи, которые хотел сказать: сожаление о том, как вел себя в месяцы до своего увольнения (“Я…облажася”); гнев по поводу предательства; печаль об этом долгом путешествии домой. Я хотел, чтобы он понял, что даже спустя все эти годы, я по-прежнему чувствовал боль — ощутимую и неизбежную.

Интервью длилось около получаса. Мы с Ларсом попрощались и поехали домой.

Прошлое некоторое время, прежде чем я задумался об этом снова. Затем, когда я увидел эту съемку, вместе с образцами

материалов, появлявшимися до и после сцены со мной — и решил, что больше не хочу быть частью этого документального фильма, не только потому, что мне не нравится то, как была отредактирована сцена с моим участием.

Безусловно, контекст имеет решающее значение, но то, что я увидел впоследствии, имело ложный и манипулятивный налет. Было утверждение Ларса, которое я должен был пересмотреть — что мое появление в документальном фильме на самом деле поможет моей карьере. Мне это казалось циничным и неверным. Я не хотел иметь ничего общего с этим фильмом.

В конце концов, несмотря на то, что я так никогда и не согласился с этим, мой разговор с Ларсом стал ключевой сценой в документальном фильме, получившим название 'Some Kind Of Monster'. Я никогда не видел полностью весь фильм, от начала до конца, и у меня нет никакого желания смотреть его сейчас. Я признаю, что с течением времени, в сочетании с позитивными отзывами от людей, которых я уважаю, у меня появится желание пересмотреть свое участие в этом документальном фильме в более выгодном свете.

К концу 2001-го Мегадэт стали больше чем когда-либо моей группой, хотя не сказал бы, что право на самоуправление было освобождающим или приятным. Это было время огромного потока и стресса, а не свободы. Марти Фридман, разочаровавшийся в хэви-метал, как и в образе жизни, так и в музыке — покинул группу в середине гастролей 2000-го года. Пришедший ему на замену Эл Питрелли был профессиональным музыкантом и достойным человеком, который, тем не менее, никогда особо не вписывался в состав. Эл быстро обнаружил, что предпочитает тихую анонимность и низкие ожидания от своего предыдущего выступления с Trans-Siberian Orchestra, че славу и давление, наступившие с выступлением в составе в Мегадэт. И Джимми ДеГрассо вскоре принес шаблонный багаж в виде девушки, которая думала, что знает как управлять группой, и не стесняясь выражала свое мнение.

Это была не особенно коллегиальная атмосфера. После расставания с Кэпитол Рекордс в 2000-ом, мы подписали контракт с новый лейблом — Сэнкчьюэри Рекордс.

Почти каждое слово и нота на 'The World Needs A Hero' (выпущенном в 2001-ом) была написана мной, и этот факт удовлетворил лейбл, но никоим образом не улучшил дух товарищества среди членов группы. Это был состав, которому было не суждено долго жить. И он не прожил.

Осенью 2001-го, я был госпитализирован после обнаружения камня в почках. Во время прохождения лечения, мне предписали

обезболивающие. Для большинства людей это не такая большая проблема. Ты принимаешь несколько таблеток, чтобы пройти через кошмар выхода камня, а затем возвращаешься домой и продолжаешь жить. Для меня это было чрезвычайно проблематично. Введение опиатов было схоже с переводом стрелки; после несколько лет трезвого образа жизни, у меня случился рецидив.

Спуск был стремительным и унизительным. Я еженедельно посещал собрания АА, и именно во время одного из этих собраний, я познакомился с сущностью покупки обезболивающих через Интернет. Как я уже сказал, в то время у меня не было реальной физической потребности в болеутоляющих, лишь сильное желание вернуть кайф, который я испытывал во время госпитализации, который хотя и не быль таким мощным, как тот, что возникал в результате курения героина, он определенно был способен сделать меня весьма обдолбанным. Это приходило и уходило в течение пары месяцев в конце 2001-го. Я временно отбился от нашестия демонов, лишь для того, чтобы затем позволить им вновь вернуть над собой контроль. Группа страдала, мой брак страдал, моя семья страдала. Наконец, когда очередной год подошел к концу, я решил очиститься; я больше не мог так жить. Управлять Мегадэт было достаточно сложно, когда я был на ногах. А с колен я вообще не мог этого сделать. Хотя, на самом деле, у меня не было генерального плана. Я лишь знал, что снова и снова позволял себе стать наркоманом, и терпеть не мог себя за это. Я лишь хотел, чтобы ушла боль.

Вот как я оказался в Ханте, штат Техас, в центре лечения под названием Ла Хасиенда, заснув в кресле и проснувшись со сжатым лучевым нервом, травмой настолько чертовски отвратительной, что я просто отказывался в это верить. Гораздо хуже, чем сама травма, был прогноз: я никогда не восстановлю полноценную ловкость и ощущения. Я никогда не буду играть на гитаре — по меньшей мере не так, как играл в прошлом. И когда доктор сказал мне эти слова — когда он посмотрел мне в глаза и сказал: “Не думаю, что вы сможете на это рассчитывать” — простая, разрушительная мысль промелькнула у меня в мозгу. Я разрушен.

Какой бы была моя жизнь без музыки? Музыка была для меня всем. В творческом, духовном, эмоциональном и в буквальном смысле — музыка кормила меня. Она помогала мне жить.

Я бы хотел иметь возможность сказать, что принял эти новости с мужеством и надеждой, но какой смысл лгать? Реальность такова: моя жизнь превратилась в веревку, рвущуюся перед моим взором. Когда я сидел в кабинете хирурга-отропеда,

больше всего я чувствовал страх. Я знал боль и печаль; знал одиночество и поражение. Чтобы пройти через все это я мог всегда рассчитывать на свою способность исполнять музыку. Я знал, что был очень хорошим гитаристом, и никто не мог этого отнять у меня.

До настоящего момента.

Я импульсивно уехал из Ла Хасиенда, планируя вернуться домой и накуриться так, насколько это возможно. А затем я совершил ошибку. Я позволил наркотикам говорить вместо меня со своей женой. Было что-то, чего я раньше никогда не делал. Ох, конечно, я ходил под кайфом по дому, и временами я был весьма неприятен, но никогда не позволял наркотикам полностью взять контроль над своей личностью во время общения с человеком, которого люблю больше всего. Обезболивающие, в сочетании со страхом и неуверенностью, вызвали необычайно подлую речь.

“Моя рука мертва” — сказал я Пэм по телефону. “Я больше не могу играть”.

“Все будет хорошо” — сказала она в обычной поддерживающей манере. “Мы обратимся к лучшим врачам. У тебя будет лучшее обслуживание. Ты сможешь это сделать”.

Эти слова не помогали. Я не хотел, чтобы это помогало. Я лишь хотел найти, куда излить свою враждебность и жалость к себе.

“Ты не понимаешь. Ты не слушаешь меня. Моя рука мертва, моя жизнь закончена”.

Я посмотрел на нее — человека, меньше всего заслуживавшего мою желчь, а потом сорвался.

“Я ненавижу свою жизнь. Ненавижу работу. Ненавижу свою группу. Ненавижу своих детей. Ненавижу тебя. Хочу повеситься прямо сейчас”.

Реакцией Пэм была смесь паники и самосохранения. Материнские инстинкты в подобных случаях как этот — что дети гораздо важнее, чем обдолбанный муж. Она поговорила с близкими друзей из церкви, и они предложили ей обратиться к христианскому консультанту в Тусоне. Этот парень дал Пэм суровый совет, и следующее, что она сделала это получила судебный запрет и подала на юридический раздел имущества. Справедливости ради стоит сказать, что в свете этих действий я был не особенно очарован христианской общиной. На самом деле люди, к которым обратилась Пэм, были лживыми экстремистами, выставлявшими христиан в дурном свете. Даже консультант зашел настолько далеко, что предложил ей запретить мне встречаться со своими детьми без присутствия представителя церкви. Я ненавидел этого человека за то, что он дал Пэм такой

ханжеский совет. И я был не особо рад тому, что моя жена прислушалась к нему.

У меня было лишь несколько вариантов на данном этапе, наиболее очевидным из которых был выбор жизни или смерти. Я выбрал жизнь, хотя и не в той мере, в которой можно ожидать. Следующие четыре месяца я прожил в отеле. Большая часть каждого дня была посвящена физической терапии и реабилитации в Спайр Институт в Скоттсдейле, штат Аризона. Не было серебряной пули, не было артроскопических процедур, которые могли волшебным образом увеличить мой лучевой нерв и вдохнуть жизнь в мою вялую руку. Была лишь работа и медленный, мучительный, почти незаметный прогресс.

Были дни, когда я чувствовал себя как ребенок, начинающий ходить — настолько трудными оказались задачи, которые я пытался достичь. Представьте, каково это провести несколько часов подряд с пинцетом между пальцев, пытаясь переместить несколько плотничьих гвоздей. Я сидел за столом и работал, в буквальном смысле, с прищепкой.

Сожмите…отпустите

Сожмите…отпустите.

Другое устройство выглядело как некая странная, сумасшедшая вариация ловца снов, со спицами, изготовленными из резиновых лент. Моей задачей было просунуть пальцы в спицы и попытаться сжать их в кулак. Поначалу это было невозможно; к тому же это было чертовски больно. Онемение в пальцах в сочетании с болью в расположенных рядом мышцах руки и предплечья, создавало комический эффект, когда я тренировался на ловце снов. Так же, как тот, кто играет в видеоигру, часто дергается на стуле, когда требуются лишь большой палец и другие пальцы на руке, я дергался в кресле, иногда вставая и ходя по комнате, борясь за превосходство с этим маленьким кускочком оборудования.

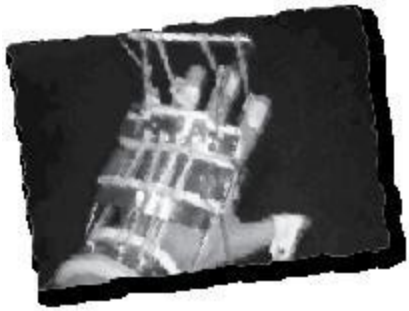
В то же время, у меня по-прежнему была проблема с наркотической зависимостью.

Поскольку я так и не смог завершить процесс детоксикации, не говоря уже о реабилитации и восстановлении, я остался зависимым от обезболивающих препаратов.

Можно утверждать, что теперь я на самом деле имел уважительную причину для получения обезболивающих по рецепту врача, это была извращенная логика.

Повреждение нерва не очень хорошо реагирует на наркотики, так как моя травма не служила причиной их приема. Боль не была основным вопросом; это была скорее причина неудобства и неловкости. Бывало я пил кофе, и пытался поднять чашку со

стола, забыв на мгновение о своей травме, и чашка просто падала мне на колено. В самом начале физиотерапии все, что я мог, это зажать перо между пальцами. Я был настолько слаб.



Тяговое устройство, назначенное мне доктором Раджом Синхом, который помог спасти мою руку и Натаном Кочем, моим физиотерапевтом из Спайр Институт в Скоттсдейл, штат Аризона, которые трудились каждый день, пока я вновь не начал играть на гитаре. Это было болезненно, трудноосуществимо и невероятно неловко

Однако, каким-то странным образом, было приятно обнаружить, что моя жизнь приняла такую узкую направленность. Есть некое спокойствие в простоте; впервые за многие годы я не был связан с политикой группы и контрактными обязательствами. Я не думал о следующем турне или следующей пластинке. Я не думал ни о чем кроме выздоровления — в физическом, духовном, эмоциональном смысле. Физическая часть оказалась первой, потому что это все, что у меня было тогда. Отделенный от своей жены, отчужденный от своих детей, я совершал первые шаги в самостоятельной жизни. Ладно, это не совсем правда. Моим нейрохирургом был блестящий и поддерживающий меня доктор Радж Синх; моим физиотерапевтом был человек по имени Натан Коч. Оба они были исключительно хороши в своей работе, и я перед ними в неоплатном долгу. Тем не менее, профессиональная поддержка это одно; личная поддержка, также известная как любовь, это нечто иное. У меня было первое. И не было второго.

Спустя месяц физиотерапии, и начал видеть значимые результаты и понял, что мне лучше поработать над своим пристрастием к болеутоляющим. Я решил вернуться в Ла Хасиенда и закончить программу лечения. В этом решении не было скрытых мотивов.

Хотя я по-прежнему любил свою жену и скучал по детям, я находился глубоко в процессе оплакивания их потери. В сущности, моему браку пришел конец. Пэм и я больше не говорили о примирении; мы работали в направлении урегулирования. Так много людей из церкви Пэм предлагали ей

советы, и большинство из них были малосведующими или просто подлыми. Они хотели, чтобы я вложил сотни тысяч долларов в виде дара, так чтобы Пэм могла иметь финансовые рычаги, когда мы пытались выяснить особенности наших быстро распадавшихся отношений. Иными словами, они хотели использовать меня для создания правового фонда для моей в скором времени бывшей супруги. Кроме того, я считаю, что они надеялись взять руководство над этим фондом. Все это вызвало у меня недоумение и разочарование.

“Пэм, ты ведь знаешь, что все это не ради денег” — сказал я. “Деньги не имеют значения. Речь о тебе и обо мне, о нашей семье”.

Сказать, что Пэм отказывалась так поступить, значит не сказать ничего. Мы были женаты уже десять лет, и она видела этот фильм раньше. Столько раз, на самом деле, что наверное сбилась со счета. К тому времени, как я вернулся в Техас, чтобы завершить лечение, я почти потерял надежду на сохранение нашего брака. Я лишь хотел убедиться, что вместе с ним не потеряю детей. Я знал, что борюсь, поскольку их кормили пропагандой. Однажды, когда я разговаривал с Электрой, она спросила меня: “Папочка, а почему ты сходишь к психотерапевту?”

Это прозвучало чрезвычайно необычно из уст пятилетнего ребенка. Электра была сообразительным ребенком, но все же…

“Солнышко, а ты хоть знаешь, чем занимается психотерапевт?”

Она улыбнулась. “Нет, но мамины друзья говорят, что тебе нужно к нему обратиться”.

“Серьезно? Хорошо, давай я расскажу тебе о психотерапевтах. Видишь ли, психотерапевт это тот, кто пытается не заснуть, пока папочка говорит, говорит и говорит.

Затем он забирает все папочкины деньги, и папочка чувствует себя еще хуже, чем до этого. Понимаешь?”

“Гм…пожалуйста, не ходи к психотерапевту, папочка”.

Забавно как ты находишь общий язык с одними людьми и отвергаешь других, как уважаемый профессионал с дипломами, высящими аккуратно на стене, может перевернуть твой желудок, когда здоровяк с повязкой на глазу заставляет смеяться и слушать. Его звали Крис Р, и он был моим опекуном в Ла Хасиенда. Мы встретились с ним, когда я завершал курс детоксикации и лечения после обнадеживающего прогноза по своей руке. В первый раз, когда мы общались, я подумал, что он полный пиздабол, как и многие крикуны, с которыми я познакомился в АА и различных других программах. Он

рассказывал страшилки, простиравшиеся на то время, когда он был еще ребенком, ведущим каменные баталии со своим братом-близнецом, в результате чего потерял глаз.

Его рассказы почти не отличались от большинства тех, что я слышал ранее — длинный перечень причиненной боли самому себе и страданий, связанных с алкоголем и наркотиками. Фишка этого парня была в его привычке неожиданно подходить к вашему лицу и поднимать свою повязку, заставляя вас уставиться на его ужасную черную дыру, пока он кричал о том, какое будущее наступит, если ты, сукин сын, не пройдешь очищение.

“Они полюбят твою костлявую задницу в тюрьме, мальчик!”

“Господи…чувак. Убери эту хуйню от меня, ладно?”

Эта херня вроде “воспитания испугом” никогда особо на меня не влияла. Однако, что действительно помогло мне, так это разговоры, которые у нас случались поздно ночью, когда мы рассуждали о друзьях, семье и пустоте жизни наркомана. Мы говорили о духовности и необходимости принять высшее присутствие. Я не говорю о христианстве, в особенности, скорее об общем признании силы, которую мы не контролируем. Осознание того, что никто из нас не является центром Вселенной. Все мы, независимо от возраста, расы, национальности, социального положения, лишь крошечные частицы огромной космической головоломки. Рок-звезда миллонер не лучше и не хуже, чем бывший заключенный со стеклянным глазом.

Если реабилитация и полезна в чем-то, то тем, что при определенных обстоятельствах, она предоставляет время и пространство для самоанализа. Я понял, что что-то изменилось, когда я вернулся в Ла Хасиенда. Несмотря на то, что было все неправильно и искажено в моей жизни, я чуствовал некий странный оптимизм. Конечно, я находился где-то посреди Ничто в Техасе — чистой изоляции, создавшей некого рода перспективу — быть в окружении людей, которые не были пойманы в хомячье колесо жизни. Тем не менее, что-то тянуло меня. Гнев и цинизм стали настолько важной частью моей жизни, что она, как казалось, просто таяла.

Мне хотелось чего-то.

Мне *требовалось* что-то.

В духовном смысле я был скрипучим соединением сломанных, не подходящих друг другу частей: крещенный лютеранин, воспитанный Свидетелями Иеговы, проникнутый колдовством, интересующийся буддизмом, собирая со шведского стола новую доктрину.

Ничего не работало. Ничего не было “принято”. Долгое время я даже не был особенно заинтересован в том, чобы даже пытаться.

Я знаю, что вы могли бы точно описать меня как атеиста или даже агностика. Я скорее резко потерял…что-то. Я всегда верил в Бога. Я верил в Иисуса, я верил, что он умер и воскрес через три дня. Вот такую историю мне рассказывали, когда я был ребенком, будь то Свидетели Иеговы или кто-то еще. И все это до той степени, когда я перестал верить во что бы то ни было, вот во что я верил. Мне просто было насрать. В моей жизни не было места религии, не было места для духовности.

До сего момента.

Как-то одним морозным январским вечером я пошел к вершине холма в Ханте, на земле Ла Хасиенда. Там была построена огненная яма, и даже сейчас, в разгар зимы, огоньки пламени плясали на ветру, посылая искры высоко в небо над широкой пустыней.

Огненная яма была популярным местом сборищ в Ла Хасиенда — удобное и подходящее атмосферное местечко для отражения личного или общественного нрава. В тот вечер я сидел там, глядя на огонь, думая о своей жизни…о выборе, который сделал и о последствиях этого выбора, как положительных, так и отрицательных. Чего-то не хватало.

Я больше не мог этим заниматься. Это должно было стать концом.

Но это не было концом чего-либо. Это было лишь начало.

Я встал и пошел в направлении небольшой А-образной конструкции, использовавшейся скорее в качестве навеса, это была лишь пара стен, подпирающих одна другую. Строение, каким оно было, служило в качестве часовни на открытом воздухе.

Терететически, оно было для людей всех кофессий; в сущности, это было христианское место для поклонения, о чем свидетельствовал огромный крест, висевший на опорной балке в передней части сооружения. Я стоял у входа, глядя на крест, не зная, что делать — смеяться, плакать или проклинать его значимость. Меня учили верить, что крест был воплощением мошенничества, что Иисус Христос умер на костре. Сатанисты, очевидно, верили в нечто гораздо более жестокое. Несмотря на это, крест никогда не производил большого влияния на мою жизнь. Хотя, в тот момент, что-то в этом казалось странно утешительным и убедительным.

Я глубоко вздохнул и заговорил вслух. В пределах слышимости никого не было.

“Я перепробовал все. Осталось ли то, что я могу потерять?”

С помощью этих шести слов — *“Осталось ли то, что я могу потерять?”* — груз упал с моих плеч. Не совсем, заметьте. Но

постепенно так и произошло. Я стоял там минуту или около того, не зная, что говорить и что делать. Я слышал о духовных перерождениях, о людях, чувствующих руку Божию, или что-то вроде того, которая прикасается к их плечу. Или видят образ Бога во тьме, появляющийся перед их взором и принимающий их в теплые объятия.

Мой разговор — мое пробуждение, если хотите, было гораздо менее наигранным.

Не имея мало-мальского осознания христианского учения, и честно говоря, чувствуя себя глупо, я обратился за помощью к священнику реабилитационного центра. Его звали Лерой. Он был интересным маленьким чуваком, который носил крошечные ковбойские сапоги и огромную ковбойскую шляпу. Я не знаю, был ли Лерой нездоров в физическом отношении, но у него была странная походка, он шел как будто боком пошатываясь и шаркая, а его пальцы на ногах были сложены под ступней, что напомнило мне о Джоне Уэйне. Лерой играл интересную роль в Ла Хасиенда: он находился там для поддержания пациентов в поисках целостного исцеления; он не должен был навязывать религиозные убеждения на кого-либо. И он этого не делал. Он скорее держал дверь открытой для тех, кто хотел в нее войти.

“Как мне впустить Бога в свою жизнь?” — спросил я.

“Идем со мной”.

Мы встали вместе перед крестом.

“Встань на колени” — сказал Лерой.

Я покачал головой. Даже на данном этапе я был упрям и горд.

“Нет, я не собираюсь становиться на колени. Разве мы не можем просто помолиться?”

Так мы и сделали. Лерой показал мне нечто известное как Молитва Грешника.

Когда я читал ее слова, они почти казались ненужными. Я хочу сказать, все знали, что Дейв Мастейн был грешником, не так ли? Насколько более очевидным это могло быть?

Кроме того, в прошлом я читал различные версии Молитвы Грешника сотни раз, они почти ничем не отличались от Молитвы Третьей Ступени, найденной в справочнике Анонимных Алкоголиков:

“Господи, я предлагаю себя Тебе —
Чтобы ты учил меня
И делал со мной то, в чем воля Твоя
Освободи меня от моего рабства
Чтобы я принял волю Твою”

Истина вот в чем: я мог читать эти слова даже во сне. Я

позволял им литься из моих уст так много раз, в стольких случаях, даже не задумываясь особо о том, что скрывалось за ними. Мне промывали мозги, чтобы я повторял мантру в АА, я никогда по-настоящему не понимал ее значения, никогда не посвящал себя этому. Я лишь рефлекторно отвечал.

Конечно, я обращу к свою жизнь к тебе. Почему нет? В любом случае, моя жизнь дерьмо.

В какой-то степени ничего не изменилось. Я хочу сказать, моя жизнь была плоха насколько это было возможно в тот день, когда Лерой и я держались за руки и произносили Молитву Грешника. Моя жена написала судебный запрет против меня. Я редко видел своих детей. Моей руке было лучше, но я по-прежнему сомневался, что когда-либо смогу воскресить свою музыкальную карьеру, и откровенно говоря, меня это не особенно заботило. И еще…

Была надежда. Не знаю, откуда она появилась и для чего. Тем не менее, она была.

Это произошло вскоре после того, как я упал на колени и произнес все молитвы, которые знал и принял Иисуса Христа в свою жизнь. Это произошло без всякого сопротивления с моей стороны, и Бог знает, что в последующие годы временами мое поведение было несовместимо с христианским образом жизни. Я не экстремист. Я не фундаменталист. Я отходил от принципов веры и по мелочам и по важным вещам. Я ругаюсь. Я не всегда проявляю терпение и терпимость, которые должен проявлять. Но я верю в Бога и я верю в том, что Иисус это мой спаситель, и все это основополагающие принципы, которыми я руководствуюсь в жизни.

Когда я позвонил Пэм, чтобы рассказать о своем обращении, я ожидал от нее скептическую реакцию. То, что получил в итоге, было нечто совершенно иным.

Она засмеялась.

“Это не смешно!” — сказал я.

“Знаю” — сказала она. “Но все мои друзья сказали мне, что рано или поздно это произойдет. Они знали, что ты вернешься. Именно поэтому я смеюсь”.

“Но ты счастлива, так?”

“Да, конечно”.

Примирение было далеко от безболезненного. Были еще встречи, так же, как это было в Аризоне во время моего предыдущего пребывания в реабилитационном центре.

Мы собрали большую семейную встречу и провели беседу, во время которой я снова столкнулся со всеми своими прегрешениями. Я заслужил этого, конечно; я принял это на себя.

Но это не уменьшило мой дискомфорт. Для того, чтобы спасти наш брак, Пэм и я детально обсудили наши проблемы и вопросы, большинство из которых на самом деле были моими проблемами и вопросами. Большинство из них вытекали не только из моей наркозависимости, но и из моей работы. Я не хочу оправдываться, но правда в том, что образ жизни Мегадэт просто не способствовал нормальной семейной жизни.

Музыкальный бизнес на самом деле составляют секс, наркотики и рок-н-ролл, и если вы состоите в браке и хотите быть верным своей жене и хотите вести вразумительную жизнь, тогда это борьба. И это ужасное окружение, если у вас есть история распущенности и привязанность к наркотикам, которые у меня, очевидно, были. Были времена, когда я находился на дороге, и без всякой видимой причины Пэм и я боролись во время междугороднего разговора. Борьба дала мне повод, чтобы перейти от ‘ *Хммм…’* до *‘Упс!’*, от простого созерцания до того, чтобы позволить ударить себя; от того, что выпить стаканчик до того, чтобы выпить слишком много. Все эти моральные прегрешения я сводил к тому, что происходило дома: проблемы с детьми, проблемы с деньгами, проблемы с женой. Реальность такова, что я должен был взять на себя ответственность за эти вопросы и вести себя иначе. Мне требовалось стать лучше.

Однако дело вот в чем: все это не только касается убежденности и бескомпромиссности. Иногда это скорее касается того, чтобы быть достаточно умным, чтобы избежать искушения. Если вы воин по выходным, возможно у вас получиться сочетать работу и семью без особых проблем. На моем уровне? Гораздо сложнее.

Наркотики доступные и недорогие. Как и группи. Лучший способ сохранить свой брак, когда ты известная рок-звезда? Лучший способ быть верным мужем и преданным отцом?

Уйти. Просто уйти прочь и заняться чем-то другим.

Так было всегда и так всегда будет.

Но легче сказать, чем сделать. Было время, когда я видел, как люди находят время для своих детей, люди, имеющие серьезное влияние и авторитет в индустрии развлечений, и мне интересно, что было с ними не так.

Почему ты настолько глупый и мягкий?

Теперь я воспринимаю вещи иначе. Сущность жизни действительно состоит в семье и детях. Я натер задницу до мозолей, так чтобы проводить больше времени со своими детьми, но Джастису сейчас уже восемнадцать, и скоро он отправится в одиночное плавание. Я беспокоюсь о том, что возможно упустил лучшие годы его жизни, и это печалит меня до такой степени, что

вы и представить себе не можете. Это как в той песне, чувак. В этой добанной песне Гарри Чейпина 'Cat's In The Cradle'. Ты слышишь ее, когда ты циничный подросток, или бездетный тусовщик хэви-метал гитарист, и думаешь, что за сраный слабак! А потом, когда становишься моего возраста, когда тебе почти 50, и ты смотришь на своих детей, выросших в мгновении ока, вдруг песня приобретает совершенно иной смысл.

Были самолеты, на которые я успевал сесть и счета, которые оплачивал.

Он научился ходить, пока я был в отъезде.

Я слушаю эту песню сейчас и не могу ни смеяться, ни иронизировать. То же самое и с песней Кэта Стивенса 'Father and Son', или даже Джона Майера 'Daughters'. Это песни, затрагивающие чувства, которые обращены к родителям. И именно поэтому вот что превыше всего: отец. Дело в том, что когда одержим успехом, как я, и начинаешь работать до такой степени, когда ничего остальное не имеет значения, ты совершенно упускаешь из виду то, что действительно важно. Так произошло и со мной. И в конце концов, если вам не все равно, вы окажетесь в реабилитационном центре, повторяя Молитву Спокойствия снова и снова. Или ее какую-нибудь разновидность, которая, по сути, заключается в следующем: "К черту это".

Так я вернулся домой в Аризону, к своей жене и детям, и попытался восстановить свою жизнь — так или иначе, счастливую, здоровую версию своей жизни. Среди людей, которых я встречал, помогавших мне в этом путешествии, был Дэриэн Беннетт, бывший морской пехотинец и полузащитник NFL. Дэриэн был также опытным инструктором по боевым искусствам и христианином, и вскоре и стали тренироваться вместе и тусоваться.

Я чувствовал, что у нас много общего, за исключением того, что он был морским пехотинцем и бывшим профессиональным футболистом, а я был рок-звездой и выздоравливающим наркоманом. По сути, мы оба были бойцами, и нашли общий язык на этом уровне. Хотя наше воспитание кардиально отличалось, у нас был общий дух воина. Также помогло и то, что Дэриэн был на несколько лет меня старше и более глубоко придерживался христианского образа жизни. Мне был нужен наставник в то время — в образе отца, и Дэриэн вписался и в эту роль тоже. Мы отдалились в последние годы, особенно когда он переехал в Калифорнию, но какое-то время я считал его одним из самых близких своих друзей, и всегда буду ценить его наставления и дружеское общение.

Часть проблемы, которую я обнаружил, состояла в том, что у

меня было очень мало друзей мужского пола. Ох, у меня были 'кореша', подельники…но не было настоящих друзей. Друзья, которые у меня были, были либо нездоровыми пережитками прежней жизни — жизни, которую я старался избежать, или профессионалы, у которых было мало времени, чтобы посвятить ее дружбе. Таково бремя быть успешным человеком в современном обществе. Опять же, все сводится к расстановке приоритетов. Ты бесконечно работаешь, чтобы добиться успеха и обеспечить семью, а затем однажды просыпаешься и понимаешь, что у тебя мало людей, с которыми ты можешь разделить этот успех. Кроме того, для меня было проблемой вырваться из неискренности отношений с подростками. Я был хорош в том, чтобы напиваться или кайфовать и преследовать женщин или ввязываться в драки. Взрослая мужская дружба? Я не знал об этом ничего.

Я, Джастис и Электра перед спуском по реке Эмерикан на плоту за 3–4 секунда, лето 2009-го Электра, выигрывающая, что есть в наличии на выставке лошадей.

Со своей лошадью Герритт, получившей приз «лошади года»

В интересах просвещения, я попытался (снова) присоединиться к мужской группе, на этот раз больше посвятив себя этому и с чистым рассудком. Что я искал, это жизнь вне Мегадэт, жизнь, которая дополнит мою семью в здоровом, позитивном ключе. Через все это я продолжил идти на цыпочках по пути христианства и просвещения, пытаясь одновременно понять, что большая часть моих проблем могла быть отнесена к вопросам оставления меня в детстве одного, и также принимая ответственность за свои проступки; попросту говоря, дерьмовое воспитание не освобождает вас от бремени ответственности.

Жизнь продолжается. Смирись с этим.

Я позволил себе стать жертвой, и во многом я ненавидел себя за это.

Были вещи, которые я узнал о своем потреблении наркотиков, которые необязательно согласовывались с двенадцатишаговым протоколом. Например, я узнал, что я не был тем парнем, который не мог остановиться после одной или двух бутылок пива. Для меня это больше был вопрос понимания, что у меня есть одна или две бутылки пива, а потом кто-то сказал бы: “Эй, а давай по дорожке коки!” И тогда бы мне не было равных. Я понял эффект домино. Если бы я не сильно пил, я бы не попал в беду.

Следовательно, теперь я едва ли пью вообще.

Повторить?

Хорошо…вот вам противоречивая часть.

Когда я говорю о трезвости, я не имею в виду воздержание в строгом смысле этого слова. Я не принимал кокаин и героин в течение многих лет. Я соскакивал пару раз, начиная с 2002-го, принимая обезбаливающие, связанные с серьезным и хроническим дегенеративным состоянием межпозвоночного диска в шейном отделе, но я отношу это к несколько иной категории. В конце концов, эта проблема потребует хирургического вмешательства — годы хэдбэнгинга возьмут свое! Но я наслаждаюсь бокалом вина время от времени. И вот что я скажу: один бокал, один час или около того прежде чем выйти на сцену или пообедать с женой. Редко один бокал превращается в два. Первые несколько раз, когда я так себя вел, многие люди кричали: “Херня”. Все говорили, что это не сработает: воздержание, по их словам, было единственной стратегией для кого-то вроде меня. Я понимал их точку зрения. Элис Купер поступил так же: спасся, впустив в свою жизнь Христа, и просто завязал пить. Никаких собраний, никаких двенадцатишаговых программ. Знаете, что я сказал, когда услышал об этом?

“Херня! Это не сработает”.

Но затем я взглянул на выполненные обязательства и понял, что вера может творить чудеса. Эти чуваки, которые ходят по раскаленным углям? Или парни, которые используют свои животы, чтобы ломать кирпичи (или как какой-нибудь ниндзя, владеющий мачете, разрубает арбуз полопам)? Как они все делают это?

Вера.

Для меня это вера в Бога. Вера в Иисуса Христа.

Я не хочу рисовать слишком широкой кистью. Если чему-то и научила меня реабилитация, так это тому, что каждая ситуация, каждый человек и мгновение — уникальны. Все наркоманы разные. Что работает для большинства, может не сработать для меня. (Черт, после семнадцати поездок в реабилитационный центр, это поразительно очевидно, разве нет?) Для меня работала лишь одна вещь: установление отношений с Богом. Это изменило все.

Смотрите, существует три различных типа пьющих людей: умеренный пьяница, пьяница и алкоголик. Если вы не алкоголик, учитывая достаточное основание, вы сможете вести трезвый образ жизни. Думаю, что был алкоголиком из-за кокаина. Уберите это из уравнения, и все становится по-другому. Хотя, на самом деле, все это сводится к этому: я больше не просыпаюсь утром с наркотиками и алкоголем на уме. В течение долгого времени, я не мог этого сказать. Я жил следующей бутылкой, следующей дорожкой кокаина, следующим шариком героина. Но больше этого не будет. Я не могу объяснить это, и я знаю, что не будет недостатка в критиках, которые назовут меня бредовым или еще хуже — лжецом. Мне все равно. Я знаю, как я себя чувствую. Я не хожу весь день, думая, Господи, не могу дождаться пяти часов, чтобы откупорить бутылку вина.

Жажда просто…ушла.

Говорят, что Бог посылает людей на АА, и АА посылает их обратно к Богу. Если у вас действительно состоялось духовное пробуждение, зачем это ограничивать? Мой опыт был экстраординарным. Я знаю это, и не ожидаю, что кто-то купится на это. Ты облажался семнадцать раз, ну, определенно это вызовет долю скептицизма. Дело в том, что это было великое время. Я люблю свою жизнь; я люблю то, чего достиг и создал. Я видел ошибки своего пути и то, что сделали алкоголь и наркотики со мной и моей семьей, и то, что они сделали с моей карьерой и моим телом. Алкоголь и наркотики для меня это как обоссать штаны в зимний день: хорошо лишь некоторое время… пока не начинае дуть холодный ветер. И тогда эти ощущения не так великолепны.

Но знаете что? Я также не хотел упускать опыт, который у меня был, пока результат оставался положительным: уйти от того, кто был воспитан в душной атмосфере порочной религиозности и ненавидеть Бога, а затем совершить полный круг и начать снова верить в Бога. Это было наградой и выполненной задачей, которую трудно понять, если вы сами не прошли нечто подобное. Я прошел путь от бездобного ребенка до человека, добившегося всего в жизни своими собственными силами, миллионера, сделавшего состояние своим трудом, до…того, кто теперь понимает, что не существует такого понятия, как “добившийся всего собственными силами”.

Все, что касается моих успехов, так это результат некой высшей силы. Теперь, когда я это понимаю, это похоже на то, что, я, наконец, вписываюсь в эту картину, без какой-либо необходимости прорубать края в обрамляющей ее рамке.

Глава 17: Мегадэт: возрождение

“Мы вернемся!”

Шон Дровер, Джеймс МакДонаф, я и Глен желают доброй ночи зрителям

Когда я вышел из Ла Хасиенда, я был убежден, что Мегадэт пришел конец. У меня не было ни сил, ни желания возрождать группу в какой-то новом виде или форме. В ней были, опять же, лишь я и Эллефсон. И честно говоря, мое внимание касалось других вещей: здоровья, семьи, духовности. Я понятия не имел, смогу ли я когда-нибудь играть на гитаре на том уровне, который бы представлял жизнеспособный вариант. Безусловно, мне было лучше, мое здоровье укреплялось с каждым днем с помощью упражнений и физиотерапии. Но играть те блистательные соло, что стали фирменным знаком Мегадэт?

Танец по грифу, сделавший меня знаменитым? Чувак, до

этого было еще очень далеко.

Вместо того, чтобы отложить все и всех, пока я не пойму, чем хочу заниматься в свою оставшуюся жизнь, я позвонил Дэвиду и предложил собраться вместе. Мы встретились в Старбакс, штат Феникс. В разговоре витал дух конца, но он был совершенно дружественным. Дэвид был мне как младший брат, и даже хотя наши пути несколько разошлись в последние годы, я хотел для него что-нибудь сделать.

“Я ухожу” — сказал я. “И хочу передать все тебе. Я хочу, чтобы ты стал исполнительным продюсером архивов. Я хочу, чтобы ты следил за недвижимостью”.

Не думаю, что Дэвид был удивлен моим решением покинуть группу. Конечно, казалось, что он искренне ценит мою откровенность. Я думаю, он чувствовал, что это щедрое предложение. Я также считаю, что он понял именно то, что я хотел сказать. Я не давал Дэвиду разрешение добавлять новых членов группы: не давал молчаливое одобрение на гастроли и запись под брендом Мегадэт. Этого не могло произойти без моего участия. Мегадэт была моей группой, и даже хотя я больше не хотел быть ее частью, я не собирался позволить ей превратиться в то, что я никогда бы себе не позволил, то, что я бы не смог контролировать. Я просто хотел, чтобы Джуниор мог чем-то заниматься на ежедневной основе, тем, что принесет стабильный доход и другие возможности.

“Спасибо, чувак” — сказал он. “Я люблю тебя”.

“Я тоже тебя люблю”.

Мы пропустили еще по чашечке кофе и немного поговорили о старых временах.

Затем встали из — за стола, обнялись и разошлись. Я полагал, что пройдут недели, месяца, прежде чем наши пути снова пересекутся.

Но я ошибался.

Пять часов спустя я столкнулся с Дэвидом на общественной стоянке, находясь там со своим сыном, Джастисом, которому тогда было только семь лет. Я был совершенно потрясен этой встречей, и понятия не имел, что именно вызвало гнев Дэвида. Несмотря на это, его поведение было дико неуместным.

“Если ты собираешься начать собственную карьеру, тогда и я начну свою!” — кричал он, бросаясь парой нецензурных бомб и другими эпитетами в дополнение ко всему.

Поначалу я пытался урезонить его. Джастис был напуган и чувствовал себя неловко из-за напряженности встречи, и я хотел больше чем чего-либо просто разрядить обстановку и забрать его оттуда. Затем я посмотрел на Эллефсона.

“Вот и все” — спокойно сказал я, изо всех сил стараясь не следовать искушению ударить его. “Все кончено”.

Я сел в машину, повернул ключ зажигания, развернулся и уехал, оставив его в зеркале заднего вида.

9 апреля 2003 г. я играл на гитаре впервые за семнадцать месяцев. Поводом стало благотворительное шоу в местечке под названием Хайдвей Ниты в Фениксе, чтоб собрать деньги для семьи бывшего роуди Мегадэт по имени Джон Каллео. Джон также был моим личным помощником во время турне 'Youthanasia', но мы потеряли связь на многие годы.

Он был приятным и веселым парнем, который никогда не отказывался от рок-н-роллного образа жизни; однако болезнь сердца и почек в конечном счете привели к его смерти и скорее это был вопрос продолжительного онанизма, чем каких-нибудь врожденных аномалий. Тем не менее, было трудно не любить Джона, и было невозможно не сочувствовать его жене и восьмилетней дочке, которых он оставил.

У меня был медленный и стабильный прогресс с рукой, который, как оказалось, укрепил мои связки, которым был нанесен вред годами свирепой игры на гитаре. Но теперь я чувствовал себя намного лучше. В вынужденном отпуске, каким он казался, была одна хорошая вещь, сделавшая меня более здоровым, чем я был на протяжении многих лет. Когда я был приглашен на благотворительное выступление в память о Джоне, я без колебаний принял это предложение.

Не буду отрицать небольшую долю волнения. Черт, когда ты не играл почти полтора года, ты можешь облажаться. Я не знал, чего ожидать. Не знал, как буду играть и как буду относиться к своей игре. И это был необычный концерт: серия из четырех песен в акустике в очень интимной обстановке, перед парой сотен человек (включая моего крестного отца, Элиса Купера). Сет-лист был тщательно отобран, хотя не могу сказать наверняка, сколько человек поняли то, что я хотел сказать. Я открывал свое выступление “Symphony Of Destruction”, в первую очередь, чтобы дать своим пальцам соответствующую тренировку и продемонстрировать себе и зрителям, что я способен справиться с этой задачей. Затем последовали 'Use The Man' и 'Promises', первая потому что она служила ссылко на употребление Джоном наркотиков и последующую смерть, а последняя потому что я хотел дать его жене и дочке знать, что если бы Джон и пообещал что-то, то это была бы встреча с ними в загробной жизни. Завершал я свое выступление композицией 'A Tout Le Monde'.

“A Tout Le Monde (Всему Миру)

A Tout Mes Amis (Всем Своим Друзьям)

Je Vous Aime (Я Скажу: “Люблю вас.)
Je Dois Partir (Но мне пора идти”)”

Спев последнюю строчку, я встал, пошел за кулисы и выразил свои соболезнования жене Джона, Трейси; а затем направился к выходу. К моему удивлению на выходе я наткнулся на Дэвида Эллефсона. Мы не разговаривали несколько месяцев, если точнее — с того самого вечера на автостоянке, поэтому была некоторая неловкость при встрече.

Однако, обстоятельства ставили вежливость превыше всего. Черт, мы собрались, чтобы почтить память и поддержать бывшего члена семьи Мегадэт. Судьба, не иначе. Мы пожали друг другу руки, перекинулись парой слов и разошлись кто куда.

Такое ощущение, что и ссоры никогда не было, возможно потому что все это казалось настолько нереальным. Дэвид никогда не имел ни расположения, ни средств, чтобы выступать в роли бойца; это против его природы. Он принципиально спокойный, безконфликтный парень, именно поэтому его взрыв был для меня настолько поразительным. Когда мы были детьми, только начиная выступать, Дэвид не был парнем, которого бы вы хотели увидеть у себя в окопе. Отличный тусовщик и музыкант. Но боец?

Я был свидетелем одного случая, когда один мудак в пиджаке отличника из калифорнийского университета бросил Дэвиду в лицо горячую пиццу после спора за парковочное место. Дэвид даже никак не отреагировал, просто стоял, пока сыр обжигал его щеки как расплавленная лава. Мне потребовалось около двух минут, чтобы положить эту привилегированную задницу на асфальт. Вот такой была разница между мной и Дэвидом.

Неизбежная вспышка молнии появилась спустя несколько дней после благворительного концерта, когда я взял свою гитару и начал немного играть и думать о том, как мне нравилось выступать на сцене, исполняя свою музыку. Чем больше я думал об этом, тем больше мне хотелось вернуть это ощущение. Это было не простой задачей.

Моя отставка была не меньшим вопросом. Я не просто потихоньку ушел с обещанием вернуться, когда мне станет лучше. Ох, нет. Я ушел с концами. И потому что хотел уйти честно, я обзвонил многих людей, у которых получал одобрение контрактов и рассказал им о своих намерениях. Мне не следовало этого делать. Я мог просто оставить все оборудование и позволить деньгам продолжать медленно струиться. Но я этого не сделал.

Вместо этого я продал тонны оборудования, чтобы погасить свои долги. Я не хотел быть одним из тех музыкантов, которые

оставляют поставщиков с носом. У меня были люди, которые отправили для меня эти вещи и которые верили в меня: компании, занимающиеся светом и звуком. Теперь всего этого не было, поэтому, когда я решил отказаться от выхода на пенсию, я практически все начинал с нуля.

К счастью, так как я не уничтожил ни одно из этих отношений, у меня не было недостатка в компаниях, которые хотели бы поддержать мое возвращение. Довольно скоро у меня было все оборудование, которое мне требовалось, горсть новых сделок и репетиционная точка в Фениксе.

Все, что мне было нужно, это группа.

Первоначальная задумка состояла в том, чтобы записать сольный альбом. Я нанял несколько студийных музыкантов, включая много повидавшего Винни Колауйта, наиболее заметного своим пребванием в группе Фрэнка Заппы и Mothers of Intervention, и приступил к работе осенью 2003-го. Однако, бизнес, всегда встает на пути музыки.

Сольная пластинка была прервана в то время, как я помогал ремастерировать весь каталог Мегадэт. К тому времени, как я вернулся к сольному проекту весной 2004-го, EMI начали серьезно давить на меня, чтобы я выпустил очередной альбом под брендом Мегадэт. Лейбл утверждал, что я связан контрактными обязательствами выпустить очередную пластинку Мегадэт, прежде чем отправиться в сольное плавание. Вместо того, чтобы втянуться в бесконечный, дорогой, и в конечном счете бесполезный правовой спор, я решил просто взять песни, которые я написал и записал и выпустить их в качестве последней на данный момент и последней пластинки Мегадэт вообще, метко названной 'The System Has Failed'.

Но тогда у меня возникла идея. Если Мегадэт будут возрождены, с новой пластинкой и даже гастролями в поддержку этой пластинки, тогда почему не возродить самый успешный состав Мегадэт? Говоря о коммерческой и творческой составляющей, я подумал, что это было отличной идеей.

Первым, кому я позвонил, оказался Ник Менза, который тут же ухватился за эту возможность.

Ладно, хорошее начало. Один есть, осталось еще двое.

Следующий звонок был Марти Фридману. Мне всегда нравился Марти, я восхищался его гитарными навыками, и даже хотя я был чрезвычайно расстроен его уходом и тем, как он пытался оказывать чрезмерное творческое давление во время записи 'Risk', я не питал к нему личную неприязнь. В какой-то мере вы не могли не уважать Марти. Он имел право жить своими фантазиями. Этот парень всегда говорил, что хочет жить в

Японии, играть более мейнстримовую музыку и учить других, как играть на гитаре. И это именно то, что он сделал. Можно лишь пожелать ему удачи в этом. Я не хотел оттаскивать Марти от этого на большой отрезок времени. Моя задумка состояла в том, чтобы воссоединить состав Мегадэт времен 'Rust In Peace' для проведения очень особенного события. Я хотел дать парням возможность пойти в студию и перезаписать 'The System Has Failed', заменив и, надеюсь, улучшив то, что уже было сделано сессионными музыкантами. Мы бы продали кучу записей, поездили с гастролями, а затем все смогли бы вернуться к своей привычной жизни. Для меня это означало сконцентрироваться на сольной работе.

К сожалению, эта идея не вызвала волнения и энтузиазма, который я ожидал; вместо этого, она по большей части открыла старые раны и вызвала острые дискуссии о деньгах и власти.

Моя первоначальная беседа с Марти начиналась примерно так:

“Привет, Марти”.

“Привет, Дейв”.

“Эй, я очень сожалею обо всем”.

“Да, я тоже”.

Небольшой разговор, бла-бла-бла.

Я сказал Марти о новой пластинке и предполагаемом турне, и затем спросил, есть ли у него заинтересованность сделать это вместе. Марти поколебался, а затем засыпал вопросами, на которые я не был готов ответить.

Каков маркетинговый бюджет? Гастрольный бюджет? Бюджет пластинки? Сколько денег он получит? Есть ли у меня конкретные даты?

У меня голова пошла кругом.

Эй, чувак, помедленнее.

Я не мог поверить, что он спрашивает меня обо всем этом дерьме, когда с начала разговора не прошло и двух минут. Я ответил примерно в духе, знаешь что, Марти? Тебе не нужно знать эти вещи. Тебе не нужно знать бюджет пластинки, потому что ты не записывал эту пластинку. Тебе не требуется знать гастрольный бюджет, потому что ты будешь просто временным участником.

Вот так почти сразу у нас с Марти скис разговор. Затем я позвонил Эллефсону. В принципе вот наш разговор:

“Привет, Джуниор. Я просто хочу, чтобы ты знал, что я решил, что хочу снова играть, и собираюсь с гастролями. И хочу поговорить с тобой о том, чтобы поехать со мной вместе. Я записал новую пластинку, она почти готова, поэтому тебе не

нужно беспокоиться об этом дерьме. Она выйдет в скором времени. Если тебе интересно, мы микшируем ее в Нэшвилле; можешь съездить туда и попытаться переиграть то, что мы уже имеем. Если сможешь, мы используем это на пластинке. Если нет, ничего страшного, ты по-прежнему можешь отправиться с нами на гастроли".

И, как и Марти, Дэвид пустился в перечисление запросов. Не вдаваясь слишком глубоко в дурманящие мелочи практики отчетности, давайте просто скажем, что Дэвид искал что-то похожее на полное сотрудничество в этом предприятии. Ну, этого бы, конечно, не произошло. Я собрал весь этот проект. Я написал каждую песню, спродюсировал пластинку, разработал концепцию турне. Мне требовалась лишь поддержка группы, и я подумал, что было бы неплохо собрать старую банду Мегадэт. Но все оказалось гораздо сложнее, чем я ожидал.

"Джуниор, у меня еще нет ответов ни на один из твоих вопросов" — объяснил я. "И честно говоря, если бы я знал, мне было бы неловко говорить тебе все это. Слишком много информации, которая требуется бас-гитаристу для проведения одного единственного турне".

Вот так все и было: одна пластинка, одно турне. Это был не реюнион. Я пытался сказать это так четко, насколько это было возможно.

И так же быстро, как возникли мои надежды, так же быстро они не оправдались.

Потребовалось всего несколько телефонных звонков и неловких разговоров, чтобы прийти к очевидному выводу: не будет созыва старого Мегадэт; пришло время двигаться дальше. Я подумал, что это был конец всему. Представьте мой шок, когда в начале июля 2004-го Эллефсон подал на меня иск вопросом в 18.5 миллионов долларов в федеральный суд Манхэттена.

В иске утверждалось, среди прочего, что я обманным путем лишил Дэвида издательских и мерчандайзинговых авторских прав и не выполнил свое обещение передать ему контроль над Мегадэт после своего ухода. Я никогда не делал подобных заявлений, и договор, подписанный Дэвидом — юридически обязывающий контракт, в котором были прописаны условия нашего разделения в мельчайших подробностях.

Однако, в своем иске Дэвид утверждал, что он изменил свое мнение сразу после подписания соглашения о разделе, и поэтому договор был недействителен.

Когда я услышал об иске Джуниора, я был настолько зол, что едва мог видеть перед собой. Дело было не только в деньгах; дело было еще и в том, что я на меня публично и несправедливо напал

тот, кого я поддерживал и защищал на протяжении многих лет.

Весь судебный процесс — фактический документ, каким-то образом оказался в Интернете, годе был размещен во всех своих непристойных подробностях. Битва естественно просочилась в широкую Вселенную поклонников хэви-метал, чьи рассуждения крутились вокруг двух гипотез:

1) Мастейн жадный, эгоистичный мудак.

2) Эллефсон жалкий, неблагодарный мудак.

Среди тех, кто нашел время, чтоб изучить этот вопрос тщательнее, громким вердиктом было: номер два.

Оправдание состоялось не только в суде общественного мнения, но и в зале Федерального Судьи Наоми Бухвальд, которая в январе 2005-го полностью отклонила иск Эллефсона. При этом она заявила, что иск был необоснованным. Каким он и был. В конце концов, Дэвид стал человеком, которому пришлось выписать чек. Чек на большую сумму.

Мой адвокат сказал, что впервые за 27 лет его практики один из его клиентов, имея статус ответчика, получил деньги в результате судебной тяжбы.

К тому времени я уже создал новую версию Мегадэт, выпустил 'The System Has Failed', и отправился на гастроли. Какое-то время, когда я пытался собрать новый состав, казалось, что хотя бы один член старого Мегадэт примет участие в этом мероприятии.

Даже когда переговоры с Марти и Джуниором, провавалились, Ник продолжал выражать желание вернуться в группу. Он показался в студии в Фениксе как-то летом 2004-го с U-Haul, полным оборудования и барабанным техником по имени Стикс. Этот парень высадил Ника, а затем заснул в грузовике, находясь на стоянке у магазина электроники Фрея. Это была Аризона, в середине лета, когда температура обычно взлетает до третьего десятка. Восемь часов спустя Стикс проснулся, обожженный и обезвоженный, но к счастью все еще живой. Тогда я знал, что Стикс не продержится долго на этой работе. Мы отправили его домой вскоре после этого.

В течение следующих нескольких недель еще больше барабанных техников приходили и уходили, и довольно скоро я пришел к осознанию того, что проблема была не в барабанных техниках; проблема была в Нике. Я думал, точнее надеялся, что Ник прошел очищение. Но требуется лишь немного времени провести в студии или репетиционном зале, чтобы непредсказуемое поведение и ненадежность выплыли наружу. Нельзя было скрыть этого. Новый бас-гитарист, Джеймс МакДонаф, был надежным, даже если и играл без особого

энтузиазма. А бывший гитарист King Diamond был настоящим профи. Однако, Ник, оставался старым добрым Ником. Он играл песню или две, спрыгивал из-за своей ударной установки: “Дайте мне пару минут, ребята; я сбегаю в круглосуточный мини-маркет купить кое-что”, затем он садился на велик, оставляя всех остальных стоять там, покачивая головами в недоумении. Иногда он возвращался довольно быстро, а временами “пара минут” превращались в пару часов. Все это действительно стало странным и подозрительным, если вы были знакомы с историей Ника. Однажды Глен предложил связаться с его братом, Шоном Дровером, чтобы узнать, заинтересован ли он в очередной раз вакантном месте барабанного техника. Шон играл на ударных в группе со своим братом и в качестве техника для барабанщика King Diamond, поэтому умел как следует обращаться с ударной установкой.

Через несколько минут мы говорили с Шоном по громкой связи, сделав звонок в режиме конференц-связи. Я находился в переговорной с Гленом и Джеймсом; Ник находился неподалеку, лежа на диване, темные очки закрывали его глаза, он пытался выглядеть отчасти скучавшей, недовольной рок-звездой.

“Эй, Шон” — сказал я. “Как поживаешь?”

“Отлично, чувак. Как вы там все?”

Не успел я ответить ему, как в комнату ворвался Ник. “Кто этот чертов парень? Я знать его не хочу”.

С этого момента все резко испортилось, все пытались скрыть свой гнев и неловкость. Я извинился перед Шоном, сказал ему, что мы перезвоним позже, а затем мы вышли на улицу, чтобы поговорить с Гленом, который по понятным причинам был обижен.

“Я не могу играть с этим мудаком” — сказал он. “Если он остается в группе, тогда я ухожу”.Что я мог ответить? Не было смысла защищать или пытаться объяснить поведение Ника. Я надеялся, что он усвоит урок и на этот раз все будет иначе. Но, очевидно, ничего не изменилось. Я поговорил с нашим менеджером, и к концу дня Ника уже не было.

Теперь нам требовался не только барабанный техник, но и барабанщик. И у нас было не так много времени — мы должны были отправиться на гастроли через пять дней.

“Как насчет Шона?” — предложил Глен. “Он уже знает все песни”.

Последний раз я слышал подобные смехотворные заявления от Эла Питрелли. Я позвонил ему из Денвера и середине гастрольного тура, через несколько часов после ухода Марти Фридмана.

“Да, я буду через пару дней” — сказал Эл. “Я знаю все ваши песни, вдоль и поперек, и я сыграю их даже с сигаретой, торчащей изо рта”.

“Мы не курим в нашей группе, Эл”.

“Ну тогда с жвачкой Никоретте”.

Он был у нас через два дня, все верно, но он не смог сыграть все песни. Даже близко. В них просто было слишком много особенностей. Конечно, игра на ударных была значительно менее сложной, чем игра на гитаре. Ты мог импровизировать, сохраняя такт и дух, пряча ошибки от самых требовательных ушей. Тем не менее, казалось смелым предположением, что Шон сможет занять место Ника в такой короткий срок.

Но у него это получилось. Парень знал все песни, которые должен был сыграть в турне. Не идеально, но, по крайней мере, не хуже, чем Ник. 'The System Has Failed’ был выпущен в сентябре 2004-го, получив в целом благоприятную реакцию от критиков и коммерческий успех. Учитывая все то, что предшествовало его выпуску, я был доволен тем, какой получилась пластинка. А затем мы отправились на гастроли и сыграли ее.

Первое выступление турне 'Blackmail The Universe' состоялось в Рено, штат Невада, в октябре 2004-го. К сожалению, никем не было установлено ограждение между группой и толпой. Если вам это кажется мелочью, то на самом деле это не так. Если у вас нет демаркационной линии на шоу Мегадэт, то всю ночь к вам на сцену будут забираться подростки. Именно так и произошло. Я провел два часа, играя на гитаре одной рукой и отмахиваясь от них другой. К концу выступления вся сцена была покрыта охранниками.

Мы прошли через все это без особых последствий, но потом, в раздевалке, я заметил, что Шон как будто не в себе. У него кружилась голова и были проблемы с дыханием. Когда его состояние не улучшилось, мы доставили его в местную больницу.

Диагноз: головокружение.

Глен и его старший брат Шон Дровер. Они могли меняться инструментами и мы так и делали несколько раз.

“Это случалось раньше?” — спросил я Глена.

“Не знаю. Думаю, нет”.

“Что значит, ты думаешь?”

Глен пожал плечами. “Ну, он раньше выступал лишь пару раз. Я имею в виду на глазах у людей”.

“Какого хера?!”

Я не знал много о Шоне. Я предполагал, что он в течение многих лет играл в различных группах. У вас не получится быть настолько тренированным просто тусуясь с кем-то и играя в подвале. Но именно этим и занимался Шон. Парень полностью самоучкой и был напрочь лишен сценического опыта. Позже я узнал, что Шон и Глен выросли в неблагополучной семье, и чтобы справиться с болью, они погрузились в музыку. В этом процессе они не только стали профессиональными музыкантами, но и стали невероятно близки. Глен вышел за пределы подвала в мир профессиональной музыки. Он был тоже достаточно хорош. Шон, по большей части, остался за кулисами, довольствуясь помехами и работая в качестве барабанного техника время от времени выступая с Гленом в канадской студийной группе Eidolon.

И мы взяли этого беднягу — с избыточным весом, нездорового, неопытного, и бросили его перед тысячами голодных, трясших головами металлистов?

Нам повезло, что он не умер.

Но вот вам совершенно невероятный счастливый конец. Шон оказался одним из самых надежных и устойчивых музыкантов, которых я знал. Пять лет после крещения огнем в Рено, он по-прежнему является барабанщиком Мегадэт; лишь Ник Менза сидел за барабанной установкой дольше. Никогда не знаешь, что у каждого происходит внутри.

Талант лишь одна из черт, необходимых для успеха, и она часто переоценивается. Шон потрясающий музыкант. Он барабанщик по профессии, но также может играть на гитаре, так же, как Глен гитарист, но при этом опытный барабанщик. Больше чем что-либо еще, Шон — человек, преодолевающий любые трудности, качество, которое имеет немалое значение в моих глазах. Парень просто продолжал тяжело работать и работать, становясь все лучше и лучше, обучаясь на рабочем месте, пока однажды он не стал выглядеть тем, кем должен был быть: барабанщиком одной из крупнейших групп в хэви-метал. Как можно не уважать такое?

Хотя, честно говоря, у меня были смешанные чувства после этого первого выступления. Я не знал, протянет ли этот состав

хотя бы неделю, не говоря уже о многих месяцах до завершения мирового турне. Но Шон вскочил прямо на лошадь, и стало сразу ясно, что он был не только талантливым, но и имел дух бойца. Глен был тоже хорош. И Джеймс. Впервые за…скажем…долгое время, исполнять музыку снова стало весело. Быть в Мегадэт было весело. Мы проехали с гастролями по Штатам в компании с Exodus, залы были переполнены, куда бы мы ни ехали. Затем, после перерыва на рождественские праздники, мы отправились в Европу с Diamond Head и Dungeon. Все шло гладко до мая 2005-го, когда нам нужно было выступить с Греции и Израиле с Rotting Christ и Dissection, обе из которых, справедливо или нет, носили ярлык “сатанинских” групп.

Теперь, это очевидно, стало чем-то вроде дилеммы. Когда я впервые принял христианство, я почувствовал, что мне требуется защитить себя от пагубного окружения.

Некоторые проходили через спасение и переходили к окружению, которое вело к тихой достойной, осмысленной жизни. Я не мог этого сделать. Слишком многие знали, кто я и как жил раньше. Слава может быть потрясающей вещью; но может быть и стервой. Когда Дейв Мастейн объявляет о своем обращении в христианство, не будет недостатка в людях, которые найдут лицемерие в этом решении.

“А, ну да, точно…Мастейн христианин. Да этот парень чертов алкаш и наркоман”.

Ну, на самом деле, именно таким я и был. И разве может быть лучшая причина, чтобы впустить Бога в свою жизнь и искупить все те ужасные вещи, которые я натворил?

Я не мог изменить мнение людей, и честно говоря, не хотел и пытаться, но я мог осуществить определенную степень контроля над своей жизнью. Я мог стать лучше. И осторожнее.

Одну вещь, которую я мог сделать для поддержания здорового образа жизни это избежать выступлений с группами, чье философское мировоззрение оскорбляло мои убеждения. Разумеется, существуют различные ступени всего этого. Я никогда не был тем христианином, который бьет вам в лицо и говорит, как нужно жить. Я не вербовал во имя Христа. Каждому свое, чувак. Но в этот момент моей жизни, вновь спасенной, было просто нездоровым делить сцену с группой под названием Rotting Christ. Группа, которая пару лет назад была частью фестиваля блэк-метал под названием «Fuck Christ».

Я даже не знал многого, если на то пошло, о музыке любой из этих групп. Но я знал точно, что если и была линия на песке, которую нельз было переступать, то это она и была. Мне было некомфортно играть с группой под названием Rotting Christ. Ее

название было слишком оскорбительным. Вот как я это видел. Я находился в музыкальном бизнесе уже около двух десятилетий, продав более двадцати миллионов пластинок. Я заслужил право выбирать играть с теми, кто мне по душе.

Что касается Dissection, ну, здесь было все немного сложнее. Я зашел на их веб-сайт и обнаружил, что они из Швеции и один из членов-основателей группы, Джон Нодтвейдт, был настоящим сатанистом. Затем я узнал, что он поливает меня грязью в Интернете в свете моих религиозных преобразований. Я был, как он сказал, его "заклятым врагом". Я не мог поверить в это. Я даже не знал этого парня, а он объявляет войну против меня. Поначалу я отмахнулся от этого как от старого доброго шведского безумия. Затем я немного больше изучил этот вопрос, и то, что я раскопал, было тревожно, если не сказать больше. Этот сумасшедший ублюдок недавно провел несколько лет в тюрьме по обвинению в соучастии в убийстве.

Независимо от мотива или степени вовлеченности, это был явно плохой парень с нарушениями психики, и я не принимал его угрозы всерьез. Я высказал свою озабоченность своему агенту, который в свою очередь выразил обеспокоенность промоутеру шоу…который тут же выкинул Dissection из выступления. Но это был не конец всему. Две недели спустя мы должны были выступать на фестивале во Франции с парой десяткой других групп в списке, включая Dissection. Я не имел контроля над этим мероприятием. Если мы выступаем в роли хэдлайнеров в турне и какой-нибудь промоутер ставил Rotting Christ и Dissection открывать наши выступления, тогда я определенно имел право наложить вето на это решение. Но фестивали это длительные, многослойные события, рассчитанные на широкую публику, и нет ничего необычного в том, что группы различных стилей выступают на одной сцене. Я полагаю, что мы могли бы сняться с фестиваля, но не считал это необходимым. По меньшей мере, пока Нодтвейдт не начал нести чушь в киберпространстве, на этот раз обещая, что когда Мегадэт прибудут во Францию, и он уже будет ждать меня.

Это привлекло мое внимание. Был парень, который уже отбывал срок в тюрьме, так что маловероятно, что перспектива наказания служила сдерживающим фактором. В этом случае, мой обычный арсенал запугивания — слава, деньги, власть, опыт в боевых искусствах, ни хрена не значил. Этот парень знал, каково это лишить кого-то человеческой жизни. Я — нет. Был ли я напуган? Да, в некоторой степени. Хотя больше я был зол, когда мой агент поставил меня в затруднительное положение, когда не только моя безопасность была под угрозой, но и я сам находился

в центре большой сетевой ереси: Дейв и его предполагаемый христианский фанатизм (который не был фанатичным посольку я ни на кого им не давил) против бедного, безвредного поклонника дьявола и небольшой группы, которой он руководил.

За исключением, разумеется, того, что он не был безвредным. Он был убийцей.

Поэтому когда мы приехали во Францию, я помолился и был готов приступить к работе. Промоутер фестиваля нанял дополнительные силы безопасности на этот день, и мы приехали, не зная, чего ожидать. Первым, кого я встретил, был Джон Ди, который был в то время моим менеджером. Джон приехал туда в начале дня, для того, чтобы посмотреть на выступление Dissection, а затем сразу же разыскал Нодтвейдта. Не представляясь, Джон столкнулся с этим парнем, что-то вроде хулиганского удара плечом, просто чтобы посмотреть на его реакцию. Нодтвейдт, по словам Джона, был маленьким и невпечатляющим парнем, и удар чуть не сбил его с ног. Его единственный ответ на это заключался в том, что он посмотрел на Джона и сказал: “Простите, сэр”.

Затем он ушел прочь.

“И где он сейчас?” — спросил я.

“Ушел. Ушел сразу после выступления”.

Я подял руки в воздух, одновременно от облегчения и разочарования. “Ты разыгрываешь меня? Все эти беспокойства и хлопоты. А парень просто слизняк?”

Джон засмеялся. “Судя по всему, так и есть”.

Я никогда лично не встречался с Нодтвейдтом. Никогда не получал объяснений его онлайн-агрессии. Что, возможно, и хорошо — для меня сейчас очевидно, что парень был серьезно болен. К лету 2006-го он стер себя с лица земли, застрелив себя в голову во время, как ходили слухи, ритуального самоубийства. Странно, не правда ли, чем заканчивают некоторые из моих врагов? Между тем, я по-прежнему живу.

На протяжении многих лет более чем несколько человек направляли в мой адрес обвинения в лицемерии в связи с вопросом выступления с так называемыми сатанинскими группами. Как я пытался объяснить, это сложный вопрос. Прежде всего, теперь я гораздо более уверен в своей вере, чем в 2002-ом, когда впервые впустил Бога в свою жизнь. Моя духовность в значительной степени является моим личным делом, и той вещью, защищать и объяснять которую я вообще не считаю нужным. Но я полагаю, что когда вы пишете книгу, вам требуется быть откровенным насколько это возможно — вы находитесь в подобных обязательствах перед читателем. Поэтому буду

откровенен. Я никогда не говорил, что не буду выступать с сатанинскими группами. Я не настолько глуп, чтобы делать такие огульные обобщения. Сказал я вот что: я не буду гастролировать с сатанинскими группами. Турне — это деловое соглашение, в котором я активный и добровольный участник. Фестиваль или одиночное выступление включает в себя множество групп, которые совершенно разные.

Кроме того, существует проблема в определении термина. “Сатанинский” — обобщающий термин, применяемый к практически любой группе с темной окраской. И иногда этот термин неправильный. Slayer — прекрасный тому пример. Люди могут задаться вопросом: “Как может Дейв говорить в один год, что не будет гастролировать с любыми сатанинскими группами, а на следующий отправляться на гастроли со Slayer?”

Ну, по правде говоря, когда я впервые получил спасение, были вещи, которых я не знал.

Это похоже на старую поговорку о том, когда готовишь: “Когда есть сомнения, отложите, что делаете”. У Мегадэт были возможности выступать с некоторыми другими группами, но некоторые из их текстов песен и музыка вызывали у меня дискомфорт. Я лишь хотел убедиться, что мне потребовалось время, чтобы начать играть с некоторыми группами. У меня долгая, и временами желчная история отношений со Slayer и Керри Кингом. Мы оба швырялись друг в друга обвинениями, с давних пор и до того момента, как я стал никем иным, как истинным христианином. Но Керри не сатанист, и Slayer не сатанинская группа. Мне потребовалось время, чтобы освоиться с некоторыми оттенками подобных терминов и необязательно чувствовать себя под угрозой, связывая мрачность с каждой группой.

Теперь я принимаю решения, рассматрвая каждый конкретный случай в отдельности. Это же так просто.

Я понимаю, что иногда религия, или отказ от религии, может быть самой главной вещью. Я знаю людей, которые играют в сатанинских группах, которые не особенно верят в то, чем занимаются. Может быть, они циничны. Может, они просто потерялись. Иногда я чувствую необходимость быть вокруг мрачных групп, если только ненадолго, просто для собственного утешения и назидания, так что я могу быть счастливым, что больше не пойду по этому пути. Я был там, чувак. Я могу сказать, какие люди настоящие, а какие нет, и для меня очень важно иметь возможность сказать: “Эй, я счастлив. Я вышел. Я нашел лучший путь”. Дело в том, что большинство людей, ставших христианами, сделали это так, как те чуваки по телевизору. Не

радикалы, как я — люди, которые действительно рискуют и иначе принимают духовность. Знаете, есть целое движение детей, татуированных и одетых в черную одежду, которые исполняют тяжелую музыку, и у них отличные группы…и они верят в Бога. И в этом нет ничего плохого. На самом деле, одна из тех вещей, которую я бы хотел сделать в остаток карьеры, это помочь детям найти безопасное место исполнять рок-музыку. Я бы хотел, чтобы у меня это было, когда я был моложе.

Однако, дело вот в чем. Я провел много времени в качестве новогообращенного христианина, пытаясь получить комфорт в собственной шкуре. Бывали времена, когда я чувствовал себя спокойно и хорошо; бывали также времена, когда мне казалось, что я задыхаюсь. Лишь летом 2005-го я начал чувствовать гармонию между своей духовной и музыкальной жизнью. Это на самом деле произошло во время Gigantour, ежегодного шестинедельного хэви-метал фестиваля, который я задумал как ответ на множество фестивалей, возникавших на всем музыкальном ландшафте. Gigantour позволил мне стать лучше как в качестве музыканта, так и бизнесмена. Это было мое детище, и я обожаю его. Во время одного памятного концерта в Далласе, 2 августа, несколько парней из различных групп джеммовали вместе под песню Pantera 'Cemetary Gates', в память о покойной гитаристе группы “Даймберге” Дэрелле Эбботте. На протяжении многих лет у меня случались неприятные встречи с парнями из Pantera. Что могу сказать? Я был выскомерным алкоголиком и наркоманом. Было не трудно нажать на правильные кнопки, и когда Фил Ансельмо подходил к микрофону и говорил: “Нахер Мастейна”, во время разгорева перед выступлением Мегадэт во время турне 'Countdown To Extinction', это задело одну или две. Я сказал несколько нелестных вещей о музыке Pantera, и война началась. Но когда Даймберг был убит на сцене сумасшедшим фанатом в конце 2004-го, я подумал, что настало время отбросить всю эту херню. Я внес свой вклад в хвалебную речь на MTV и позже признал невероятные гитарные фишки и нежный дух Даймберга в открытом письме на своем вебсайте. Это был долгий путь к оттаиванию отношений с остальными участниками Pantera, и сыграть соло Даймберга на 'Cemetary Gates' остается одним из самых теплых моих воспоминаний о Gigantour.

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на бессмысленные сражения. Я бы предпочел просто исполнять музыку и проводить время с теми людьми, которых люблю и уважаю. Эта мысль пришла мне в голову, когда я стоял на сцене стадиона Обрас в Буэнос-Айресе, в Аргентине, 9 октября 2005-го, на музыкальном

фестивале Пепси. Какая ночь, какая публика. Мы не выступали в Аргентине в течение нескольких лет, а теперь они были здесь, неустанно и безумно радуясь нам, повторяя каждое слово каждой песни — распевая долбанные гитарные партии, Господи! Это было все равно, что у тебя в наличии 25 000 бэк-вокалистов. Я снова почувствовал себя, как ребенок, как будто хотел этого всегда. И поэтому, прежде чем уйти со сцены и отправиться домой, я наклонился к микрофону и дал им свое обещание: “Я хочу поблагодарить всех вас за то, что пришли сегодня сюда и составили нам компанию этим вечером. Надеюсь, вы отлично провели время, потому что мы — без сомнения! И мы вернемся!”

И я имел в виду то, что сказал. Мегадэт в той или иной форме, будет жить. И я тоже.

Эпилог: Три катера и вертолет

Один из моих любимых снимков. До этого турне мы никогда раньше не использовали пиротехнику.

Фотография сделана Робом Шеем

Я сижу в проекционном зале в Фокс Студиос в Голливуде, смотря черновой монтаж кинофильма Уилла Феррелла. Мне очень нравится находиться здесь, поскольку это место представляет еще одну креативную сферу для исследования. Меня попросили представить некоторую оригинальную музыку в качестве сопровождения к фильму, так что моей задачей было просмотреть фильм и представить себе необходимый вид гитарной работы для двух конкретных сцен. Весьма интересно, если говорить начистоту, в том, чтобы быть приглашенным в этот

мир. Я гитарист, исполняющий музыку в жанре трэш-метал, и нас нечасто приглашают в мейнстрим. Однако высокобюджетное летнее кино с участием Уилла Феррелла касается мейнстрима, поэтому я не могу не ощущать прилив волнения.

Кино идет, и я смотрю его больше для вдохновения, чем ради развлечения — странное ощущение, вне всякого сомнения.

“Прямо сюда” — говорит кто-то. “Вот где ты нам нужен”.

Я наклоняюсь вперед в своем кресле. Разговор о долгом, странном, замечательном опыте. Как же я сюда попал? Внезапно мое внимание отвлекается. Музыка наполняет проекционный зал, подавляя диалог на экране, или может быть, это мне так только кажется, потому что я мгновенно ее узнаю. В киноиндустрии это называется “заполнитель”, музыка, которая никогда не будет использована в качестве музыкального сопровождения или саундтрека к фильму, предназначенная лишь для того, чтобы заполнить соответствующее место, чтобы дать фактическому композитору представление, что ему требуется для работы. Она служит и вдохновением и руководством одновременно.

Или в моем конкретном случае, раздражением.

Я поворачиваюсь к своему помощнику, Исааку. Ни один из нас не произносит ни слова. Но я могу сказать, что мы думаем об одном и том же: Металлика? Твою мать, вы что разыгрываете меня?!

Исаак работает со мной уже несколько лет, достаточно долго, чтобы знать, что нет ничего более вероятного, чтобы вывести Мастейна из психического равновесия, чем неожиданное упоминание Металлики. И в этом случае все получилось настолько неожиданно, насколько могло.

Слышишь, Дейв? Вот что нам требуется! Что-то, что звучит как Металлика, но при этом не Металлика. Сможешь это сделать? Ну, пожалуйста?

На мгновение я свесил голову, а затем улыбнулся. И Исаак улыбнулся. А затем мы начали смеяться. Иногда мир настолько порочен, что тебя может спасти лишь чувство юмора. Я понимаю в тот же миг, что это никогда не закончится.

Это никогда…блядь…не кончится.

Когда-то будут опускать мой гроб в землю, готовясь сыграть для меня в последний раз (‘A Tout le Monde’ отлично подойдет), и кто — нибудь оставит диск Металлика в проигрывателе.

Я искренне стараюсь изменить свой взгляд по поводу всего этого. Нельзя так долго держать в себе обиду. Это просто опасно для здоровья. К сожалению, иногда мне кажется, что самый эффективный способ зарыть топор войны это бросить его в затылок черепа твоего врага. Именно так я считал пару месяцев

назад, получив электронное письмо от Скотта Йена из Anthrax, завершавшееся словами: ‘Увидимся в Кливленде 3 апреля, ага?’

Я понятия не имел, о чем он вообще говорит.

“Что будет в Кливленде?”

Очередное электронное письмо вскоре пришло на мой почтовый ящик.

“Извини, моя ошибка. Я думал, ты знаешь. Металлика будут введены в Зал Славы Рок-Н-Ролла, я думал, ты тоже там будешь”.

“Извини” — ответил я. “Ничего об этом не слышал. Передай всем привет от меня, ладно?”

А теперь о том, что на самом деле произошло. Разумеется, я знал, что Металлика будут введены в Зал Славы Рок-Н-Ролла. Эта новость была объявлена еще осенью 2008-го. Я постарался выбросить ее из головы как можно быстрее, полагая, что даже если вы захотите докопаться до самой сути, все это было связано со мной…да ничего общего это со мной не имело.

Но электронное письмо Скотта, совпавшее по времени с завершением последнего европейского турне Мегадэт (при участии Judas Priest), оказалось дилеммой. Я знал, что будет дальше. Металлика собираются в Зал Славы, и меня пригласят на эту церемонию.

В качестве зрителя.

И действительно, пару дней спустя мой менеджер Марк Аделман сообщил, что было получено приглашение. Группа за меня и Пэм оплатит перелет в Кливленд и посещение большой вечеринки вечером в пятницу 3 апреля. Следующим вечером мы бы сидели среди зрителей, вместе с остальным довольно обширным семейством Металлика — офисными менеджерами, туровыми менеджерами, администраторами фан-клуба, роуди, кем угодно, и тепло встречали аплодисментами группу, когда Ларс и Джеймс и остальные парни были бы официально введены в зал.

“Что думаешь?” — спросил Марк.

“Ты прекрасно знаешь, о чем я думаю. Вопрос в том, как вынести все это?”

У меня была отличная отмазка: я был невероятно занят. Я находился дома в Штатах несколько время спустя турне с Пристами, затем я должен был вернуться в Германию, чтобы провести рекламную работу для Маршалл Эмплификейшн, а после того мне требовалось подготовиться к выступлению на предстоящем вручении награды Голден Гадс. И все это во время записи альбома Мегадэт. Для того, чтобы поучаствовать во введении в Зал Славы пришлось бы отказаться еще от чего-нибудь. Честно говоря, оно того не стоило.

Тогда я прикусил язык и написал письмо, по большему счету пресс-релиз, благодаря Металлика за то, что вспомнили обо мне, и поздравляя их с этим событием, но в конце концов выражая сожаление, что не смогу присутствовать на этом событии.

Так все и произошло.

Ни яда, ни гнева.

И в любом случае, не публично.

Разумеется, я словно шел по бревну. Я знал, что если покажу свои истинные чувства, тогда ни за что не смогу сидеть среди долбаных зрителей, когда заслуживаю того, чтобы подняться на сцену вместе с группой, которую помог создать — все бы качали своими головами и говорили: 'Да, это же старый добрый Дейв'.

И если бы я пытался вести себя отстраненно, многие сказали бы: “Ох, вот херня. Ему нет никакого дела. Он просто не хочет там находиться”.

Безвыигрышное утверждение, как часто происходило со мной в связи с Металлика.

И все же, я не мог уступать своим принципам по этому поводу; я не мог выбросить то, что лежало у меня на сердце. Лучше просто оставаться в стороне и держать рот на замке. Выбрать пресловутое шоссе.

Но я не мог оставить все вот так. Поэтому я обратился к Ларсу в последний раз. Я отослал ему электронное письмо, спрашивая, не могли бы мы в ближайшее время поговорить. Он ответил мне.

“Привет, чувак, сегодня долбанный загородный день и я гуляю с детьми. Может, лучше свяжемся через пару дней?”

Две недели спустя он написал мне снова. Типичное планирование времени рок-звезды: по неделе на каждый день. Тогда я тут же ему ответил: “Да, я здесь. Можем поговорить”.

Через пару секунд у меня зазвонил телефон. Я сидел на кухне в своем доме, на окраине Сан-Диего, прекрасным солнечным утром. Пэм сидела за столом напротив меня, так что я мог сконцентрироваться на чем-то позитивном. Разговор не был ни горячим, ни целительным. В нем не было катарсиса в любом проявлении. Он был практически банальным, будто у нас обоих не хватало сил на выражение эмоций. Теперь мы оба были близки скорее к 50-ти, чем к сорока годам, на склоне жизни, как ни крути. Если не было достаточно возможным обняться как братья, которыми мы однажды были, не стоило и усилий сражаться как воины.

“Хотел бы я, чтобы ты был там, чувак” — сказал в какой-то момент Ларс, пустившись в то же старое усталое объяснение: что все, кто был частью жизни Металлика, были приглашены на

церемонию, но что лишь те члены группы, которые играли на пластинках, могли быть введены в Зал Славы.

В голове я слышал голос сэра Джона Гилгуда, изящного дворецкого, критикующего сдержанного миллионера-алкоголика, сыгранного Дадли Муром в Артуре.

“Что, ты мелкий хуй!”

Разумеется, я присутствовал на записи Металлика. Я появлялся на DVD. Я выступал в роли композитора. У меня была своя история в этой группе. Но какой смысл в порке сгнившей лошади? Теперь я понимаю Ларса. Или по меньшей мере я понимаю, что у него есть цель в моей жизни, и эта цель — достичь моей покорности, оставить меня смиренным и голодным.

“Мне тоже там хочется быть” — сказал я. “Но я не могу. Только не так. У нас разные взгляды на эти вещи. И так как я не могу быть там так, как я хочу, вероятно, будет лучше, если я просто поддержу вас, парни, со стороны”.

Я сделал глубокий вдох.

"Но я хочу, чтобы ты знал, что я горжусь тобой, чувак, и действительно желаю тебе всего самого лучшего".

“Спасибо” — ответил Ларс. “И тебе тоже. И надеюсь, что ты изменишь свое мнение”.

“Если это произойдет, ты будешь первым, кто об этом узнает”.

Я не останавливался подробно на этом разговоре. Предстояло сделать слишком много работы, слишком много других вещей занимали мое время. Мне требовалось вернуться в студию и наложить окончательные штрихи на двенадцатый альбом Мегадэт — Endgame. Остается невыясненным, несет ли иронию на себе название этого проекта.

Творчески и профессионально говоря, на тот момент в моей жизни были некоторые другие вещи, которые бы мне хотелось сделать: больше опыта по созданию музыкального сопровождения к фильмам, обучение, сольные альбомы. И мне бы хотелось проводить больше времени со своей семьей, угнаться за детьми спустя все эти годы. У Джастиса есть собственные музыкальные интересы, и я бы хотел помочь ему, чем могу; Электра очаровательна и умна не по годам, у нее развивается собственная телевизионная карьера.

Я соскучился по ним. Я больше не хотел ничего упускать.

Но так происходит уже довольно долгое время. Каждый альбом Мегадэт за прошедшее десятилетие создает ощущение, что может стать последним, словно я выжат как лимон и мне больше нечего сказать. Процесс чрезвычайно утомителен. И когда альбом выходит, и мы выходим на сцену для его исполнения…все

это кажется стоит затраченных усилий.

Я понятия не имел, чего ожидать весной 2007, когда был выпущен United Abominations. Состав снова сменился, Джеймс ЛоМенцо заменил Джеймса МакДонафа на басу.

Почти ничего не изменилось. Песни были сильны, игра плотна, и альбом взлетел, продаваясь более оживленно, чем любая пластинка Мегадэт со времени Youthanasia. 50 000 копий только в первую неделю.

Возможно, то же самое произойдет и с Endgame. Мне нравится эта пластинка (пожалуйста, простите за мою устаревшую терминалогию — в конце концов, я ребенок из виниловой эпохи). Во многом. Мне также нравится обновленный состав. Да, это так.

Больше кадровых изменений, и к тому же изумительный Крис Бродерик заменил Глена Дровера на гитаре. Если вы следите за этим процессом, восемнадцать музыкантов были частью тяжелого хэви-металлического боевого коня, известного как Мегадэт.

Семнадцать из тех, кто приходил и уходил. Или оставался.

И я.

У меня нет враждебности ни к одному из тех, кто играл в Мегадэт; фактически я пытался загладить свою вину практически с каждым, кому нанес ущерб на своем пути, и постарался простить всех, кто наебывал меня — в таких людях недостатка нет. Пару лет назад я вылетел в Феникс на встречу с Дэвидом Эллефсоном. Мы не общались некоторое время, возможно с тех самых пор, как он проиграл свой иск в суде. Мы обедали, говорили о старых временах и новых возможностях, о женах, друзьях и детях.

"Я должен сказать тебе" — сказал Джуниор. “Уход из Мегадэт был одним из глупейших поступков, что я совершил”.

Я засмеялся. “Да, я знаю”.

Все мы совершаем глупости. Хитрость заключается в том, чтобы признать свои ошибки и в следующий раз вести себя лучше. Я мог стать величайшим гитаристом в мире, если бы только был способен контролировать свои кулаки и жажду к наркотикам и алкоголю. Но я был не состоянии сделать этого. Все эти поездки в центр реабилитации, проблемы с алкоголем, наркотиками, проблемы с членами группы, драки с людьми из и вне музыкального бизнеса, проблемы с верностью жене, детьми — я смотрю на все это и думаю, что способен на очень многое.

Это чувство наполняет меня уже долгое время, словно есть нечто важное, что следует сделать спустя все прошедшие годы и я не думаю, что это ограничивается выходом на сцену и сотрясанием башкой в Мегадэт, не то чтобы мне это не нравится.

Думаю, что возможности появятся на моем пути, и если я не обращу на них внимание, то упущу их.

Знаете старый анекдот о парне, выброшенном во время наводнения и сидящим на вершине собственного дома, ожидающим Бога, чтобы спасти его? Он неоднократно отказывается от помощи спасателей, придерживаясь убеждения, что Бог лично позаботится о нем. Наконец наводнение смывает его, и он завершает свою жизнь у врат рая, вопрошая, почему Бог оставил его. Святой Петр смотрит на бедного парня и смеется.

“О чем ты говоришь? Мы посылали к тебе три катера и вертолет”.

Я чувствую, что катер приходил ко мне чаще, чем несколько раз. Заслуживал я этого или нет, но я имел успех с Металлика. Я имел успех с Мегадэт. Я снова имел успех с Мегадэт после повреждения руки. У меня есть жена, прошедшая со мной очень через трудные времена. И у меня есть двое здоровых, счастливых детей. Поэтому в какой-то момент вам придется задаться вопросом — сколько раз должен Бог сказать: “Чувак, я люблю тебя”, чтобы я взялся за ум?

У меня есть все, чего может желать человек, и даже больше.

Пора!

Об авторе

Дейв Мастейн по праву считающийся ‘отцом-основателем’ Трэш-Метал, практически без посторонней помощи создал живучий мультиплатиновый стиль, доведший как Megadeth, так и Metallica до сведения публики. Начиная с 'Killing Is My Business… and Business Is Good' 1985 года и заканчивая недавно вышедшим 'Endgame', с выпуском более двенадцати альбомов с Megadeth, Мастейн оставил наследие в виде музыки, которую описывают различными терминами, от живой до проницательной, злобной и иронической. Megadeth были восемь раз номинированы на премию Грэмми и получили шесть платин. В настоящее время Мастейн проживает в графстве Сан Диего, штат Калифорния.

Отмеченный многочисленными наградами журналист и автор бестселлеров, Джо Лейден написал более тридцати книг, включая «Последний Великий Бой», названную «Спортс Иллюстрейтед» и американской библиотечной ассоциацией одной из лучших спортивных книг 2007 года. Он также является соавтором бестселлеров Нью-Йорк Таймс «Туда и обратно» и «Говорит рок». Он проживает в северной части штата Нью-Йорк.

Посетите www.authortracker.com для получения эксклюзивной информации о вашем любимом авторе из издательства HarperCollins.

HarperCollins e-books

Авторские права

MUSTAINE. Авторские права (c) 2010 года принадлежат Дейву Мастейну. Все права защищены в соответствии с международной и пан-американской конвенциями об авторском праве. При уплате необходимых сборов, вам предоставляется неисключительное, непередаваемое право на доступ и чтение текста данной электронной книги на экране монитора. Ни одна часть из данного текста не может быть воспроизведена, передана, скачана, декомпилирована, отсканирована, сохранена или использована в любой системе хранения и поиска информации в любой форме и любыми средствами, будь то электронные или механические, известные ныне или изобретенные в будущем, без прямого письменного разрешения, полученного с сайта электронных изданий HarperCollins. Первое издание. Библиотекой Конгресса был применен метод каталогизации издания.

ISBN 978-0-06-171437-5
EPUB Edition (C) 2010 ISBN: 9780061997037
10 11 12 13 14 OV / RRD 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

Об издателе

Австралия
HarperCollins Publishers (Australia) Pty. Ltd.
25 Ryde Road (PO Box 321)
Pymble, NSW 2073, Australia
http://www.harpercollinsebooks.com.au

Канада
HarperCollins Canada
2 Bloor Street East — 20th Floor
Toronto, ON, M4W, 1A8, Canada
http://www.harpercollinsebooks.ca

Новая Зеландия
HarperCollinsPublishers (New Zealand) Limited
P.O. Box 1 Auckland,
New Zealand
http://www.harpercollinsebooks.co.nz

Великобритания
HarperCollins Publishers Ltd.
77-85 Fulham Palace Road
London, W6 8JB, UK
http://www.harpercollinsebooks.co.uk

США
HarperCollins Publishers Inc.
10 East 53rd Street
New York, NY 10022
http://www.harpercollinsebooks.com